

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Свидетельство Федеральной службы
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
ПИ № ФС 77 73382
от 17.08.2018

№ 3 (57) 2021

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2021-3>

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

- Прокопьева А.Н.** Отражение культа медведя в якутском погребении XVII–XVIII вв.
(памятник Мамыкан, Центральная Якутия).....5
- Артемикин Р.А., Федорев Ю.В., Востриков Ю.Е.** Рыболовство неолитического населения
в заливе Петра Великого около 4100 л.н. (по материалам памятника Клерк-5).....14

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

- Маклюков А.В.** Государственная политика по развитию электроэнергетики на Дальнем Востоке
в 1960-е –1980-е гг.: программы и проблемы их реализации.....24
- Тесля А.А.** Автономия, историографические альтернативы и идеологическая борьба
в исторической науке «зрелого сталинизма». *Рец.: Киселев М.А. «Регулярное» государства Петра I
в сталинской России. Судьбы историков права в контексте научных и идеологических баталий
советского времени. СПб.: Нестор-История, 2020.*.....37

ВАСИЛИЙ РОЗАНОВ: МЫСЛИТЬ УЕДИНЕННОЕ. К 165-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ФИЛОСОФА

- Евлампиев И.И.** Истинное христианство В.В. Розанова и его истоки в русской культуре.....46
- Климова С.М.** Л.Н. Толстой и В.В. Розанов: две исповеди.....57
- Пишун С.В.** В.В. Розанов и К.Н. Леонтьев.....63
- Грякалов А.А.** В.В. Розанов: письмо и этос свидетельства.....68
- Криволапова Е.М.** «Каждый человек обязан о себе написать»:
к вопросу о жанре произведений В.В. Розанова.....81
- Пучнина О.Е.** Специфика политической философии В.В. Розанова и проблемы ее исследования.....88
- Заварзина Л.Э.** Образ учителя и его деятельность в оценке В.В. Розанова.....95
- Шапошников Л.Е.** В.В. Розанов о необходимости для России «национальной школы».....104

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ф.Е. АЖИМОВ – доктор философских наук, профессор,
директор Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.В. АХМЕТОВА	кандидат исторических наук, начальник управления научно-исследовательской деятельностью Комсомольского-на-Амуре государственного университета
С.В. БЕРЕЗНИЦКИЙ	доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН
А.Л. ГЫНГОВ	PhD, заведующий кафедрой логики, этики и эстетики философского факультета Софийского университета им. Св. Климента Охридского
Х. КАТО	PhD, профессор, директор Центра изучения айнов и коренных народов Университета Хоккайдо
Н.Н. КРАДИН	член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
Д. ЛИВЕН	PhD, старший научный сотрудник Тринити колледжа Кембриджского университета, академик Британской академии наук
А.В. ЛЫСОВА	PhD, доктор социологических наук, доцент Школы криминологии Университета Саймона Фрейзера
Н.Л. МАМАЕВА	доктор исторических наук, руководитель Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН
Б.И. ПРУЖИНИН	доктор философских наук, руководитель сектора философии естественных наук Института философии РАН, главный редактор журнала «Вопросы философии»
А.В. ТАБАРЕВ	доктор исторических наук, заведующий сектором зарубежной археологии отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН
Т.Г. ЩЕДРИНА	доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета
С.Е. ЯЧИН	доктор философских наук, профессор Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, заслуженный работник высшей школы РФ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

К.С. ЕРЕМЕНКО – кандидат исторических наук,
доцент Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук

Компьютерная вёрстка Е.А. ПРУДКОГЛЯД

Полное или частичное воспроизведение материалов допускается только с разрешения редакции.
Ссылка на журнал обязательна.

Полнотекстовые версии номеров с 2008 г. размещены в сети Интернет по адресам:
ДВФУ: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
РНЭБ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28209

Подписано в печать 24.09.2021. Дата выхода в свет 15.10.2021.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 12,56. Уч.-изд. л. 12,83. Тираж 500 экз. Заказ 231.
Цена свободная.

Адрес редакции:
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, кампус ДВФУ, к. F, ауд. F602
Тел.: (423) 265-24-24 (доб. 2413), E-mail: gisdv@dvfu.ru

Адрес издателя:
690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Отпечатано в типографии
Дальневосточного федерального университета
690091, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

HUMANITIES RESEARCH

in the Russian Far East

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

ACADEMIC JOURNAL

Certificate of the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology
and Mass Media
PI № FS 77 73382
of 17.08.2018

№ 3 (57) 2021

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2021-3>

TABLE OF CONTENTS

ARCHAEOLOGY, ANTHROPOLOGY AND ETHNOLOGY IN CIRCUM-PACIFIC

- Prokopieva A.N.** The traces of bear worship in the Yakut burial of the 17th–18th century
(Mamykan site, Central Yakutia).....5
- Artyomkin R.A., Fedorets Yu.V., Vostretsov Yu.E.** Fishing among the Neolithic population
on the shores of Peter the Great Gulf around 4100 years ago (according to the data from Klerk-5 site).....14

HISTORY OF RUSSIAN REGIONS

- Maklyukov A.V.** State policy for the development of electric power industry in the Soviet Far East,
1960s–1980s: programs and problems of their implementation.....24
- Teslya A.A.** Autonomy, historiographical alternatives and ideological battles
in the discipline of history under mature Stalinism. *A review of «The “regular” state of Peter I in Stalinist Russia.
The fate of legal historians in the context of scholarly and ideological debates of the Soviet era» (2020)*
by Mikhail Kiselev.....37

VASILY ROZANOV: REFLECTING OVER SOLITARIA. TO THE 165TH ANNIVERSARY OF THE PHILOSOPHER

- Evlampiev I.I.** Vasily Rozanov's true Christianity and its origins in Russian culture.....46
- Klimova S.M.** Leo Tolstoy and Vasily Rozanov: two confessions.....57
- Pishun S.V.** Vasily Rozanov and Konstantin Leontiev.....63
- Gryakalov A.A.** Vasily Rozanov: writing and the ethos of testimony.....68
- Krivolapova E.M.** «Each person must write the book of one's own life»:
towards the issue of defining the genre of Vasily Rozanov's works.....81
- Puchnina O.E.** The features of Vasily Rozanov's political philosophy and the issues of its study.....88
- Zavarzina L.E.** The image of teacher in the works of Vasily Rozanov.....95
- Shaposhnikov L.E.** Vasily Rozanov on the necessity of the «national school» for Russia.....104

EDITOR-IN-CHIEF

FELIX E. AZHIMOV – Doctor of Sc. (Philosophy), professor,
Director of the School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

EDITORIAL STAFF

ANNA V. AKHMETOVA	Candidate of Sc. (History), Komsomolsk-na-Amure State University
SERGEY V. BEREZNITSKIY	Doctor of Sc. (History), Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences
ALEXANDER L. GUNGOV	PhD, Sofia University St. Kliment Ohridski
HIROFUMI KATO	PhD, Hokkaido University
NIKOLAY N. KRADIN	Doctor of Sc. (History), Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, corresponding member of Russian Academy of Sciences
DOMINIC LIEVEN	PhD (History), Trinity College, Cambridge University, fellow of the British Academy
ALEXANDRA V. LYSOVA	PhD, Doctor of Sc. (Sociology), Simon Fraser University
NATALYA L. MAMAEVA	Doctor of Sc. (History), Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences
BORIS I. PRUZHININ	Doctor of Sc. (Philosophy), Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
ANDREY V. TABAREV	Doctor of Sc. (History), Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
TATIANA G. SHCHEDRINA	Doctor of Sc. (Philosophy), Moscow State Pedagogical University
SERGEY E. YACHIN	Doctor of Sc. (Philosophy), Far Eastern Federal University

EXECUTIVE SECRETARY

KSENIYA S. EREMENKO – Candidate of Sc. (History), Associate Professor,
School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

Editorial office address:
F602, building F, FEFU campus, Russky Island, Vladivostok, Russia, 690922
Tel.: (423) 265-24-24 (ext. 2413)
E-mail: gisdv@dvfu.ru

Website:
DVFU: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
E-LIBRARY: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=28209>

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

УДК 903.5

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2021-3/5-13>

А.Н. Прокопьева*

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТА МЕДВЕДЯ В ЯКУТСКОМ ПОГРЕБЕНИИ XVII–XVIII ВВ. (ПАМЯТНИК МАМЫКАН, ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЯКУТИЯ)

В якутских дохристианских погребениях находки костей и когтей медведя являются единичными: обнаружение медвежьего когтя в погребении Мамыкан, относящемся к XVII – началу XVIII вв., лишь второй подобный случай. В статье рассматриваются характеристики погребения и состав сопроводительного инвентаря, а также предпринимается попытка интерпретировать значение когтя медведя, помещенного в погребение. С этой целью автор обращается к имеющимся археологическим и этнографическим сведениям о распространенном на территории Евразии культе медведя.

Ключевые слова: якуты, погребение, сопроводительный инвентарь, культ медведя, медвежий коготь, народная медицина

The traces of bear worship in the Yakut burial of the 17th–18th century (Mamykan site, Central Yakutia). ALEKSANDRA N. PROKOPIEVA (Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

The finds of wild animals' bones and claws are rare in the Yakut pre-Christian burials, the discovery of a bear claw in Mamykan burial in Central Yakutia dating back to the 17th – early 18th century is only the second case of such find. The article examines the characteristics of the burial and the composition of the funeral inventory, as well as attempts to interpret the meaning of the bear's claw placed in the female burial. To this end, the author refers to the available archaeological and ethnographic information about the bear worship widespread in Eurasia from ancient times.

Keywords: Yakuts, burial, funeral inventory, bear worship, bear claw, folk medicine

Введение

Кости и когти диких животных крайне редко встречаются в якутских дохристианских погребениях. Они не включались в тризну, не исполь-

зовались как сопроводительный инвентарь. Кости крупных птиц были обнаружены в двух погребениях и могли быть связаны с тотемными птицами [3, с. 135]. Погребение, рассматри-

* ПРОКОПЬЕВА Александра Николаевна, научный сотрудник Лаборатории «Человек в Арктике» Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН.

E-mail: sendiele@gmail.com

© Прокопьева А.Н., 2021

ваемое в данной статье, является вторым, где был обнаружен коготь дикого животного; и в том и в другом случае речь идет о когте медведя. Другим интересным фактом является то, что оба погребения – женские. Что могло лежать в основе этой особенности погребальной обрядности? Имеет ли значение пол погребенных в этом контексте? На основании археологического материала и при привлечении этнографических данных мы порассуждаем о возможных ответах на эти вопросы.

Описание погребения и материалов

Археологический комплекс Мамыкан был открыт в 1991 г. сотрудниками Майинского краеведческого музея Э.К. Жирковым и Н.П. Прокопьевым [15]. Он расположен в одноименной местности в 1,5 км от с. Майя Мегино-Кангаласского района Республики Саха (Якутия). Комплекс состоит из поселений Мамыкан 1 и Мамыкан 2 кулун-атахской культуры XIV–XVI вв. и погребения XVII–XVIII вв., которое было обнаружено в ходе разведочных работ Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН в 2020 г.

Для разбивки разведочного шурфа был выбран наименее подвергнутый оттайке участок на северной террасе аласа. Сразу после сня-

тия дерна были обнаружены остатки обгоревшей древесины и расплывчатое рыжевато-пятно с содержанием древесного угля, размером 180х90 см. В юго-западном углу квадрата А-3 сразу под дерном был обнаружен обломок трубчатой кости со следами разделки. На глубине 50 см от дневной поверхности проявилась крышка могильной конструкции, ориентированной по вектору запад-восток. Могильная конструкция состояла из двух частей плохой сохранности: саркофага и гроба. Крышка саркофага на 2/3 (в западной и центральной части) была покрыта тонким прошитым берестяным полотнищем. Саркофаг состоял только из крышки и боковых стенок из горбылей. Длина саркофага – 190 см; ширина западной части – 85 см, восточной – 76 см; высота – 36 см. Гроб состоял из четырех стенок и днища из плах: по одной широкой доске для стенок и две для днища; крышка гроба под саркофагом не прослеживается. Стенки-торцы изголовья и изножья вставлены в боковые стенки с отступом от края таким образом, что у изголовья этот отступ составил 11 см, у изножья – 21 см. Гроб имел следующие размеры: длина – 203 см; ширина западной стороны – 36 см, восточной – 32 см; высота – 26 см.

В гробу покоился костяк человека некрупного телосложения, на спине с завалом туловища

Рис. 1. Погребение Мамыкан. Общий вид

на левый бок (Рис. 1). Ноги подогнуты, колени направлены в правую сторону, стопы расположены вплотную к юго-восточному углу гроба и направлены вправо. Руки слегка согнуты в локтях, кисти уложены поверх левой части таза. Целостность костяка не нарушена, но сохранность неудовлетворительная. Примерный рост погребенного – 145 см. Антропологический осмотр черепа показал, что костяк относится к женскому.

От шеи до колен тело было укрыто одеялом из заячьего меха, остатки которого четко прослеживались поверх костяка. Лицо прикрыто куском меха или перевернутой меховой шапкой. Одежда погребенной сильно истлела, и возможность восстановления первоначального фасона исключена. На основе осмотра сохранившихся частей можно прийти к выводу о том, что на погребенной была меховая шапка, комбинированная с шелковой тканью с жаккардовым рисунком, и меховое пальто шерстью наружу. Поверх пальто, вероятно, был кожаный пояс, так как в области подреберья обнаружена железная пряжка плохой сохранности. На ногах были ноговицы «сутуруо», от которых остались фрагменты верхней и нижней кромки. Судя по сохранившемуся фрагменту верхней части, ноговицы были меховые, шерстью внутрь. На внешней части ноговиц у верхней кромки были

пришиты медные кольца для крепления к натазникам. Вдоль нижних срезов и боковых швов ноговиц была проложена лента из бисерной вышивки: центральным мотивом является повторяющийся крестообразный узор из четырех белых бусин и нескольких черных бусин между ними; от этого мотива по двум сторонам проходят по три линии из голубых бусин; заключает узор линия из чередующихся двух белых и двух черных бусин. Рядом со скоплением бисера у малой берцовой кости левой ноги был обнаружен коготь (Рис. 2) молодого медведя (определение к.б.н., с.н.с. Северо-Восточного федерального университета М.Ю. Чепрасова).

Под правой бедренной костью были обнаружены ножны без ножа, состоящие из берестяной основы и деревянного вкладыша (Рис. 3). Берестяной чехол имеет вид удлиненного прямоугольника, расширяющегося к устью. Длина ножен 21,3 см; длина широкой части 9,2 см. Высота узкой части 2,5 см, широкой части – 4,2 см. В сечении ножны имеют каплевидную форму, острой частью вниз. На нижней части приустьевой широкой стороны имеются два овальных отверстия для продевания подвеса. Размеры отверстий: высота – 0,6 см, ширина – 1–1,3 см. Устье также имеет каплевидную в сечении форму, ширина самой широкой части – 2,3 см; высота – 4,2 см. На поверхности

Рис. 2. Погребение Мамыкан. Положение ног погребенной. Красным кругом отмечен коготь медведя

Рис. 3. Берестяные ножны из погребения Мамыкан

берестяного чехла тупым острием нанесен геометрический орнамент из линий, повторяющих форму чехла и частично заполняющих пространство между краями. Под правой бедренной костью рядом с ножнами было обнаружено кольцо-коннектор, с помощью которого ножны крепились к поясу. Кольцо отлито из сплава олова и меди с большим количеством олова, что видно по серому цвету металла. Коннектор представлен в виде вписанного во внешнее кольцо креста с внутренним кольцом. Толщина изделия – 0,2 см; диаметр внешнего кольца – 3 см; диаметр внутреннего кольца – 1,9 см. На одном из сегментов изделия сохранился фрагмент кожаной петлицы.

Рядом с головой, с правой стороны погребенной был обнаружен развал деревянного сосуда. Судя по остаткам, это был небольшой туесок для пищи. Сосуд состоял из вставленного доннышка и тулова, сделанного из загнутой в виде

цилиндра дощечки. Место стыка было соединено тальниковым прутиком. На тулове был резной орнамент в виде параллельных линий и зигзага. Внутри сосуда находились остатки пищи.

У северо-восточного угла был обнаружен железный предмет. Это пластина, слегка согнутая по обеим краям (Рис. 4). Длина изделия – 6 см, ширина – 1,5 см. С одной стороны пластина была подточена, поэтому в сечении имеет вытянуто-подтреугольную форму. Толщина широкой стороны (обуха) – 0,4 см, лезвия – 0,2 см. Судя по форме изделия, это специальный нож для изготовления деревянного сосуда [8, с. 123] или обработки кожи. Стоит отметить, что рабочие инструменты тоже являются редкостью в якутских погребениях.

Состояние костяка и относительно небольшая глубина могильной ямы дают основания датировать погребение XVII – началом XVIII вв. Внутримогильные сооружения в виде

Рис. 4. Железное лезвие инструмента из погребения Мамыкан

саркофага из горбылей и ящика-гроба из досок являются характерными для погребений XVII–XVIII вв. [3, с. 61]. Наличие шелковых вставок на шапке, искусно изготовленной деревянной посуды и бисерной вышивки указывают на социальный статус покойной выше среднего.

Коготь медведя в погребении

Как было упомянуто выше, кости диких животных и птиц в целом крайне редко встречаются в погребениях: в 4 из 218 грунтовых погребений (включая погребение Мамыкан). В женском погребении Ампаардаах у правой ноги погребенной был обнаружен деревянный сосуд с крышкой, внутри которого были помещены кости некрупной птицы, куски выделанных кож, жильные нитки и обрезки синей ткани [11, с. 47]. Исходя из состава содержимого сосуда, можно предположить, что кости могли быть связаны с шитьем и изготовлением одежды. В мужском погребении в местности Дыгасы были обнаружены кости стерха (Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 1407. Оп. 1. Д. 44). В погребении Тонгус Кюель 4 дистальная фаланга медведя с когтем лежала у правой ноги погребенной женщины [20].

В древности культ медведя был распространен у многих народов Евразии, что подтверждается археологическими и этнографическими данными [17]. Культ медведя является одним из древнейших, истоки которого восходят к эпохе верхнего палеолита [19, с. 14]. Череп, когти и зубы медведя встречаются среди археозоологических материалов культовых мест и комплексов, поселений и погребений. Скелетные части, в частности, череп использовались для обрядов, связанных с идеей «умирающего и воскресающего» божества. Погребали отдельные части скелета медведя, в частности – черепа [7]. В контексте поселений находят цельные кости лап, челюсти, что свидетельствует о существовании соответствующих религиозных представлений. В целях апотропейной магии зубы и когти носили как подвеску [13], пришивали на одежду [10, с. 28], включали в состав узды [6].

На территории Якутии еще не найдены древние святилища или жертвенные места с костными останками медведя, не обнаруживается их существенное количество среди материалов стоянок и поселений. К единичным случаям можно отнести находки в очажных ямах многослойного поселения Куллата. Половина челюсти медведя была обнаружена в яме № 1

ниже черепа, лопатки и бедренной кости лося [14, с. 31]. На дне ямы № 3, приуроченной ко 2 слою, были обнаружены фаланги и когти медведя в анатомическом порядке [14, с. 34]. Рядом с лапой находился рог лося и крупный фрагмент неолитической керамики. Поверх них были уложены плиты песчаника, перекрытые 5-сантиметровым слоем золы, в котором была обнаружена флейта из кости большой птицы. Содержание очажных ям (в дополнение к вышеописанным – роговая секира в наклонном положении, лезвием ко дну, в яме № 2) можно интерпретировать как часть религиозного культа неолитического населения Якутии. Остеологический материал из поселенческих памятников XVII–XVIII вв. еще не становился темой специального исследования, поэтому трудно сказать о наличии в них костных останков медведя. Но если отталкиваться от этнографических материалов, то останки медведя складывали на специальном лабазе, а череп вешали на дерево [1, с. 117].

В культуре и быте современных якутов до сих пор прослеживаются характерные для культа медведя элементы: представления о медведе как о человеке (миф о медведе – превращенном человеке; миф о сожительстве женщины и медведя; иносказательность, т.н. медвежий язык и т.д.), особые способы и приемы охоты на медведя, правила принятия в пищу медвежьего мяса и сала, сохранение целостности костей и особое обращение с костными останками. Все это относится к древнейшему евразийско-американскому пласту медвежьего культа [4] и в древности было обязательным к исполнению всеми членами коллектива. Возможно, к этому же культу восходит якутское гадание «*түөрэх бырагы*» – подбрасывание ритуальной ложки или колотушки шаманского бубна для получения ответа на заданный вопрос. Аналогичное гадание, но с подбрасыванием медвежьей лапы фиксируется у многих народов Сибири [17, с. 47; 18, с. 124]. На связь этих гаданий указывает то, что у кетов, хакасов и тунгусо-манчжурских народов лапа медведя могла служить колотушкой шаманского бубна [9].

В этнографии якутов вплоть до современности коготь и лапа медведя с когтями считаются сильными оберегами [1, с. 111]. Целую лапу медведя вешали над колыбелью, чтобы злой дух не забрал душу ребенка, амулеты в виде когтя носили на ремешке для апотропейной магии. Аналогичные практики были широко распространены в Сибири. Например, качинцы вешали

сушеные лапы медведя с когтями на крючок за дверью [1, с. 120], а ненцы хранили как амулет клык и коготь, охотники носили клык медведя на поясе в качестве апотропея и талисмана [12, с. 41]. Подобные амулеты бытуют в Якутии и в наши дни, начиная от высушенной лапы медведя над входом в дом и заканчивая инкрустированным серебром когтем в салоне автомобиля. Зуб и лапа медведя с когтями использовались в народной медицине. Например, при зубной боли следовало держать во рту медвежий зуб [5, с. 32], а при мастите когтями царапали больную грудь [5, с. 41; 16]. Последнее, вероятно, восходит к распространенному мифу о женщине, превратившейся в медведя [2, с. 51]. Тем интереснее тот факт, что коготь медведя был найден именно в женских погребениях.

В свете того, что коготь медведя использовался в народной медицине, необычное положение тела в гробу и наличие когтя в купе могут свидетельствовать о плохом состоянии здоровья погребенной. Он мог использоваться как амулет или часть терапии. Уложение когтя у ног и само положение ног погребенной могут указывать на болезни опорно-двигательного аппарата. Коготь мог находиться в мешочке или был прикреплен к голенищу обуви или ноговицам.

В Центральной Якутии многие топонимы имеют тунгусо-маньчжурское происхождение, это относится и к названию «Мамыкан»: слово *амака/амикан* (*мамыкан*) на эвенкийском языке означает «медведь». Можно предположить, что название местности связано с тотемным животным жителей аласа, но вряд ли можно указывать на конкретную связь. Тем не менее, это интересное совпадение.

Заключение

В целом, рассмотренное погребение оказалось интересным с научной точки зрения. Несмотря на кажущуюся типичность, в нем заключены нехарактерные для аналогичных памятников артефакты: медвежий коготь, профессиональный инструмент и пустые берестяные ножны. Кости и когти диких животных и птиц в якутских погребениях единичны, поэтому обнаружение когтя медведя в погребении Мамыкан имеет большое значение. Здесь мы видим отражение культа медведя, согласно которому части этого животного обладают магической защитной и целительной силой. Коготь мог служить защитным амулетом при жизни погребенной или был частью народной медицины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980.
2. Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. // Этнография и фольклор народов Сибири. Новосибирск: Наука, 2008. С. 17–184.
3. Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008.
4. Васильев Б.А. Медвежий праздник // Советская этнография. 1948. № 4. С. 78–104.
5. Григорьева А.М. О народной медицине якутов. Якутск: Кн. изд-во, 1991.
6. Гуляев В.И. Образ медведя в скифо-сибирском зверином стиле // Археология евразийских степей. 2017. № 3. С. 119–140.
7. Жамбалтарова Е.Д. Культ медведя у древнего населения Юго-Восточного Прибайкалья: интерпретация раннеэнеолитического объекта с черепом медведя Фофановского могильника // Россия и АТР. 2013. № 3. С. 142–151.
8. Зыков Ф.М. Традиционные орудия труда якутов (XIX – начало XX века). Новосибирск: Наука, 1989.
9. Кернер В.Ф. Медведь в обрядах перехода // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. С. 49–66.
10. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. унта, 2002.
11. Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII в. (по материалам погребений). Якутск: Якутиздат, 1971.
12. Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. М.: Ладога-100, 2003.
13. Косинцев П.А. Человек и медведь в голоцене Северной Евразии (по археозоологическим данным) // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск, 2000. С. 4–9.
14. Окладников А.П. Ленские древности. Вып. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
15. Прокопьева А.Н. Раскопки средневекового поселения Мамыкан // Вопросы изучения истории и культуры народов Центральной Азии и сопредельных регионов. Материалы Международной научно-практической конференции. Кызыл, 2006. С. 30–33.
16. Содномпилова М.М. Лекари-близнецы в культуре тюрко-монгольских народов: круг

целительских практик, атрибуты, приемы // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 67–80.

17. Соколова З.П. Культ медведя и медвежий праздник в мировоззрении и культуре народов Сибири // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 41–59.

18. Степанова О.Б. Северные селькупы: система традиционных взглядов в зеркале одного интервью // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2. С. 124–131.

19. Табарев А.В. О ранних свидетельствах существования культа медведя в Евразии и Северной Америке // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск, 2000. С. 10–14.

20. Crubézy, E., 2007. Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale – 2007 (Rapport). Toulouse: Université Paul Sabatier.

REFERENCES

1. Alekseev, N.A., 1980. Rannie formy religii tyurkoyazychnykh narodov Sibiri [Early forms of religion of Turkic-speaking peoples in Siberia]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

2. Alekseev, N.A., 1975. Traditsionnye religioznye verovaniya yakutov v XIX – nachale XX v. [Traditional religious beliefs of the Yakuts in the 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

3. Bravina, R.I. and Popov, V.V., 2008. Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' yakutov: pamyatniki i traditsii (XV–XIX vv.) [The Yakut funeral and memorial rites: sites and traditions (from 15th to 19th century)]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

4. Vasiliev, B.A., 1948. Medvezhii prazdnik [Bear festival], Sovetskaya etnografiya, no. 4, pp. 78–104. (in Russ.)

5. Grigorieva, A.M., 1991. O narodnoi meditsine yakutov [On folk medicine of the Yakuts]. Yakutsk: Knizhnoe izdatel'stvo. (in Russ.)

6. Gulyaev, V.I., 2017. Obraz medvedya v skifosibirskom zverinom stile [The image of a bear in the Scythian-Siberian animal style], Arkheologiya evraziiskikh stepei, no. 3, pp. 119–140. (in Russ.)

7. Zhambaltarova, E.D., 2013. Kul't medvedya u drevnego naseleniya Yugo-Vostochnogo Pribaikal'ya: interpretatsiya ranneneoliticheskogo ob'ekta s cherepom medvedya Fofanovskogo mogil'nika [Bear worship among the ancient population of the southeastern Baikal region: interpretation of an early Neolithic object with

a bear skull from Fofanovsky burial ground], Rossiya i ATR, no. 3, pp. 142–151. (in Russ.)

8. Zykov, F.M., 1989. Traditsionnye orudiya truda yakutov (XIX – nachalo XX veka) [Traditional tools of the Yakuts, 19th – early 20th century]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

9. Kerner, V.F., 2003. Medved' v obryadakh perekhoda [Bear in the rites of passage]. In: Obrazy i sakral'noe prostranstvo drevnikh epokh. Ekaterinburg: Akva-Press, 2003, pp. 49–66. (in Russ.)

10. Kiryushin, Yu.F., 2002. Eneolit i rannaya bronza yuga Zapadnoi Sibiri [The Chalcolithic and Early Bronze Age of the south of Western Siberia]. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta. (in Russ.)

11. Konstantinov, I.V., 1971. Material'naya kul'tura yakutov XVIII v. (po materialam pogrebenii) [Material culture of the 18th century Yakuts (based on materials from burials)]. Yakutsk: Yakutizdat. (in Russ.)

12. Kosarev, M.F., 2003. Osnovy yazycheskogo miroponimaniya [The basics of pagan worldview]. Moskva: Ladoga-100. (in Russ.)

13. Kosintsev, P.A., 2000. Chelovek i medved' v goltsene Severnoi Evrazii (po arkheozoolo-gicheskim dannym) [Man and bear in the Holocene of Northern Eurasia (according to archaeozoological data)]. In: Narody Sibiri: Istoriya i kultura. Medved' v drevnikh i sovremennykh kulturakh Sibiri. Novosibirsk, 2000, pp. 4–9. (in Russ.)

14. Okladnikov, A.P., 1950. Lenskie drevnosti. Vyp. 3 [The antiquities of Lena. Vol. 3]. Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (in Russ.)

15. Prokopieva, A.N., 2006. Raskopki srednevekovogo poseleniya Mamykan [Excavations of the medieval settlement of Mamykan]. In: Voprosy izucheniya istorii i kul'tury narodov Tsentral'noi Azii i sopredel'nykh regionov. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Kyzyl, 2006, pp. 30–33. (in Russ.)

16. Sodnompilova, M.M., 2020. Lekaribliznetsy v kul'ture tyurko-mongol'skikh narodov: krug tselitel'skikh praktik, atributy, priemy [Twin healers in the culture of the Turko-Mongolian peoples: a circle of healing practices, attributes, techniques], Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii, Vol. 16, no. 2, pp. 67–80. (in Russ.)

17. Sokolova, Z.P., 2002. Kul't medvedya i medvezhii prazdnik v mirovozzrenii i kul'ture narodov Sibiri [Bear worship and bear festival in the worldview and culture of the peoples of Siberia], Etnograficheskoe obozrenie, no. 1, pp. 41–62. (in Russ.)

18. Stepanova, O.B., 2014. Severnye sel'kupy: sistema traditsionnykh vzglyadov v zerkale odnogo interv'yua [Northern Selkups: the system of traditional views in the mirror of one interview], Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii, no. 2, pp. 124–131. (in Russ.)
19. Tabarev, A.V., 2000. Orannikhsvidetel'stvakh sushchestvovaniya kul'ta medvedya v Evrazii i Severnoi Amerike [On the early evidence of existence of the bear worship in Eurasia and North America]. In: Narody Sibiri: Istoriya i kultura. Medved' v drevnikh i sovremennykh kul'turakh Sibiri. Novosibirsk, 2000, pp. 10–14. (in Russ.)
20. Crubézy, E., 2007. Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale – 2007 (Rapport). Toulouse: Université Paul Sabatier.

Р.А. Артемкин, Ю.В. Федорец, Ю.Е. Вострецов*

РЫБОЛОВСТВО НЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
В ЗАЛИВЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО ОКОЛО 4100 л.н.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА КЛЕРК-5)**

В статье представлены результаты реконструкции рыболовства на основании исследования остатков костей рыб из верхней части и поверхности неолитической раковинной кучи на многослойном памятнике Клерк-5. Эти слои ассоциируются с волнами расселения ранних земледельцев, связанных с зайсановской культурной традицией и мигрировавших на морское побережье залива Петра Великого из долины р. Туманной около 4100 л.н. Согласно результатам реконструкции, древнее население памятника вело промысел как минимум одиннадцати видов рыб. Рыболовство осуществлялось в трех водных средах – море, лагуне и реке в течение всего года, но его пик приходился на летний период.

Ключевые слова: археозоология, неолит, памятник Клерк-5, зайсановская культурная традиция, раковинная куча, рыболовство

Fishing among the Neolithic population on the shores of Peter the Great Gulf around 4100 years ago (according to the data from Klerk-5 site). ROMAN A. ARTYOMKIN, YURI E. VOSTRETSOV (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences), YULIA V. FEDORETS (V.I. Il'ichev Pacific Oceanological Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

The article presents the results of the reconstruction of the fishing based on the study of the remains of fish bones from the upper part and the surface of the Neolithic shell midden at the multilayer site Klerk-5. These layers are associated with the waves of settlers representing the Zaisanovsky cultural tradition who migrated to the sea coast of Peter the Great Gulf from the valley of the Tumen River around 4100 years ago. According to the results of the reconstruction, the fishing of the ancient population of the site targeted at least eleven species of fish. Fishing was carried out in three aquatic environments – sea, lagoon, and river throughout the year, but its peak was in summer.

Keywords: archaeozoology, Neolithic, Klerk-5 site, Zaisanovsky cultural tradition, shell midden, fishing

---

* АРТЕМКИН Роман Александрович, старший лаборант сектора первобытной археологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: artemkinra@mail.ru

ФЕДОРЕЦ Юлия Владимировна, кандидат биологических наук, научный сотрудник Тихоокеанского океанологического института им. В.И. Ильичева Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: lulya81@mail.ru

ВОСТРЕЦОВ Юрий Евгеньевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора первобытной археологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: vost54@mail.ru

© Артемкин Р.А., Федорец Ю.В., Вострецов Ю.Е., 2021

** Авторы приносят глубокую благодарность А.В. Санниковой за первичное определение костных остатков.

Введение

Изучение процессов адаптации различных групп древнего населения становится одной из актуальных тем в современной российской археологии. При этом рыболовство, как важная отрасль получения пищевых ресурсов в условиях морских побережий, остается недостаточно изученным по ряду причин [3]. Материалы из многослойного памятника Клерк-5, расположенного на западном побережье залива Петра Великого, дают возможность реконструировать рыболовство раннеземледельческого населения зайсановской культурной традиции, мигрировавшего на побережье Хасанского района Приморского края из долины р. Туманной около 4100 лет назад. Остатки костей рыб этого времени были известны до сих пор только на памятнике Зайсановка-1 в незначительном объеме [4].

Памятник Клерк-5 неоднократно заселялся разными культурными группами населения в течении среднего голоцена. Структуры морских и наземных ландшафтов вокруг памятника постоянно изменялись в связи с изменениями климата и уровня моря. В конце атлантического периода голоцена, когда уровень моря был на три метра выше современного, поселение находилось на палеоострове [5]. В переходный период от атлантика к суббореалу происходило долговременное похолодание климата, сопряженное с падением уровня моря до трех-четырех метров ниже современного. Пик падения уровня моря приходился примерно на рубеж 4500–4300 лет назад. На фазе регрессии между палеоостровом Клерк и континентальным побережьем формировались аккумулятивные песчаные косы, внутри которых образовалась палеолагуна. При приближении к пику регрессии моря лагуна, вероятно, исчезает, а по мере подъема уровня моря, близкого к современному, появляется в том или ином виде. Примерно после пика регрессии произошло потепление климата и начался быстрый подъем уровня моря. Этот процесс сопровождался уменьшением площади песчаных кос по обрамлению палеолагуны. Около рубежа 4100 лет назад уровень моря был чуть ниже современного или близок к нему. Скорее всего, формы рельефа перешейка и палеолагуны были близки к современным. Состояние лагуны постоянно менялось. Возвышенные места занимали дубово-широколиственные леса многовидового состава [5].

Ранее мы реконструировали рыболовство предыдущих обитателей многослойного памят-

ника Клерк-5, которые в том числе отражали расселение культурных групп ранних земледельцев, принадлежавших зайсановской культурной традиции [4]. В данной статье рассматриваются отложения, связанные с последними волнами заселения памятника ранними земледельцами зайсановской культурной традиции, которые мигрировали из районов среднего течения р. Туманной около 4100 лет назад. Судя по составу моллюсков верхней части неолитической раковинной кучи, в это время происходило потепление климата [6].

Целью исследования является определение видового состава промысловой ихтиофауны и реконструкция сезонного поведения древнего населения по отношению к добыче рыбы по материалам верхней части и поверхности неолитической раковинной кучи на многослойном памятнике Клерк-5.

Характеристика памятника и культурных отложений

Памятник расположен на северо-западной оконечности возвышенной части полуострова, обращенной к бухте Бойсмана, на стыке с песчаной косой, соединяющей полуостров с материком. Участок суши, на котором находится памятник, представляет собой береговую линию конца атлантического периода голоцена, около 5000 лет назад, когда возвышенная часть п-ва Клерк была островом. В данной работе рассматривается верхняя часть и поверхность неолитической раковинной кучи многослойного памятника Клерк-5. Чем отличаются эти стратиграфические образования? Отложения верхней части неолитической раковинной кучи сформировались в результате различных видов хозяйственной деятельности, среди которых системообразующим (или слоеобразующим) был сбор моллюсков, в основном устриц [1]. Верхняя часть раковинной кучи в шурфе 2 состояла из 12 единиц отложения раковин различных моллюсков, в которых встречались кости рыб и млекопитающих, фрагменты керамики, каменных изделий, карбонизированной древесины и др. Наличие раковин моллюсков химически и механически защищало костные остатки рыб от разрушения.

Отложения поверхности неолитической раковинной кучи, напротив, сформировались после завершения образования собственно раковинной кучи. Формировались они гораздо более длительное время, чем собственно раковинная куча. Естественно, на этой поверхности осуществля-

лась активная хозяйственная деятельность, и остатки костей рыб, не защищенные раковинами моллюсков, подвергались гораздо большему разрушающему воздействию. Именно поэтому в этом слое такой низкий процент остатков костей рыб, пригодных для идентификации.

Результаты

В отложениях верхней части неолитической раковинной кучи было обнаружено 4049 фрагментов костей рыб, пригодных для идентификации оказалось 2555 экз., остальные 1494 экз. идентифицировать не удалось в связи с плохой сохранностью. Анализ результатов показал, что костные остатки принадлежали как минимум 11 видам рыб, относящимся к 13 родам, 10 семействам и 9 отрядам (табл. 1).

Все добывавшиеся виды, исходя из их численности в уловах, можно разделить на основные (59,67%), второстепенные (35,18%) и прочие (или прилов) (5,15%). Основой улова являлась тихоокеанская сельдь, доля которой составила 43,68%, второстепенную роль играли красноперка (16,07%) и камбаловые (19,17%). Немаловажную роль в уловах древних рыбаков имели также керчаковые (4,23%), карповые (4,89%), морские окуни (3,44%), кефаль (2,23%), тихоокеанские лососи (1,72%), японская (восточная) скумбрия (1,25%). Возможно, остальные виды встречались в качестве прилова: треска (0,39%), дальневосточная навага (0,59%), минтай (0,97%), серебряный карась (0,43%), собака-рыба (0,08%) и др.

В отложениях на поверхности неолитической раковинной кучи было обнаружено 638 фрагментов костей рыб, из них пригодных для идентификации оказалось 30 экз., остальные 608 экз. идентифицировать не удалось в связи с плохой сохранностью.

Анализ результатов показал, что костные остатки принадлежали как минимум 4 видам рыб, относящимся к 5 родам, 5 семействам и 5 отрядам. Здесь основную долю улова также составляла тихоокеанская сельдь (13,33%), чуть меньшую – малоротая корюшка и серебряный карась (по 10%) (табл. 2).

Краткая характеристика некоторых основных видов рыб из неолитической раковинной кучи

Тихоокеанская сельдь (*Clupea pallasii*) – один из самых распространенных видов, доля которого среди костных остатков составила

43,68% или 1116 шт. Тихоокеанская сельдь очень пластичный вид. Она может не только заходить в воды с соленостью всего 10–12 ‰, но и обитать в них (так называемые озерные сельди). С приливами сельдь заходит в реки, поднимаясь иногда вверх по течению на десятки километров. Но чаще всего, большую часть года, обитает в морской толще, вдали от побережья. К берегу подходит только в сезон нереста. Нерестилища приурочены к узкой прибрежной полосе с обильными зарослями морской травы и водорослей на глубине от 1 до 15 м.

Нерестовый сезон тихоокеанской сельди делится на три подхода. Первый начинается со второй половины февраля и достигает пика в середине марта. В первом ходе, как правило, участвуют наиболее крупные особи. Второй ход начинается с конца марта и длится до середины апреля. Третий, наиболее массовый, приходится на конец апреля – начало мая. Примерно с середины июня сельдь начинает отходить обратно в открытые воды для нагула.

Дальневосточные красноперки (*Tribolodon* spp.). Было идентифицировано 409 костных остатков или 16,07% от общего количества находок. Из-за плохой сохранности остатки удалось определить только до рода. Однако мы предполагаем, что они могли относиться к двум видам, представленным в заливе Петра Великого:

1. *Tribolodon brandti*. В водах Приморья этот вид распространен повсеместно. Обычно обитает в мелких бухтах и заливах на глубине не более 50 м. Ход на нерест в реки начинается в мае, после чего скатывается обратно в море. Молодь уходит из рек в сентябре и возвращается в ноябре на зимовку.

2. *Tribolodon hakonensis*. Жизненный цикл вида разделен на два периода: морской и пресноводный. Морской период состоит из двух этапов. Первый, весенний, связан с нагулом в прибрежной полосе и эстуариях и длится с конца марта до конца мая. Второй этап приходится на период между нерестом и зимовкой со второй половины июня по конец октября. Во время нагула этот вид красноперки держится на мелководье не глубже 20 м. Пресноводный период включает в себя зимовку, длящуюся с ноября по март, и нерест с апреля по июнь.

Дальневосточная навага (*Eleginus gracilis*). Представлена в коллекции 15 позвонками (0,59%). Дальневосточная навага является холодолюбивой рыбой, широко распространенной в водах Приморья. В основном обитает

**Виды, роды и семейства рыб, костные остатки которых были обнаружены
в верхней части неолитической раковинной кучи (4121 л.н.)**

№	Род, вид	Количество костных остатков		Время возможного вылова
		Шт.	%	
Отряд Clupeiformes – сельдеобразные, семейство Clupeidae – сельдевые				
1	<i>Clupea pallasii</i> – Дальневосточная сельдь	1116	43,68	Весна
Отряд Salmoniformes – лососеобразные, семейство Salmonidae – лососевые				
2	<i>Oncorhynchus</i> ssp. – Тихоокеанские лососи	44	1,72	Конец весны – лето, осень
Отряд Cypriniformes – карпообразные, семейство Cyprinidae – карповые				
3	<i>Gen. sp.</i>	125	4,89	Весна – осень
4	<i>Carassius auratus gibelio</i> – Серебряный карась	11	0,43	Весна – осень
5	<i>Tribolodon</i> ssp. – Дальневосточные красноперки	409	16,07	Весна – осень
Отряд Gadiformes – трескообразные, семейство Gadidae – тресковые				
6	<i>Gadus microcephalus</i> – Тихоокеанская треска	10	0,39	Осень – зима
7	<i>Eleginus gracilis</i> – Дальневосточная навага	15	0,59	Зима – начало весны
8	<i>Theragra chalcogramma</i> – Минтай	25	0,97	Осень – зима
Отряд Scorpaeniformes – скорпенообразные, семейство Scorpaenidae – скорпеновые				
9	<i>Sebastes schlegelii</i> – Темный окунь	13	0,51	Лето – осень
10	<i>Sebastes</i> sp. – Морские окуни	88	3,44	–
Отряд Scorpaeniformes – скорпенообразные, семейство Cottidae – керчаковые				
11	<i>Gen. sp.</i>	108	4,23	–
12	<i>Gymnacanthus</i> ssp. – Гимнаканты	4	0,16	Лето – осень
13	<i>Muhocephalus</i> ssp. – Керчаки	6	0,23	Лето – осень
Отряд Perciformes – окунеобразные, семейство Mugilidae – кефалевые				
14	<i>Mugil</i> ssp. – Кефали	57	2,23	Лето
Отряд Scombriformes – скумбриеобразные, семейство Scombridae – скумбриевые				
15	<i>Scomber japonicus</i> – Японская скумбрия	32	1,25	Лето
Отряд Pleuronectiformes – камбалообразные, семейство Pleuronectidae – камбаловые				
16	<i>Gen. sp.</i>	332	12,99	–
17	<i>Limanda aspera</i> – Желтоперая камбала	157	6,14	Весна, лето, осень
18	<i>Pseudopleuronectes obscurus</i> – Темная камбала	1	0,04	Весна, лето, осень
Отряд Tetraodontiformes – сротночелюстные, семейство Tetraodontidae – четырехзубые				
19	<i>Takifugu</i> spp.	2	0,08	Лето
Всего определено:		2555	100	

Виды, роды и семейства рыб, костные остатки которых были обнаружены на поверхности неолитической раковинной кучи

№	Род, вид	Количество костных остатков		Время возможного вылова
		Шт.	%	
Отряд Clupeiformes – сельдеобразные, семейство Clupeidae – сельдевые				
1	<i>Clupea pallasii</i> – Дальневосточная сельдь	4	13,33	Весна
Отряд Osmeriformes – корюшковые, семейство Osmeridae – корюшковые				
2	<i>Hypomesus</i> sp. – Морская малоротая корюшка	3	10	Зима – весна
Отряд Cypriniformes – карпообразные, семейство Cyprinidae – карповые				
3	<i>Carassius auratus gibelio</i> – Серебряный карась	3	10	Весна – осень
4	<i>Tribolodon</i> ssp.– Дальневосточные красноперки	1	3,33	Весна – осень
Отряд Perciformes – окунеобразные, семейство Mugilidae – кефалевые				
5	<i>Liza haematochila</i> – Пиленгас	1	3,33	Лето
Отряд Pleuronectiformes – камбалообразные, семейство Pleuronectidae – камбаловые				
6	<i>Limanda aspera</i> – Желтоперая камбала	2	6,66	Весна, лето, осень
7	<i>Pseudopleuronectes</i> sp.	1	3,33	Весна, лето, осень
Всего определено:		30	100	

вблизи берегов, на глубине от 2 до 60 м. Сезонные перемещения с глубоких мест связаны с изменением температуры воды и нерестом. Ход на нерест проходит зимой и ранней весной, примерно с января по март. Поздней весной и летом отходит обратно на большие глубины. Добывается преимущественно зимой различными орудиями лова, чаще вентерями, ставными неводами и крючковыми снастями.

Тихоокеанская треска (*Gadus macrocephalus*). Выявлены 15 позвонков трески (0,39%). Она распространена по всему Японскому морю. Большую часть времени обитает на шельфе. В залив Петра Великого заходит на нерест в феврале-апреле на глубинах в 100–150 м. Может приближаться к прибрежному мелководью с глубинами 20–70 м во время нагула. Также может в зимний период выходить на меньшие глубины. С прогревом воды уходит обратно на шельф.

Японская скумбрия (*Scomber japonicus*). Представлена 32 позвонками (1,25%). Японская скумбрия является стайной пелагической рыбой средних размеров. Это массовый вид, совершающий протяженные миграции. Весной и в начале лета она из районов нереста мигрирует в воды Приморья для нагула. Нерест японской скумбрии проходит на юге Японского моря в апреле-мае. Часть мигрирующих косяков, особенно в годы с высокой численностью, нерестится в водах залива Петра Великого в июне-июле. Мальки тяготеют к закрытым бухтам и заливам. Обратная миграция скумбрии из вод Приморья на юг начинается осенью, с похолоданием вод. К концу октября она полностью уходит из местных вод.

Семейство камбаловые (*Pleuronectidae*). В общей сложности было обнаружено 490 костных остатков (позвонков и лучей) камбаловых, что составляет около 19,17% всех костных остатков, найденных в верхней части неолитической раковинной кучи. Видимо, в период ее формирования камбалы принадлежали к числу основных промысловых рыб. Это можно объяснить тем, что камбалы держатся на сравнительно неглубоких местах и легко доступны для лова на удочку и битья острогой.

Желтоперая камбала (*Limanda aspera*). Представлена 157 позвонками (6,14%). Камбалы ведут придонный образ жизни. Этот вид наиболее многочисленный и широко распространенный. На глубинах 100–250 м желтоперая камбала образует большие скопления,

особенно в зимнее время, впадая при этом в оцепенение и почти не питаясь. Весной, с апреля по май, стаи рыб перемещаются для нагула. Летом распределяется по всему мелководью. Нерест проходит вблизи берегов примерно с конца мая по август, с пиком в июне. Желтоперая камбала – одна из важнейших промысловых рыб Дальнего Востока.

Реконструкция сезонности промысла

При реконструкции рыболовной деятельности неолитического населения мы исходим из предположения, что древние обитатели памятника Клерк-5 при выборе объекта, времени и места промысла руководствовались принципом оптимальности, то есть старались добывать те или иные виды рыб, когда они образовывали значительные скопления вблизи побережья, в связи с чем добыча была наименее затратна и наиболее результативна [7; 8].

Чаще всего в находках встречались остатки тихоокеанской сельди (*Clupea pallasii*). Это может говорить о том, что именно этот вид был системообразующим видом для экосистемы побережья и главным объектом промысла. Учитывая тот факт, что сельдь является океаническим видом и подходит к берегам, образуя нерестовые скопления, с начала марта до конца апреля, можно говорить о том, что она могла добываться только в этот весенний период (Рис. 1: 1). Вероятнее всего, промысел велся на мелководье в прибрежной полосе с зарослями морской травы. В этот период лов сельди мог осуществляться любыми орудиями и даже просто голыми руками. Также мог вестись промысел икры, откладываемой в зарослях травы и на любые предметы, в том числе и специально приготовленные ветки деревьев [5].

Карповые, вероятно, могли добываться на протяжении всего года. В основном велась добыча красноперки. В апреле красноперка образует преднерестовые скопления в устьях рек и на перекатах, где ее могли ловить любой сетевой снастью. Затем она скатывалась в лагуну и прибрежное мелководье, где могла добываться с конца мая по октябрь (Рис. 2). Во время зимовки, с ноября по март, карповые могли быть объектом речного рыболовства. Доказательством наличия речного рыболовства могут служить находки остатков серебряного карася, который является полностью пресноводным видом.

Навага могла добываться на мелководье во время нереста, примерно с января по март, ког-

да температура прибрежных вод достигает отрицательных значений. Она могла быть объектом подледной рыбалки. Подобным же образом могла добываться и треска, подходящая к берегу при отрицательной температуре воды, примерно с декабря по февраль (Рис. 1: 4).

Скумбрия образует визуально различимые нерестовые скопления в виде косяков у берегов в июне-июле (Рис. 1: 2). С это времени она могла добываться разнообразными сетевыми снастями. В августе-октябре в более глубоких участках бухты, вдали от берега, нагуливается половозрелая рыба, в сентябре – молодь (Рис. 1: 3).

Представители семейств скорпеновые и керчаковые могли быть выловлены в более глубоких участках бухты с каменистым дном в летний период, с начала июня по конец июля (Рис. 1: 2).

Кефалевые могли добываться в достаточно широкий период времени, с мая по октябрь: в летнее время – на песчаном мелководье с зарослями морской травы (зостеры) и в палеолагуне во время нагула и нереста (Рис 1: 2), в осенний и зимний периоды – в устье реки по ямам и в палеолагуне (Рис. 1: 3, 4).

Одним из главных объектов промысла были камбалы. Скорее всего, они могли добываться

как на мелководных, песчаных участках бухты, так и в мелководной песчаной лагуне в течение весны и до поздней осени (Рис. 1: 2, 3). Этим объясняется относительно большое количество обнаруженных остатков.

Материалы синхронных отложений на памятнике Зайсановка-1, который находится на мысу в месте впадения р. Гладкой и лагуны в море, показывают, что немногочисленные остатки костей рыб свидетельствуют о рыболовстве в холодное время года [4].

Выводы

Исходя из представленной выше реконструкции, можно сделать вывод о том, что основной промысел рыбы древними обитателями памятника Клерк-5 велся в весенне-летний период (Рис. 2). Вылавливали главным образом такие виды, как тихоокеанская сельдь, красноперка, а также представителей семейства камбаловых. Таким образом, основным объектом добычи были те виды, которые предсказуемо образуют большие скопления на мелководье, а их добыча требует минимальных затрат. Сам же промысел велся преимущественно на мелководье прибрежной полосы, а также в палеолагуне. Однако добыча могла вестись и в других местах,

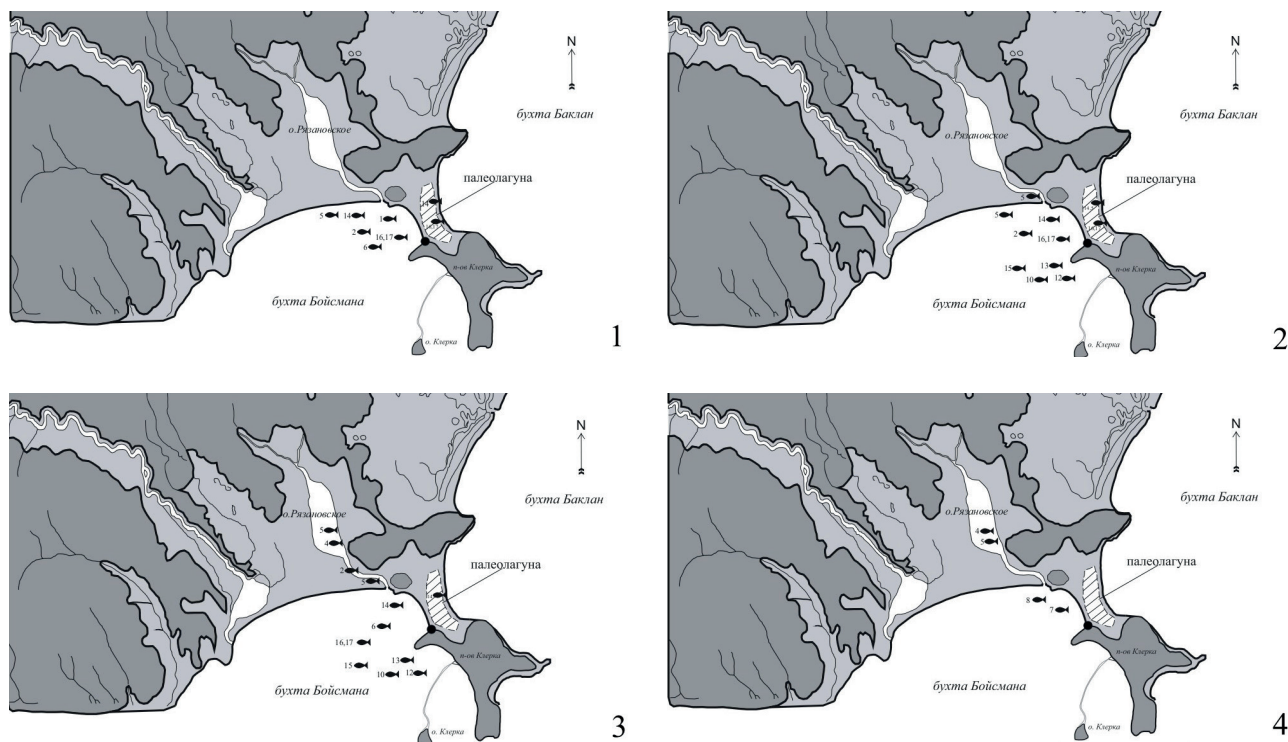

Рис. 1. Поселение Клерк-5. Карта сезонного присутствия рыб в бухте Бойсмана 4121 л.н.:

1 – весна; 2 – лето; 3 – осень; 4 – зима.

Условные обозначения:

🐟 – виды рыб, согласно табл. 1; ● – памятник Клерк-5

таких как устье реки, о чем свидетельствуют единичные находки пресноводных видов рыб, или в глубоких, каменистых участках бухты, локализирующихся поблизости от поселения.

Несмотря на то, что большая доля рыболовства приходится на весенне-летний период, оно могло вестись на протяжении практически всего года, о чем говорят многочисленные находки красноперок и кефалевых, которые вполне могли добываться и поздней осенью. Также в

находках наблюдается некоторое количество остатков, принадлежащих холодолюбивым видам рыб. К ним относятся тихоокеанская треска, дальневосточная навага и минтай, а также найденная на поверхности раковинной кучи морская малоротая корюшка (табл. 2). Наличие подобных видов могло бы свидетельствовать о похолодании климата во время формирования верхней части неолитической раковинной кучи. Однако данный вывод противоречит данным ви-

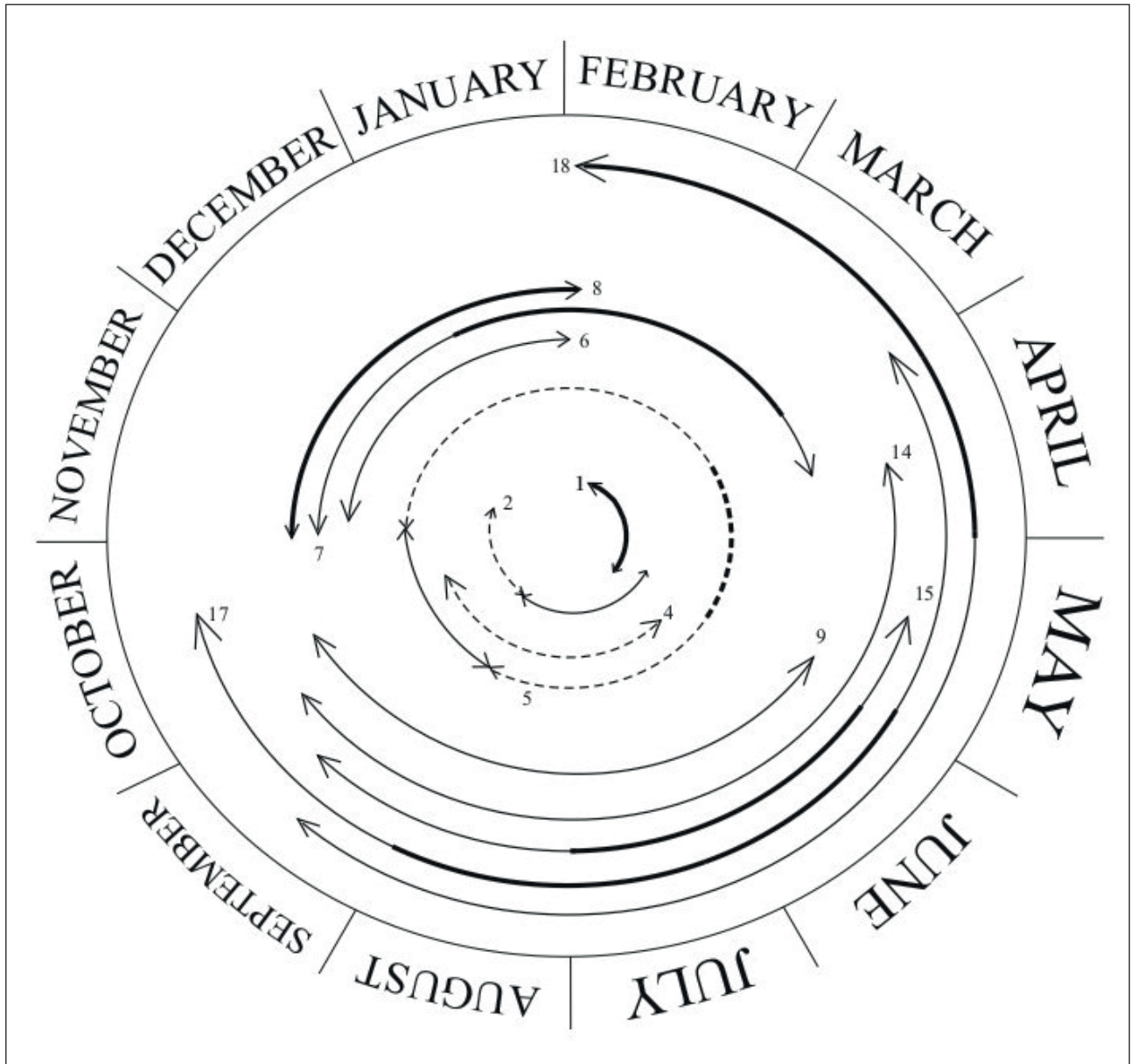

Рис. 2. Возможное время лова рыбы: 1 – *Clupea pallasii* (Тихоокеанская сельдь); 2 – *Oncorhynchus* sp. (Тихоокеанские лососи); 4 – *Carassius auratus* (Серебряный карась); 5 – *Tribolodon* sp. (Дальневосточная красноперка); 6 – *Gadus macrocephalus* (Тихоокеанская треска); 7 – *Eleginus gracilis* (Дальневосточная навага); 8 – *Theragra chalcogramma* (Минтай); 9 – *Sebastes schlegeli* (Темный окунь); 14 – *Mugil* sp. (Кефали); 15 – *Scomber japonicus* (Японская скумбрия); 17 – *Limanda asper* (Желтоперая камбала); 18 – *Pseudopleuronectes obscurus* (Темная камбала).

Условные обозначения:

————— – море; - - - - - река; ————— – нерест.

дового состава моллюсков, который указывает на потепление климата [6]. Мы склонны искать объяснение в стратиграфических наблюдениях за распределением экофактов в раковинных кучах. Например, на памятнике Бойсмана-1 на поверхности раковинных куч всегда наблюдалась повышенная концентрация костей млекопитающих и рыб [2]. Это объясняется тем, что накопления отложений после формирования раковинной кучи происходили в холодный период осени, когда наблюдался пик в охоте на млекопитающих и продолжался вылов рыб, подходящих в это время к побережью или зимующих в реках. Аналогичные стратиграфические наблюдения отмечаются и на неолитических раковинных кучах в Японии. Кроме того, на появление холодолюбивых рыб могли повлиять и другие факторы, такие как чередование параметров морских течений в сторону более низких или более высоких температур [9; 10].

Таким образом, около 4100 л.н. рыболовство практиковалось населением поселения Клерк-5 в течение всего года с пиком в летний период. Рыбу вылавливали в море, лагуне и реке, вблизи которых расположено поселение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беседнов Л.Н., Вострецов Ю.Е. Памятник Клерк-5: рыболовство населения последнего этапа бойсманской культурной традиции // Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Жанны Васильевны Андреевой. Владивосток: ООО «Рея», 2010. С. 343–347.

2. Вострецов Ю.Е. Археологические материалы поселений Заречье-1, Зайсановка-3-4, Ханси-1, Бойсмана-1 // Первые рыболовы в заливе Петра Великого: природа и древний человек в бухте Бойсмана / Под ред. Ю.Е. Вострецова. Владивосток: ДВО РАН: 1998. С. 371–389.

3. Вострецов Ю.Е. Краткая история изучения древнего рыболовства в заливе Петра Великого // Л.Н. Беседнов – исследователь древнего рыболовства в Приморье. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. С. 5–8.

4. Вострецов Ю.Е. Хронология и пространственное распределение памятников зайсановской культурной традиции в Приморье в контексте природных изменений // Труды института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Т. 20. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. С. 40–65.

5. Первые рыболовы в заливе Петра Великого: природа и древний человек в бухте Бойс-

мана / Под ред. Ю.Е. Вострецова. Владивосток: ДВО РАН, 1998.

6. Раков В.А., Вострецов Ю.Е. Стратиграфия и малакофауна многослойного поселения Клерк-5 в Хасанском районе Приморского края // Приоткрывая завесу тысячелетий. К 80-летию Жанны Васильевны Андреевой. Владивосток: ООО «Рея», 2010. С. 315–342.

7. Новиков Н.П., Соколовский А.С., Соколовская Т.Г., Яковлев Ю.М. Рыбы Приморья. Владивосток: Дальрыбвтуз, 2002.

8. Соколовский А.С., Соколовская Т.Г., Яковлев Ю.М. Рыбы залива Петра Великого. Владивосток: Дальнаука, 2009.

9. Gorbarenko, S.A. and Southon, J.R., 2000. Detailed Japan Sea paleoceanography during the last 25 kyr: Constraints from AMS dating and $\delta^{18}O$ of planktonic foraminifera. *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*, Vol. 156, pp. 177–193

10. Tada, R., 1999. Late Quaternary Paleocceanography of the Japan Sea: an update. *第四紀研究 (The Quaternary Research)*, Vol. 38, no. 3, pp. 216–222.

REFERENCES

1. Besednov, L.N. and Vostretsov, Yu.E., 2010. Pamyatnik Klerk-5: rybolovstvo naseleniya poslednego etapa boismanskoi kul'turnoi traditsii [Klerk-5 site: fishing among the population of the last stage of the Boisman culture]. In: Priotkryvaya zavesu tysyacheletii: k 80-letiyu Zhanny Vasil'evny Andreevoi. Vladivostok: ООО «Reya», 2010, pp. 343–347. (in Russ.)

2. Vostretsov, Yu.E., 1998. Arkheologicheskie materialy poselenii Zarech'e-1, Zaisanovka-3-4, Khansi-1, Boismana-1 [Archaeological materials from the settlements Zarechye-1, Zaisanovka-3-4, Khansi-1, Boisman-1]. In: Vostretsov, Yu.E. ed., 1998. Pervye rybolovy v zalive Petra Velikogo: priroda i drevnii chelovek v bukhte Boismana. Vladivostok: DVO RAN, pp. 371–389. (in Russ.)

3. Vostretsov, Yu.E., 2015. Kratkaya istoriya izucheniya drevnego rybolovstva v zalive Petra Velikogo [A brief history of the study of ancient fishing in Peter the Great Gulf]. In: L.N. Besednov – issledovatel' drevnego rybolovstva v Primor'e. Vladivostok: IIAE DVO RAN, 2015, pp. 5–8. (in Russ.)

4. Vostretsov, Yu.E., 2018. Khronologiya i prostranstvennoe raspredelenie pamyatnikov zaisanovskoi kul'turnoi traditsii v Primor'e v kontekste prirodnykh izmenenii [Chronology and spatial distribution of the Zaisanovskaya culture sites in

Primorye in the context of natural changes]. In: Trudy Instituta istorii, arkhologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN. T. 20. Vladivostok: IIAE DVO RAN, 2018, pp. 40–65. (in Russ.)

5. Vostretsov, Yu.E. ed., 1998. Pervye rybolovy v zalive Petra Velikogo: priroda i drevnii chelovek v bukhte Boismana [The first fishermen in Peter the Great Gulf: man and nature in Boisman Bay]. Vladivostok: DVO RAN. (in Russ.)

6. Rakov, V.A. and Vostretsov, Yu.E., 2010. Stratigrafiya i malakofauna mnogosloinogo poseleniya Klerk-5 v Khasanskom raione Primorskogo kraia [Stratigraphy and malacofauna of the multilayer settlement Klerk-5 in Khasansky district of Primorsky kraj]. In: Priotkryvaya zavesu tsysyacheletii. K 80-letiyu Zhanny Vasil'evny Andreevoi. Vladivostok: IIAE DVO RAN, 2010, pp. 315–342. (in Russ.)

7. Novikov, N.P., Sokolovskii, A.S., Sokolovskaya, T.G. and Yakovlev, Yu.M., 2002. Ryby Primor'ya [Fishes of Russian Primorye]. Vladivostok: Dal'rybvuz. (in Russ.)

8. Sokolovskii, A.S., Sokolovskaya, T.G. and Yakovlev, Yu.M., 2009. Ryby zaliva Petra Velikogo [Fishes of Peter the Great Gulf]. Vladivostok: Dal'nauka. (in Russ.)

9. Gorbarenko, S.A. and Southon, J.R., 2000. Detailed Japan Sea paleoceanography during the last 25 kyr: Constraints from AMS dating and $\delta^{18}\text{O}$ of planktonic foraminifera. *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*, Vol. 156, pp. 177–193.

10. Tada, R., 1999. Late Quaternary Paleocceanography of the Japan Sea: an update. *第四紀研究 (The Quaternary Research)*, Vol. 38, no. 3, pp. 216–222.

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

УДК 94:621.311.1(571.6)

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2021-3/24-36>

А.В. Маклюков*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО РАЗВИТИЮ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1960-е –1980-е гг.: ПРОГРАММЫ И ПРОБЛЕМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена государственной политике СССР по развитию электроэнергетики на Дальнем Востоке в 1960-е –1980-е гг. Автор акцентирует внимание на исторических аспектах ее формирования, анализирует разработанные программы и системные проблемы, возникавшие при их реализации, а также характеризует структурные изменения в отрасли и итоги электрификации региона. Автор заключает, что, несмотря на предпринятые инициативы, до конца советской эпохи проблемы энергообеспечения в регионе не были решены, а дальневосточная электроэнергетика оставалась проблемной, затратной и отстающей отраслью, замедляющей социально-экономическое развитие региона.

Ключевые слова: государственная политика, электроэнергетика, энергетическое строительство, электрификация, Дальний Восток

State policy for the development of electric power industry in the Soviet Far East, 1960s–1980s: programs and problems of their implementation. ALEKSEY V. MAKLYUKOV (Institute of History, Archaeology and Ethnography of Peoples of Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

The article is devoted to the state policy for the development of the electric power industry in the Soviet Far East in the period from the 1960s to the end of the 1980s. The author focuses on the historical aspects of its formation, analyzes the developed programs and systemic problems that arose during their implementation, and also characterizes the structural changes in the industry and the results of the electrification of the region. The author concludes that, despite the initiatives taken, until the end of the Soviet era, the problems of energy supply in the region were not resolved, and the Far Eastern electric power industry remained a problematic, costly, and lagging industry, slowing down the socio-economic development of the region.

Keywords: state policy, electric power industry, construction of energy infrastructure, electrification, Soviet Far East

---

* МАКЛЮКОВ Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, заведующий отделом истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru

© Маклюков А.В., 2021

Развитие производительных сил Дальнего Востока СССР в 1960-е – 1980-е гг. зависело от формирования современной электроэнергетической инфраструктуры, необходимой для удовлетворения потребностей в электроэнергии, технологической модернизации промышленности, и транспорта. Под влиянием новых геополитических условий и задач комплексного развития дальневосточного экономического района в 1960-е гг. потребовалось сменить курс в региональной энергетической политике, разработать новую стратегию формирования отрасли с акцентом на крупное энергетическое строительство.

В 1960-е – 1980-е гг. в СССР перестало выполняться условие опережающего развития электроэнергетики и экономного использования энергетических ресурсов, произошел разрыв между территориями производящими и потребляющими ресурсы, это привело к энергетическому кризису, вызванному проблемой с энергообеспечением потребителей. Экономика СССР развивалась технологически консервативным и экстенсивным способом, затрачивая огромные ресурсы на поддержание убыточного топливно-энергетического комплекса. В настоящее время эта проблема остается не решенной и актуальной. Россия проигрывает в глобальной конкуренции энергетических технологий и модернизации электроэнергетической отрасли [20, с. 92–93]. В связи с этим обращение к советскому опыту реализации государственной политики по развитию региональной электроэнергетики в 1960-е – 1980-е гг. позволяет выявить современные проблемы формирования энергетического комплекса Дальнего Востока.

Анализ исследований по данной проблеме показывает, что, несмотря на наличие публикаций, вышедших как в советский, так и современный период, государственная политика по развитию электроэнергетики на Дальнем Востоке в 1960-х – 1980-х гг. рассматривалась фрагментарно в общем контексте развития экономики страны и ее восточных районов [1; 2; 5; 9; 11; 12; 17; 20; 21]. В работах Н.М. Платоновой [14; 15; 16] эта тема затрагивалась при анализе развития регионального промышленного комплекса и освоения топливно-энергетических ресурсов в 1965–1985 гг.

В настоящей статье автор фокусирует внимание на исторических аспектах формирования государственной политики СССР по развитию дальневосточной электроэнергетики, анализи-

рует разработанные программы, проблемы их реализации, структурные изменения в отрасли, характеризует итоги электрификации региона в советский период.

Исследование опирается на корпус неопубликованных источников, выявленных в фондах федеральных и региональных архивов. Основными видами изученных документов являются программы и схемы развития производительных сил Дальневосточного экономического района СОПС Госплана СССР и АН СССР, аналитические доклады и записки, постановления ЦК КПСС и Совмина СССР, приказы Минэнерго СССР, протоколы пленумов дальневосточных крайкомов и обкомов КПСС, обращения региональных органов власти, касающиеся развития электроэнергетики Дальнего Востока в рассматриваемый период.

Государственная политика по развитию электроэнергетики на Дальнем Востоке в послевоенные годы осуществлялась в условиях ограниченных ресурсов и несогласованности между центром и регионом в решении проблем отрасли. Под влиянием фактора «холодной войны» значительные финансовые ресурсы направлялись на создание союзника в Азии в лице КНР, вкладывались в развитие электроэнергетики Северо-Востока Китая, а также в выполнение приоритетной задачи гидроэнергетического строительства в Сибири. Только в 1961–1965 гг. капиталовложения в электроэнергетику Дальнего Востока увеличились в 2,7 раза по сравнению с 1955–1960 гг. и составили 267 млн руб. Эта сумма была в 4 раза меньше, чем расходовалось на энергетическое строительство в Восточной Сибири (Государственный архив Российской Федерации, далее – ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 10052. Л. 38; Оп. 8. Д. 5456. Л. 27; Российский государственный архив экономики, далее – РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 843. Л. 28).

Государственная стратегия по отношению к электроэнергетике Дальнего Востока до середины 1960-х гг. базировалась на идее быстрого и более дешевого строительства тепловых электростанций. Происходило техническое отставание отрасли, снижение темпов электрификации, рост дефицита электроэнергии и замедление социально-экономического развития региона. Производство электроэнергии на Дальнем Востоке в 1965 г. составляло 9,3 млрд кВт*ч¹, по сравнению с 1950 г. оно увеличилось в 4,6 раз.

¹ С учетом территории Якутии и Читинской области.

Регион заметно уступал другим районам страны, особенно Восточной Сибири, где выработка за это время выросла в 18 раз. Удельный вес дальневосточного экономического района в общем производстве электроэнергии в СССР снизился с 2,1% в 1950 г. до 1,8% в 1965 г. В слабозаселенной дальневосточной части страны на душу населения вырабатывалось 1530,6 кВт*ч электроэнергии против 2002,2 кВт*ч в среднем по СССР. Дефицит энергетических мощностей в ряде районов достигал катастрофических масштабов (РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 717. Л. 15; Д. 718. Л. 15).

На снижение темпов развития региональной электроэнергетики в послевоенные годы оказали влияние несколько факторов. Во-первых, общее падение значения Дальнего Востока в экономике страны по сравнению с довоенным периодом привело к тому, что удельный вес дальневосточной промышленной продукции в общесоюзной снизился с 2,73% в 1940 г. до 2,26% в 1964 г. (РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 717. Л. 15). Это было обусловлено недостатком финансового обеспечения дальневосточной экономики, промышленности и электроэнергетики в частности, системой ведения хозяйства и централизованной политикой нерационального распределения ресурсов. Во-вторых, сложившаяся неэффективная структура электроэнергетики не могла развиваться на уровне общесоюзных показателей. К концу 1965 г. в регионе действовали почти 7300 мелких и неэкономич-

ных ведомственных энергоустановок, технический уровень энергетического хозяйства оставался самым отсталым в стране, а себестоимость производства электроэнергии в 3–6 раз превышала средние данные по СССР [23, с. 6].

В-третьих, на Дальнем Востоке в отличие от Сибири или Казахстана для производства электроэнергии не использовались другие источники энергии кроме угля и нефтепродуктов, что влияло на качество и уровень развития электроэнергетики. По этому поводу заведующий отделом экономики районов СССР Совета по изучению производительных сил (СОПС) Госплана СССР А.В. Марголин в апреле 1966 г. отмечал: «Плановые задания пятилеток, решения съездов КПСС по развитию производительных сил дальневосточного экономического района не выполняются, потому что не опираются на осевую конструктивную идею, подобной задаче создания как в Казахстане и Восточной Сибири энергоемких производств и мощных центров производства электроэнергии» (РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 717. Л. 18).

Дальний Восток отличался значительным богатством энергетических ресурсов. По данным АН СССР, на 1965 г. в регионе размещалось 36% потенциальных и 6% разведанных энергетических ресурсов страны, в том числе 33,9% гидроэнергетических запасов (табл. 1). Эти ресурсы могли сыграть важнейшую роль в формировании экономического и энергетического потенциала СССР.

Таблица 1

Размещение энергетических ресурсов на территории СССР по данным на 1965 г.

Район	Все виды ресурсов		% к общесоюзным			
	млрд т	%	уголь	нефть	газ	гидроэнергия
СССР	437,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Европейская часть и Урал	122,0	28,0	19,0	75,0	50,5	13,4
Западная Сибирь и восточные районы, в т.ч.:	315,0	72,0	80,5	25,0	49,5	86,6
– Восточная Сибирь	62,3	14,3	16,5	0,08	-	30,0
– Дальний Восток	22,7	5,2	4,7	1,25	1,85	32,0

Источник: РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 723. Л. 8.

В-четвертых, отрицательную роль играл удорожающий фактор. Энергетическое строительство на Дальнем Востоке в силу слабого развития базы стройиндустрии, более сложных климатических условий, удаленности от основных центров, поставляющих оборудование, повышенной заработной платы энергостроителей, обходилось в 1,4 раза дороже в южных и в 2–3 раза в северных районах, чем в европейской части СССР. На возведение капитальной электростанции в дальневосточных условиях уходило в 2–4 раза больше времени. До середины 1960-х гг. в Госплане СССР и Госкомитете Совмина СССР по науке и технике считали, что гидроэлектростанции на Дальнем Востоке строить слишком дорого и долго (РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 717. Л. 16; Российский государственный архив новейшей истории, далее – РГАНИ. Ф. 5. Оп. 41. Д. 156. Л. 40). В исторических реалиях 1950-х – начала 1960-х гг. советское правительство выбрало экстенсивный путь развития дальневосточной электроэнергетики.

С конца 1950-х гг. вопросы развития топливно-энергетического комплекса страны находились в центре внимания ЦК КПСС и Совета министров СССР, а проблема электрификации народного хозяйства становилась приоритетной для партийно-государственной элиты. В энергетической политике Н.С. Хрущева стал реализовываться дуализм партийного и государственного руководства. На XXII съезде он выдвинул обширную программу развития электроэнергетики, которая предусматривала реализацию крупных проектов. Новые приоритеты в энергетической политике получили идеологическое основание для создания базы коммунизма [8, с. 123]. На деле же, по мнению специалистов, в частности д.т.н., профессора И.А. Сыромятникова, написавшего в 1961 г. письмо Н.С. Хрущеву, СССР продолжал в 3 раза отставать от США по вводу новых мощностей и линий электропередач, а электроснабжение отдельных районов страны, в первую очередь дальневосточных, вообще находилось на уровне начала XX в. (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 41. Д. 156. Л. 37).

Новое политическое руководство СССР, во главе с первым секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежневым, осознавая нарастание проблем в экономической сфере, в 1965 г. приняло попытки преобразований в ней. Большое значение получила задача активизации потенциала восточных районов страны и ликвидации пространственной диспропорции их социально-э-

кономической структуры. В середине 1960-х гг. в связи с ухудшением советско-китайских отношений государственная парадигма изменилась в сторону укрепления промышленного и военного комплекса Дальнего Востока. По заданию правительства СОПС Госплана и АН СССР приступили к разработке стратегического планирования развития дальневосточного экономического района. Для региона была предложена концепция долговременного развития, основанная на усилении его роли в межрайонном разделении труда. Основные направления регионального развития ориентировались на генеральные схемы размещения общесоюзного производства [12, с. 283].

Программу развития электроэнергетики Дальнего Востока поручалось подготовить сектору размещения электроэнергетики СОПС Госплана СССР и проектным научно-исследовательским организациям Минэнерго СССР. Научной основой для составления плана стали многолетние исследования ученых отделов экономики, гидроэнергетики и водохозяйственных проблем ДВФ СО АН СССР, материалы Амурской комплексной экспедиции 1956–1960 гг. АН СССР, отдела экономики районов СССР СОПС Госплана, предложения технико-экономических советов Дальневосточных совнархозов. В 1950-е гг. специалисты изучили проблемы электрификации практически каждого субъекта Дальнего Востока, разработали проекты и схемы их энергообеспечения, подготовили десятки аналитических докладов [4, с. 105].

В декабре 1964 г. под руководством к.э.н., В.А. Шелест СОПС Госплана СССР подготовил доклад «Анализ современного состояния электроэнергетики Дальнего Востока и Читинской области и предложения ее развития на период до 1975 г.» на 44 листах. Он содержит подробную характеристику энергетических ресурсов региона, раскрывает структуру электроэнергетики, выявляет проблемы развития отрасли. В разделе «Предложения по развитию электроэнергетики Дальневосточного экономического района» представлена стратегия развития отрасли на 1966–1970 гг. с перспективами до 1975 и 1980 г. В предисловии отмечалась особенность его разработки: «В связи с пограничным положением рек Амура, Аргуни и Усури, сооружение гидроэлектростанций на этих реках не предусматривается» (РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 723. Л. 1–15). Специалистам пришлось отказаться от проектов АН СССР и АН КНР по

строительству международных гидроэлектростанций в Приамурье.

Предложения СОПС легли в основу «Генеральной схемы развития и размещения электроэнергетики по экономическим районам СССР на 1966–1970 гг. с учетом дальнейшей перспективы», разработанную НИИ Минэнерго СССР и утвержденную Госпланом СССР в 1965 г. Согласно схеме, в развитие энергетической базы Дальнего Востока планировалось вложить в 1966–1970 гг. 680 млн руб., в 1971–1975 гг. – 980 млн руб., 1976–1980 гг. – 1230 млн руб., всего за 15 лет почти 3 млрд руб. Первоочередными возводимыми объектами становились Зейская ГЭС и Приморская ГРЭС, которые создавали основу для формирования объединенной энергосистемы (ОЭС) юга Дальнего Востока и связывали три субъекта: Амурскую область, Хабаровский и Приморский край. Для этого к 1970 г. намечалось ввести в строй 2450 км высоковольтных линий электропередач (ЛЭП). Планировалось построить 10 других менее мощных предприятий, например, Владивостокскую ТЭЦ-2, а также несколько уникальных электростанций, работающих на разных источниках энергии: Билибинскую атомную (АЭС) на Чукотке и Паужетскую геотермальную (ГеоТЭС) на Камчатке (РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 723. Л. 17–36; Д. 622. Л. 27).

По прогнозам, ввод новых крупных объектов электроэнергетики на Дальнем Востоке должен был обеспечить в каждую пятилетку двукратный рост производства электроэнергии и постепенно решить проблему ее дефицита. На перспективу 1975–1980 гг. рекомендовалось вернуться к вопросу о сооружении гидроэлектростанций на пограничных с КНР реках Амуре и Усури, поскольку «упор на развитие гидроэнергетики позволяет создать условия для более ускоренного экономического развития региона» (РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 723. Л. 35).

В августе 1965 г. электростанции Дальнего Востока впервые посетил министр Минэнерго СССР П.С. Непорожний. По итогам поездки он подготовил в Совет министров СССР предложения по улучшению энергоснабжения региона и просил скорее приступить к реализации программы [10, с. 194]. Она нашла свое отражение в директивах XXIII съезда КПСС по развитию народного хозяйства на 1966–1970 гг. и постановлении ЦК КПСС и Совмина СССР № 638 от 8 июля 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию производительных сил дальневосточного

экономического района и Читинской области». К 1970 г. Минэнерго СССР обязывалось ввести в экономическом дальневосточном районе 1945 МВт мощностей и увеличить производство электроэнергии на 180% (9,3 млрд до 15,7 млрд кВт*ч) (ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 8. Д. 7949. Л. 78).

В середине 1970-х концепция экономического развития Дальнего Востока дополнилась новыми направлениями. Строительство Байкало-Амурской магистрали (БАМа) и освоение прилегающих территорий поставили задачу создания регионального народнохозяйственного комплекса с высокой формой концентрации производства [19, с. 59]. Для обеспечения освоения зоны БАМа потребовалась технологическая модернизация дальневосточной машиностроительной промышленности, электрификация восточного участка Транссиба и возводимых объектов БАМа. Новым направлением стала ориентация дальневосточной экономики на развитие экспортной продукции в страны АТР. Нарастание производства и строительство новых предприятий для экспорта, развитие транспортной инфраструктуры требовали значительного прироста энергоресурсов [14, с. 15; 15, с. 85].

Постановлением Госплана СССР № 61 от 6 мая 1974 г. СОПС и Центральному экономическому НИИ при Госплане РСФСР поручалось разработать «Комплексную программу развития экономики Дальневосточного экономического района на период до 1990 г.». Она была подготовлена под руководством председателя СОПС, академика Н.Н. Некрасова. В представленной в 1975 г. правительству программе развитие электроэнергетики определялось как первостепенная экономическая задача для Дальнего Востока. Отмечалось, что «при напряженном балансе трудовых ресурсов региона повышение уровня электрификации являлось ключевым фактором для успешного развития народного хозяйства района» (РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 1435. Л. 1, 18, 42).

В программе 1975 г. дальневосточную электроэнергетику планировалось развивать в рамках формирующейся ОЭС юга региона и изолированных от системы северных районов – Магаданской, Камчатской и Сахалинской областей. Главным направлением обозначалось развитие теплоэнергетики, намечалось освоение сахалинского газа и строительство газовых ТЭЦ общей мощностью 695 МВт на о. Сахалин и в Хабаровском крае. В 1980-е гг. пред-

усматривалось развивать атомную энергетику. В Магаданской и Камчаткой области планировалось разместить две АЭС по 300 МВт. По гидроэнергетике ставилась задача завершить к 1975–1980 гг. возведение Зейской ГЭС в Амурской области и Колымской ГЭС в Магаданской области, начать работы по сооружению Бурейской ГЭС для зоны БАМа. Всего к 1990 г. рассчитывалось ввести на Дальнем Востоке 3300 МВт мощностей. Для укрепления ОЭС и электрификации Транссиба к 1980 г. намечался ввод ЛЭП напряжением 500 кВ Зейская ГЭС – Свободный – Хабаровск 1050 км, а для БАМа к 1990 г. Бурейская ГЭС – Комсомольск-на-Амуре 600 км. Примечательно, что в программе больше не рассматривались вопросы размещения гидроэлектростанций на пограничных с КНР реках Амур и Усури (РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 1435. Л. 43).

Итак, государственная стратегия развития электроэнергетики Дальнего Востока на 1975–1990 гг. базировалась на следующих принципах: 1) опережающего развития энергетики по сравнению с другими отраслями промышленности для создания базы ускоренного освоения природных ресурсов региона; 2) освоения гидроэнергетических ресурсов и использования атомной энергии в труднодоступных районах, лишенных топливных баз; 3) создания объединенных энергосистем и повышения единичной мощности электростанций [13, с. 23]. Эта стратегия отразилась в резолюции XXV съезда ЦК КПСС, в десятом и одиннадцатом пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР, в ряде постановлений партии и правительства (Российский государственный архив социально-политической истории, далее – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 145. Д. 683. Л. 25).

В начале 1980-х гг. СОПС разработал новую генеральную схему размещения производительных сил СССР на период до 2000 г. Подраздел схемы «Дальневосточный экономический район» в 1984 г. подготовил к.э.н., Ф.В. Дьяконов. Для региона предусматривалось новое крупномасштабное энергетическое строительство, включение в ОЭС юга зоны БАМа и энергообеспечения создаваемых в ней промышленных объектов. Данная программа отличалась более значительным размахом развития электроэнергетической отрасли. К 2000 г. планировалось увеличить производство электроэнергии до 100,3 млрд кВт*ч, ввести в строй 9770 МВт мощностей, их них 5240 МВт тепловых и

4530 МВт гидроэлектростанций. Крупнейшими строящимися объектами должны были стать Бурейская ГЭС на 2010 МВт, Приморская АЭС на 1760 МВт и Комсомольская ТЭЦ-3 на 1060 МВт (РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 1789. Л. 26).

Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев после посещения в июле 1986 г. Владивостока поручил правительству подготовить долгосрочную программу развития производительных сил Дальнего Востока до 2000 г., с целью превратить регион «в высокоразвитый народнохозяйственный комплекс». Она была утверждена постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР № 958 от 19 августа 1987 г. В энергетическую часть вошла генеральная схема СОПС 1984 г. с небольшими добавлениями. Намечалось построить еще два энергообъекта: Комсомольскую АЭС на 1320 МВт (зона БАМа) и Мутновскую ГеоТЭС на 150 МВт (Камчатка). Долгосрочная программа предусматривала полную реконструкцию всех ранее построенных в регионе электростанций для повышения их мощности. К 1990 г. Минэнерго СССР обязывалось увеличить производство электроэнергии в регионе до 48,3 млрд кВт*ч. и ввести в строй 2500 МВт новых мощностей (ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 49. Д. 904. Л. 63–67).

На практике разработанные энергетические программы, особенно две последние, оказались далеки от реальных возможностей их выполнения. Создание новой энергетической инфраструктуры осуществлялось по старым методам управления отраслью, в условиях строгой ограниченности финансирования, игнорировании предложений дальневосточных властей по решению разных проблем. Так, первый секретарь Приморского крайкома КПСС В.Е. Чернышев в 1969 г. указывал председателю Совмина СССР А.Н. Косыгину, что Минэнерго не исполняет постановление № 638, отказалось строить ряд объектов, сдвинуло сроки работ по другим на 3–5 лет. Главная дальневосточная стройка пятилетки – Приморская ГРЭС – не была обеспечена строительной техникой. Чернышев предлагал выделить два современных шагающих экскаватора для ускорения земляных работ, но получил отказ (Государственный архив Приморского края, далее – ГАПК. Ф. 34. Оп. 10. Д. 112. Л. 1, 6).

На областных и краевых партконференциях Дальнего Востока ежегодно отмечалось, что в сфере электроэнергетики наблюдаются негативные явления, хуже всего идет освоение капита-

ловложений, фиксируются регулярные срывы плановых заданий. Например, Магаданская партконференция 15 января 1976 г. указывала, что за 1970–1975 гг. не было построено ни одно километра линий электропередач. Даже после посещения области председателем Совмина СССР А.Н. Косыгиным и министром Минэнерго П.С. Непорожним в марте 1974 г. ситуация не изменилась (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 145. Д. 683. Л. 19, 94). Первый секретарь Хабаровского горкома КПСС А.Г. Попов на краевой партконференции 25 января 1981 г. отмечал, что в «городе в последние годы сложилась катастрофическая ситуация в энергообеспечении. Обещанная правительством к 1980 г. ЛЭП Зейская ГЭС–Хабаровск построена менее чем на 30%» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 150. Д. 1432. Л. 62).

Поставленные в программных документах, постановлениях партии и правительства задачи по ускоренному развитию дальневосточной электроэнергетики оставались невыполненными или выполнялись частично со сдвигом сроков. В 1966–1970 гг. из запланированных в постановлении правительства № 638 1400 МВт мощностей Минэнерго ввело на Дальнем Востоке только 1237 МВт [22, с. 9]. В 1971–1975 гг. не было построено ни одной из пяти крупных электростанций, упомянутых в документе. А на строительство Приморской ГРЭС вместо 10 лет ушло 20 (ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 16. Д. 3699. Л. 16; РГАЭ. Ф. 7964. Оп. 17. Д. 2904. Л. 5).

Главная причина невыполнения программ заключалась в слабой организации крупного энергетического строительства на Дальнем Востоке. Тепловые электростанции в регионе с 1949 г. строил союзный трест Дальэнергострой Минэнерго СССР. К 1970 г. он имел в своем составе 11 строительно-монтажных и специализированных управлений в пяти дальневосточных субъектах. Трест оказался не готов к крупному строительству. Разбросанность на тысячи и сотни километров строительных объектов по региону, слабость стройиндустрии, нехватка и моральная устарелость строительных машин и механизмов, дефицит рабочих кадров, слабая организация строительства, низкое качество работ и несвоевременная поставка оборудования – все это привело к тому, что трест не смог выполнять возложенный на него объем работ. Серьезной оказалась проблема отсутствия местной базы по ремонту строительной техники. Приморский крайком неоднократно обращался в ЦК КПСС и Совмин СССР с просьбой

построить в г. Уссурийск для треста завод по капитальному ремонту машин, но постоянно получал отказы из-за ограничения финансовых средств (РГАЭ. Ф. 7855. Оп. 3. Д. 486. Л. 1, 74, 101; ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 16. Д. 3693. Л. 36).

Вопросы неудовлетворительной работы Дальэнергостроя неоднократно обсуждались на совещаниях различного уровня, но практически не решались. Так, 17 января 1972 г. коллегия Минэнерго СССР отмечала, что «в тресте дела обстоят тревожно, остро не хватает механизмов, транспорта, металла, цемента». На заседании коллегии 21 ноября 1983 г. констатировалось, что «положение на Дальнем Востоке требует срочного принятия специальных мер, Дальэнергострой не справляется с порученным ему делом ускоренного развития энергетики» [10, с. 374, 720]. В 1988 г. Совмин РСФСР при рассмотрении причин невыполнения комплексной программы, указывал на то, что необходимо увеличить в 1,8 раза мощность треста для освоения капиталовложений с 40 млн до 100 млн руб. в год (ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 49. Д. 906. Л. 35).

Крупное энергетическое строительство на Дальнем Востоке сдерживалось такими факторами, как суровые природно-климатические условия, труднодоступность и неосвоенность создаваемых промышленных районов, отсутствие развитой стройиндустрии и коммуникаций, удорожание работ. Так, для возведения первой в регионе Зейской гидроэлектростанции на севере Амурской области в 1964 г. Минэнерго создало управление ЗейГЭСстрой. Работы по гидроузлу осуществлялись с нуля, 5 лет создавалась строительная база, возведение объектов проходило с большими трудностями и завершилось лишь к 1980 г. За это время смета Зейской ГЭС выросла в 3 раза – с 141 млн до 424 млн руб. (РГАЭ. Ф. 7964. Оп. 10. Д. 1588. Л. 68). В зоне распространения вечной мерзлоты в Магаданской области с 1970 по 1994 гг. управление КолымаГЭСстрой возводило Колымскую ГЭС. Общая сметная стоимость строительства по ценам 1984 г. составила 1,08 млрд руб. [3, с. 57, 211].

Строительство крупных объектов электроэнергетики затрудняла их материально-техническая необеспеченность и недофинансированность. С середины 1970-х гг. ресурсы направлялись на строительство БАМа, для которого в 1975–1976 гг. в Японии закупили 166 экскаваторов и другой техники на 300 млн руб. На строй-

ку БАМа в дальневосточной части направили 750 экскаваторов и 900 бульдозеров. В то же время в 1976 г. начальник управления КолымаГЭСстрой Ю.И. Фриштер в своем отчете отмечал, что работы на объекте 2 года не сдвигаются с места, стройка обеспечена техникой только на 16%, не хватает 44 экскаватора, 100 бульдозеров, 40 кранов и 40 самосвалов (ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 16. Д. 7468. Л. 12; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 145. Д. 31. Л. 257; 683. Л. 290). С 1976 г. управление ЗейГЭСстрой приступило к строительству Бурейской ГЭС с изношенным на 90–95% парком строительных машин, ранее использованных на работах по строительству Зейской ГЭС. Согласно отчету управления за 1984 г., новая техника так и не поступила, а вся старая находилась в аварийном состоянии и простаивала. За 4 года на стройке в 5 раз увеличилось количество работ, выполняемых вручную (РГАЭ. Ф. 7964. Оп. 17. Д. 1085. Л. 45; Д. 2222. Л. 25, 43).

Колымская ГЭС строилась в условиях недофинансирования, урезания работ и нерешенности многих технических проблем. Пуск первого гидроагрегата в 1981 г. осуществлялся под давлением партийных органов к открытию XXVI съезда КПСС и был выполнен с нарушениями, что привело к его остановке (РГАЭ. Ф. 7964. Оп. 16. Д. 7938. Л. 5). В 1986–1987 гг. капиталовложения в строительные-монтажные работы в Хабаровском крае снизились до 80%, в результате сорвался пуск первого энергоблока газотурбинной Комсомольской ТЭЦ-3, а ввод в действие мощностей сократился до 39% от плана (Государственный архив Хабаровского края, далее – ГАХК. Ф. Р-1218. Оп. 1. Д. 1439. Л. 23).

В 1989 г. Минэнерго сократило финансирование, выделяемое на строительные работы, с 138 млн руб. до 26 млн руб. В итоге было заморожено строительство Бурейской ГЭС², Благовещенской ТЭЦ и ряда других предприятий. А Уссурийская ТЭЦ, на возведении которой к 1989 г. освоили 67,8% капиталовложений, так и осталась недостроенным объектом. Кроме того, после аварии на Чернобыльской АЭС под давлением общественности правительству пришлось отказаться от строительства атомных электростанций на Дальнем Востоке (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 163. Д. 164. Л. 14; Д. 163. Л. 53).

Сроки реализации проектов срывались также из-за несогласованности действий министерств и межведомственной неразберихи. В силу отдаленности и изолированности север-

ных районов Дальнего Востока Минэнерго не смогло полностью взять на себя строительство новых предприятий и выполняло лишь монтажные работы. Генподрядчиками по сооружению зданий и коммуникаций электростанций выступали различные министерства – рыбной промышленности, цветной металлургии, газовой промышленности и др. Например, Петропавловскую ТЭЦ строил трест Камчатрыбстрой, Магаданскую ТЭЦ – Магаданстрой, Амурскую ТЭЦ – Амурскстрой и т.д. В переписке между ведомствами шли споры, кто больше заинтересован в ускоренном пуске станций, Минэнерго или то министерство, которое для себя ее строило (РГАПСИ. Ф. 17. Оп. 105. Д. 620. Л. 201). Не выполненным оказалось постановление ЦК КПСС и Совмина СССР № 366 от 27 апреля 1983 г., касающиеся строительства Мутновской ГеоТЭС на Камчатке. Ее обязывались строить сразу три министерства – Мингазпром, Мингеология и Минэнерго. Они не смогли согласовать множество вопросов, строительные работы на объекте не начались (ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 49. Д. 903. Л. 6).

Несмотря на вышеперечисленные проблемы, в результате энергетического строительства и частичной реализации программ удалось изменить структуру электроэнергетики Дальнего Востока. Помимо электростанций, работающих на угле и нефтепродуктах, к 1980-м гг. в регионе появились современные предприятия, использующие для выработки электричества гидроэнергию, дешевый уголь, газ, энергию атома и геотермальную энергию. Так, к 1985 г. мощность гидроэлектростанций от суммарной по региону составляла уже 23% (см. табл. 2).

Производство электроэнергии на Дальнем Востоке³ с 1965 по 1990 гг. увеличилось с 7,6 млрд до 39 млрд кВт*ч или в 5 раз, что было выше темпов роста по СССР и районам Сибири (3,5 раза). Удельный вес дальневосточного региона в общей выработке электроэнергии по стране поднялся с 1,5 до 2,2%. (см. табл. 3).

По отдельным дальневосточным субъектам рост производства электроэнергии был наиболее значительным. Так, в Амурской области с 1965 по 1990 гг. выработка увеличилась в 15 раз – с 1,4 до 7,8 млрд кВт*ч (см. табл. 4). Построенная здесь Зейская ГЭС стала самой мощной электростанцией на Дальнем Востоке, она обеспечила до 75% годовой выработки

³ Территории Якутии и Читинской области не учитываются.

² Бурейскую ГЭС достроили к 2014 г.

Структура электроэнергетики Дальнего Востока на 1985 г., в МВт

Субъект	Суммарная мощность	в т.ч. не Минэнерго	Гидроэлектростанции	Блочные	Тепло-электро-централли	Конденсационные	Газотурбинные	Атомные
Приморский край	2562,6			1280	575	707,6		
Амурская область	1830,3		1290		295	245,3		
Хабаровский край	1401,8	35		180	1035,5	150,3	36	
Магаданская область	1138,6	52,8	540		148	349,8		48
Сахалинская область	805	135			427	157	86	
Камчатская область	427,2				174	250,7	2,5	
Дальний Восток	8165,5	222,8	1830	1460	2654,5	1860,7	124,5	48

Источник: РГАЭ. Ф. 7964. Оп. 17. Д. 2904. Л. 14.

Таблица 3

Динамика производства электроэнергии
в восточных районах СССР в 1965–1990 гг., в млрд кВт*ч

Район	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.	1990 г.
СССР	506,6	704,4	1038	1294	1544	1726
Западная Сибирь	34,8	44,2	70,1	81,5	99,5	138,5
Восточная Сибирь	43,8	75,3	100	128,3	155,8	156
Дальний Восток	7,6	12,7	18,2	25,8	32,6	39

Источники: РГАЭ. Ф. 7870. Оп. 3. Д. 180. Л. 2; Д. 265. Л. 81; Д. 287. Л. 71; ГАХК. Ф. Р719. Оп. 21. Д. 895. Л. 9; [6, с. 82; 7, с. 60; 18, с. 624]

Таблица 4

Производство электроэнергии на Дальнем Востоке в 1965–1991 гг.

Субъект	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.	1990 г.	1991 г.
Приморский край	4,2	4,3	6,4	8,4	11,6	11,8	11,8
Хабаровский край	2,2	3,5	5,4	5,9	5,5	9,7	10,1
Амурская область	0,5	1,4	1,9	4,4	7,1	7,8	7,5
Магаданская область	0,4	1,6	2,4	3,3	3,9	4,4	4,4
Сахалинская область	0,1	1,6	2,1	2,6	3,0	3,4	3,5
Камчатская область	0,2	0,4	0,8	1,2	1,5	1,9	2,0

Источники: РГАЭ. Ф. 7870. Оп. 3. Д. 180. Л. 2; Д. 265. Л. 81; Д. 287. Л. 71; ГАХК. Ф. Р719. Оп. 21. Д. 895. Л. 9; [18, с. 624]

электроэнергии в области, в 1,7 раза снизила себестоимость ее производства. Зейская ГЭС производила столько электроэнергии, сколько все электростанции региона в 1960 г. Она являлась своевременным и важнейшим реализованным проектом (Государственный архив Амурской области, далее – ГААО. Ф. Р-480. Оп. 15. Д. 49. Л. 3).

Важным шагом для включения Дальнего Востока в Единую энергосистему СССР и оперативного управления электроэнергетикой стало создание в марте 1968 г. в г. Хабаровск объединенного диспетчерского управления Востока (ОДУ Востока). В 1970 г. благодаря строительству высоковольтной линии (ВЛ) 220 кВ были соединены энергосистемы Амурской области и Хабаровского края (РГАЭ. Ф. 7964. Оп. 15. Д. 3344. Л. 19). В 1980–1983 гг. построен энергетический мост Зейская ГЭС–Хабаровск напряжением 500 кВ и длиной 1000 км. К нему также подключились энергосети Приморского края. Это позволило создать единую энергосистему юга Дальнего Востока. Так, Хабаровский край, испытывающий острый дефицит электроэнергии, в 1985 г. получил от Зейская ГЭС 2 млрд кВт*ч, что составляло 20% от суммарного годового электробаланса (ГАХК. Ф. Р-719. Оп. 21. Д. 1476. Л. 2).

Несомненным достижением в деле электрификации Дальнего Востока стал перевод на электрическую тягу Транссиба. Пуск Зейской ГЭС позволил в 1981 г. электрифицировать участок Архара–Хабаровск, а в 1983 г. – Белогорск–Архара. К 1990 г. электровозы, за исключением отдельных участков, ходили от Забайкалья до юга Приморского края. За 1985–1990 гг. дальневосточная железная дорога израсходовала 7,2 млрд кВт*ч на работу электровозов. Железнодорожный транспорт стал крупнейшим потребителем электроэнергии в регионе (ГАХК. Ф. Р-730. Оп. 22. Д. 47. Л. 52; Оп. 25. Д. 157. Л. 1).

Однако решить самую главную задачу – преодолеть дефицит энергетических мощностей и электроэнергии – советскому государству на Дальнем Востоке так и не удалось. Темпы энергетического строительства значительно отставали от роста потребностей экономики. К 1990 г. дефицит мощностей по ОДУ Востока составлял 770 МВт, что было сопоставимо с мощностью всех электростанций одной Сахалинской области. Производство электроэнергии на душу населения в регионе к 1990 г. не достигло общесоюзных показателей (5700 кВт*ч

против 5900 кВт*ч) (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 163. Д. 165. Л. 125).

Хабаровский край оказался самый дефицитным по обеспечению не только электроэнергией, но и топливом для электростанций. К 1980-м гг. истощилось Райчихинское угольное месторождение, в край стали завозить уголь из Сибири. Разразился острый топливный кризис, и в 1989 г. председатель Совмина СССР Н.И. Рыжков создал две рабочие группы по выработке решения. Тогда сформированная советско-китайская комиссия приступила к разработке схемы использования ресурсов рек Амура и Аргуни для строительства новых ГЭС (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 163. Д. 162. Л. 1; Д. 163. Л. 118). В 1990-е гг. с разрушением промышленного сектора произошло резкое снижение спроса на энергоносители, что и сгладило остроту проблемы дефицита энергоресурсов в Хабаровском крае и на Дальнем Востоке в целом.

Таким образом, в ходе реализации государственной политики на Дальнем Востоке в 1960-е – 1980-е гг. была предпринята попытка ускоренного развития региональной электроэнергетической инфраструктуры. В разработанных программах предполагалось за счет освоения новых энергоресурсов и крупного строительства резко увеличить производство электроэнергии и решить проблему ее дефицита. Слабая стройиндустрия Минэнерго СССР, суровые природно-климатические условия региона, материально-техническая необеспеченность и недофинансированность возводимых объектов, межведомственные противоречия не позволили воплотить программы в жизнь. Из-за пограничного положения региона и ухудшения отношений с Китаем в данный период оказались ограниченны возможности в развитии гидроэнергетики. Отказ от реализации атомных проектов не позволял приступить к комплексному освоению зоны БАМа и развитию связанных с ним крупных промышленных объектов.

Несмотря на все трудности, в 1960-е – 1980-е гг. в целом удалось создать единую энергосистему на юге Дальнего Востока, во всех субъектах построить новые электростанции, провести протяженные линии электропередач. Однако до конца советской эпохи проблемы регионального энергообеспечения решены не были. Дальневосточная электроэнергетика оставалась проблемной, затратной и отстающей отраслью, замедляющей социально-экономическое развитие региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Ч. 2. 1951–1970 гг. Новосибирск: Наука, 1976.
2. Калашников В.Д., Демина О.В. Особенности формирования и развития энергетической системы Дальнего Востока // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 4. С. 36–49.
3. Когодовский О.А., Фриштер Ю.И. Гидроэнергетика крайнего Северо-Востока. М.: Энергоатомиздат, 1996.
4. Маклюков А.В. Экономические исследования проблем электрификации Дальнего Востока в конце 1940-х – начале 1960-х гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 4. С. 97–107.
5. Маклюков А.В. Электрификация российского Дальнего Востока (конец XIX – середина XX вв.). Владивосток: Изд-во Дальневост. фед. ун-та, 2018.
6. Народное хозяйство РСФСР в 1965 г. Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1966.
7. Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1991.
8. Некрасов В.Л., Хромов Е.А. Н.С. Хрушев и новая энергетическая политика (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.): власть, реформы, идеология // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 123–129.
9. Некрасова И.В. Развитие электрификации СССР. 40-е – 60-е гг.: дис. ... д-ра ист. н. М., 1975.
10. Непорожний П.С. Энергетика страны глазами министра. Дневники 1935–1985 гг. М.: Энергоатомиздат, 2000.
11. Николаев Н.И., Сингур Н.М. Перспективы развития экономики Дальнего Востока. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1968.
12. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960 – 1991 гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5) / Под ред. В.Л. Ларина, А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016.
13. Перспективы развития производительных сил Дальнего Востока. Ч. 1. Топливо-энергетический комплекс. Владивосток: Изд-во ДВНЦ, 1975.
14. Платонова Н.М. Государственная стратегия комплексного развития Дальнего Востока РСФСР: экономическая теория и историческая

практика (1965–1985 гг.) // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2012. Т. 2. № 12. С. 12–17.

15. Платонова Н.М. Государственная стратегия развития топливно-энергетической базы Дальнего Востока РСФСР. 1965–1985 гг. // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 2. С. 80–89.
16. Платонова Н.М. Промышленный комплекс Дальнего Востока РСФСР: условия и особенности развития: 1965–1985 гг.: дис. ... д-ра ист. н. Владивосток, 2017.
17. Развитие производительных сил Приморского края (проблемы и перспективы). Владивосток, 1979.
18. Российский статистический ежегодник 1994. Статистический сборник. М., 1994.
19. Савченко А.Е. Зачем строили БАМ? Другая сторона последнего мегапроекта на востоке СССР // Россия и АТР. 2021. № 1. С. 51–68.
20. Симонов Н.С. Особенности энергетического кризиса в СССР в 1960–1980-х гг.: уроки для современности // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2018. № 7. С. 76–95.
21. Тимошенко А.И. Энергетическое строительство в Сибири и модернизация экономики // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2014. Иркутск, 2014. С. 242–250.
22. Шевченко Д.К. Вопросы совершенствования организации управления энергетическим строительством на Дальнем Востоке: дис. ... канд. эконом. н. Владивосток, 1972.
23. Шелест В.А. Электроэнергетические проблемы развития производительных сил Дальнего Востока // Развитие и размещение производительных сил Дальнего Востока. Материалы научной конференции (сентябрь 1969 г.). Секция топливно-энергетической и химической промышленности. М., 1969. С. 5–21.

REFERENCES

1. Alekseev, V.V., 1976. Elektrifikatsiya Sibiri. Istoricheskoe issledovanie. Ch. 2. 1951–1970 gg. [Electrification of Siberia. A study in history. Part 2: 1951–1970]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)
2. Kalashnikov, V.D. and Demina, O.V., 2014. Osobennosti formirovaniya i razvitiya energeticheskoi sistemy Dal'nego Vostoka [Features of formation and development of the energy system in the Russian Far East], Regionalistika, Vol. 1, no. 4, pp. 36–49. (in Russ.)
3. Kogodovskii, O.A. and Frishter, Yu.I., 1996. Hidroenergetika krainego Severo-Vostoka [Гидро-

roelectricity of the Far North-East]. Moskva: Eenergoatomizdat. (in Russ.)

4. Maklyukov, A.V., 2019. Ekonomicheskie issledovaniya problem elektrifikatsii Dal'nego Vostoka v kontse 1940-kh – nachale 1960-kh gg. [The economic studies of the problems of electrification of the Soviet Far East in the late 1940s – early 1960s.], Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke, no. 4, pp. 97–107. (in Russ.)

5. Maklyukov, A.V., 2018. Elektrifikatsiya rossiiskogo Dal'nego Vostoka (konets XIX – seredina XX vv.) [Electrification of the Russian Far East, late XIXth – mid-XXth century]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. fed. un-ta. (in Russ.)

6. Narodnoe khozyaistvo RSFSR v 1965 g. Statisticheskii ezhegodnik [The National economy of the RSFSR in 1965. Statistical yearbook]. Moskva: Statistika, 1966. (in Russ.)

7. Narodnoe khozyaistvo SSSR v 1990 g. Statisticheskii ezhegodnik [The National economy of the USSR in 1990. Statistical yearbook]. Moskva: Finansy i statistika, 1991. (in Russ.)

8. Nekrasov, V.L. and Khromov, E.A., 2011. N.S. Khrushchev i novaya energeticheskaya politika (vtoraya polovina 1950-kh – pervaya polovina 1960-kh gg.): vlast', reformy, ideologiya [Khrushchev and the new energy policy (second half of the 1950s – first half of the 1960s): power, reforms, ideology], Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 349, pp. 123–129. (in Russ.)

9. Nekrasova, I.V., 1975. Razvitie elektrifikatsii SSSR. 40-e – 60-e gg. [The development of electrification in the USSR, 1940s – 1960s], dissertatsiya doktora istoricheskikh nauk. Moskva. (in Russ.)

10. Neporozhnii, P.S., 2000. Energetika strany glazami ministra. Dnevniky 1935–1985 gg. [Energy of the country through the eyes of the minister. Diaries of 1935–1985]. Moskva: Energoatomizdat. (in Russ.)

11. Nikolaev, N.I. and Singur, N.M., 1968. Perspektivy razvitiya ekonomiki Dal'nego Vostoka [Prospects for the development of the economy of the Soviet Far East]. Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo. (in Russ.)

12. Larin, V.L. and Vashchuk, A.S. eds., 2016. Obshchestvo i vlast' na rossiiskom Dal'nem Vostoke v 1960–1991 gg. (Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 5) [The history of the Russian Far East. Vol. 3. Book 5. Society and power in the Russian Far East, 1960–1991]. Vladivostok: IIAE DVO RAN. (in Russ.)

13. Perspektivy razvitiya proizvoditel'nykh sil Dal'nego Vostoka. Ch. 1. Toplivno-energeticheskii kompleks [Prospects for the development of the productive forces of the Soviet Far East. Part 1. Fuel and energy complex]. Vladivostok: Izd-vo DVNTs. (in Russ.)

14. Platonova, N.M., 2012. Gosudarstvennaya strategiya kompleksnogo razvitiya Dal'nego Vostoka RSFSR: ekonomicheskaya teoriya i istoricheskaya praktika (1965–1985 gg.) [State strategy for the integrated development of the Soviet Far East: economic theory and historical practice, 1965–1985], Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, Vol. 2, no. 12, pp. 12–17. (in Russ.)

15. Platonova, N.M., 2011. Gosudarstvennaya strategiya razvitiya toplivno-energeticheskoi bazy Dal'nego Vostoka RSFSR. 1965–1985 gg. [State strategy for the development of the fuel and energy base of the Soviet Far East, 1965–1985], Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii, no. 2, pp. 80–89. (in Russ.)

16. Platonova, N.M., 2017. Promyshlennyy kompleks Dal'nego Vostoka RSFSR: usloviya i osobennosti razvitiya: 1965–1985 gg. [The industrial complex of the Soviet Far East: conditions and features of development, 1965–1985], dissertatsiya doktora istoricheskikh nauk. Vladivostok. (in Russ.)

17. Razvitie proizvoditel'nykh sil Primorskogo kraja (problemy i perspektivy) [Development of the productive forces of Primorsky krai (problems and prospects)]. Vladivostok, 1979. (in Russ.)

18. Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik 1994. Statisticheskii sbornik [Russian statistical yearbook of 1994]. Moskva, 1994. (in Russ.)

19. Savchenko, A.E., 2021. Zachem stroili BAM? Drugaya storona poslednego megaproekta na vostoke SSSR [Why BAM was built? The other side of the last megaproject in the east of the USSR], Rossiya i ATR, no. 1, pp. 51–68. (in Russ.)

20. Simonov, N.S., 2018. Osobennosti energeticheskogo krizisa v SSSR v 1960–1980-kh gg.: uroki dlya sovremennosti [The features of the energy crisis in the USSR in the 1960s and 1980s: lessons for the present], Vserossiiskii ekonomicheskii zhurnal EKO, no. 7, pp. 76–95. (in Russ.)

21. Timoshenko, A.I., 2014. Energeticheskoe stroitel'stvo v Sibiri i modernizatsiya ekonomiki [Energy construction in Siberia and modernization of economy]. In: Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik. 2014. Irkutsk, 2014, pp. 242–250. (in Russ.)

22. Shevchenko, D.K., 1972. Voprosy sovershenstvovaniya organizatsii upravleniya energeticheskim stroitel'stvom na Dal'nem Vostoke [The issues of improving the organization of energy construction management in the Soviet Far East], dissertatsiya kandidata ekonomicheskikh nauk. Vladivostok. (in Russ.)

23. Shelest, V.A., 1969. Elektroenergeticheskie problemy razvitiya proizvoditel'nykh sil Dal'-

nego Vostoka [Electric power problems of the development of the productive forces of the Far East]. In: Razvitie i razmeshchenie proizvoditel'nykh sil Dal'nego Vostoka. Materialy nauchnoi konferentsii (sentyabr' 1969 g.). Sektsiya toplivno-energeticheskoi i khimicheskoi promyshlennosti. Moskva, 1969, pp. 5–21. (in Russ.)

А.А. Тесля*

АВТОНОМИЯ, ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ «ЗРЕЛОГО СТАЛИНИЗМА»

Рец.: Киселев М.А. «Регулярное» государства Петра I в сталинской России. Судьбы историков права в контексте научных и идеологических баталий советского времени. СПб.: Нестор-История, 2020

В статье рецензируется книга екатеринбургского историка Михаила Киселева, посвященная формированию и развитию исторических и историко-правовых взглядов советского историка Б.И. Сыромятникова в контексте устройства исторического сообщества и научной коммуникации внутри него в эпоху «зрелого сталинизма».

Ключевые слова: историография, история права, советская историческая наука, петровские реформы

Autonomy, historiographical alternatives and ideological battles in the discipline of history under mature Stalinism. A review of «The “regular” state of Peter I in Stalinist Russia. The fate of legal historians in the context of scholarly and ideological debates of the Soviet era» (2020) by Mikhail Kiselev. ANDREY A. TESLYA (Immanuel Kant Baltic Federal University)

The article reviews a book by Mikhail Kiselev, a historian from Yekaterinburg, dedicated to a Soviet historian Boris Syromyatnikov, his views on Russian history and the history of law in the context of the structure of historical community and scholarly communication within it in the era of mature Stalinism.

Keywords: historiography, history of law, Soviet discipline of history, reforms of Peter the Great

Имя Бориса Ивановича Сыромятникова (1874–1947) не очень хорошо известно за пределами исторического сообщества, да и в его границах не относится к числу первенствующих. Работы о нем стали появляться, по большому счету, лишь с 2000-х гг. (см.: [3; 5]). Монографию М.А. Киселева можно в этом контексте представить именно

как ответ сразу на обе части вопроса: и почему имя Сыромятникова и если не идеи, которые он разделял, то во всяком случае связка их с его именем, оказались полузабыты; и почему это (полу)забвение, само по себе процесс более чем естественный в любой сфере человеческой жизни и деятельности, представляет интерес.

---

* ТЕСЛЯ Андрей Александрович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научный руководитель Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта.

E-mail: mestr81@gmail.com

© Тесля А.А., 2021

Обращение к истории русской исторической науки сталинского периода прошло за последнюю треть века несколько этапов. Впрочем, первый из них отчасти уже намечался в работах «третьей эмиграции», как научных, так и публицистических и мемуарных – обличение злодеев и память о жертвах, а в каких-то случаях – восхваление если не героев в привычном смысле слова, то тех, кто находил в себе силы не участвовать, не обличать, и если и лицемерить, то лишь в таких рамках, где между лицемерием и соблюдением принятых обычаев грань провести затруднительно.

Предсказуемым образом, основной акцент здесь делался (и делается в той мере, в которой продолжают появляться работы, продолжающие сложившуюся в рамках этого этапа традицию) на обличении злодеев. Конкретизация зла, его персонификация (при этом либо вынесение его прежде всего вовне, понимание в качестве его источника и причины – политической и идеологической власти, а не научного сообщества, либо указание конкретных персоналий из числа самого научного сообщества¹) позволяла вместе с тем локализовать проблему – обратить ее в проблему морального/политического падения конкретных людей, когда само сообщество оставалось незапятнанным.

Конкретно-историческое изучение уже довольно скоро продемонстрировало всю неприемлемость концепции «тоталитаризма»: историки оказывались раз за разом, при рассмотрении конкретных ситуаций, отнюдь не только объектами воздействия, демонстрируя более или менее сложно устроенную субъектность. Таким образом, уже довольно скоро внимание обратилось с уровня взаимодействия «власть – историки» на более сложные сюжеты, исходящие в той или иной степени из признания как неоднородности самой «власти», так и неоднородности «историков», начиная с очевидного – что для разных областей исторического знания

¹ В свою очередь это порождало сложную проблему соотношения пагубной роли лица с его научными заслугами: предсказуемо, что в отношении тех, за кем последние трудно было отрицать, возникало стремление либо уменьшить степень вины, либо, напротив, отрицать научный вклад соответствующего лица, значение его трудов с точки зрения научного знания (наиболее показательным примером последнего рода служит М.Н. Покровский, когда кампания, открытая против его «школы» в 1934 г., воспринимается как род законного воздаяния).

положение вещей сильно различается в пределах одного и того же периода времени².

Более того, довольно скоро стало понятно, что отчетливо отграничить научные споры от использования – добросовестного или конъюнктурного – идеологических обвинений применительно к истории русской исторической науки 1920-х – 1950-х гг. затруднительно, даже если придерживаться жесткого противопоставления науки и идеологии в концептуальном плане (идя, например, в понимании «науки» по позитивистской/неокантианской линии). Сам исторический материал, независимо от принятия тезиса о возможности отчетливо отделять «научное» от «не-научного» в плане знания, не позволяет осуществлять такого рода принципиальное разграничение на уровне как описания действий сторон, так и устройства используемых ими аргументов. На уровне исторического описания обнаруживается не только переплетенность «науки» и «идеологии», но и невозможность в большинстве случаев описывать противостояние как столкновение защитников «науки» с их оппонентами, стремящимися подчинить науку идеологии. Эта ситуация конкретного исследования ведет к невозможности продолжать первую из упомянутых нами моделей описания прошлого отечественной исторической науки или, по крайней мере, невозможности отождествлять «злодеев» с идеологами, а жертв – с борцами за науку.

Другим вопросом, возникшим достаточно поздно и рассматриваемым на материале одного конкретного сюжета в работе М.А. Киселева, оказалась парадоксальным образом сохраняющаяся и производящаяся альтернативность научных концепций и подходов в рамках «зрелого сталинизма». Разумеется, преувеличивать последнюю не стоит: курс на упорядочивание, а затем и монополизацию в каждой конкретной области определился довольно рано – начиная с ликвидации разнообразия писательских организаций и утверждения одного Союза советских писателей в 1934 г. и вплоть до аналогичных процессов в музыке, журналистике и академической науке. Иерархически выстроенное целое, на первый взгляд, должно было маргинализировать подходы и теории, противоречащие утверждаемым институциям, ответственным за соответствующее направление. Во многом так

² Понятно, что для 1930-х гг. более чем различны обстоятельства, например, историков русского революционного движения и медиевистов.

и происходило, но далеко не столь полно, как можно было бы предполагать.

Концептуальный ответ на вопрос о том, как оказывалась возможной альтернативность и более или менее успешное формирование групп, а в потенциале и школ, противостоящих авторитету и власти подходов, утверждаемых ответственными за соответствующее направление научными институциями, достаточно прост. Суть его сводится к тому, что в случае исторического знания сообщество «сугубо-историков» не оказывалось его монополистом. Помимо «собственно истории», в силу историзма, присущего модерному знанию, другие области, прежде всего – гуманитарные и социальные науки, обладали собственными, более или менее автономизированными версиями исторического и при этом были способны оказывать определенное влияние на «большую историю». Так, например, история государства и права, история политических учений, относясь к области «юридических наук» (и, в рамках советской Академии, к другому отделению, чем историки), находились вне возможностей по крайней мере прямого воздействия со стороны, например, руководства Института истории АН СССР³.

Биография Сыромятникова одновременно и своеобразна, и типична для его времени. Он принадлежит к поколению ученых, которые успели так или иначе обозначить себя, заслужить некоторую научную репутацию до революции. Выпускник юридического факультета Московского университета, оставленный при университете для подготовки к профессорскому званию, при этом весьма активный в общественной и просветительской деятельности, он в 1911 г. покидает университет вместе с рядом других профессоров и приват-доцентов в знак протеста против увольнения решением министра народного просвещения ректора А.А. Манилова и профессоров М.А. Мензбира и П.А. Минакова. С этого момента он становится одним из ключевых деятелей Общества народных университетов: с 1912 г. работает товарищем председателя, а с 1914 г. – председателем общества, с 1910 г. преподает в Народном

университете им. Шанявского. Научная продуктивность его в эти годы, предсказуемо, довольно ограничена: в основном он подготавливает научно-популярные работы. Февральская революция приводит к возвращению в Московский университет уволенных и ушедших вслед за ними, в том числе и Сыромятникова, который одновременно развивает публицистическую активность на волне революционных событий, принадлежа к левым кадетам (в газетах он более или менее активно сотрудничает еще с начала века). Как и большая часть коллег, большевиков он не примет. Почти непосредственно перед революцией происходит и большая перемена в его личной жизни – он уходит от своей первой и начинает жить с М.П. Кашириной.

В первой половине 1920-х гг. – и в этом вновь скорее типичная черта времени и среды, к которой он принадлежит – Сыромятников одновременно или последовательно работает в разных местах, пытаюсь закрепиться: какое-то время деканствует на общественно-философском отделении Университета им. Шанявского, много сил и энергии вкладывает в организацию работы Ивано-Вознесенского политехнического института, в том числе привлекая ведущих московских гуманитариев, читает лекции на рабфаке, преподает в Межевом институте. В 1928 г. перебирается в Казань, где преподает два года, и затем возвращается в Москву (очень вовремя, как показывает современный биограф, поскольку буквально в следующие за его отъездом месяцы начнет набирать силу кампания против старых специалистов и имя Сыромятникова будет неоднократно упоминаться в самом тревожном контексте). По возвращении в Москву устраивается заведующим библиотекой Центрального научного-исследовательского текстильного института (НИТИ), откуда выходит на пенсию.

К этому времени его биография кажется в целом завершенной и в научном плане достаточно бледной. Наибольшее значение имеет так и оставшаяся недописанной докторская диссертация, в обстоятельном введении к которой анализируются теории русского исторического процесса. В свое время обратили на себя внимание его работы по истории декабризма, прежде всего обстоятельное исследование политико-правовых взглядов Пестеля. В мемориальном сборнике о В.О. Ключевском, приглашение к участию в котором само по себе было весомым знаком принятия научным сообществом,

³ Другим примером, который вспоминает сам автор в заключительной главе, будет история тартуско-московской семиотической школы, существенным образом повлиявшей на исторические исследования в целом ряде областей, прежде всего – в изучении отечественной истории XVIII–XIX вв.

Сыромятников поместил статью, сопоставлявшую взгляды В.О. Ключевского и Б.Н. Чичерина. В 1920-е гг. выступил с нашумевшей среди профессионалов статьей о восстании декабристов как о «последнем дворцовом перевороте». В 1930-е гг. он публикует статьи, некоторые из которых достигают солидного объема, в «Энциклопедическом словаре братьев Гранат», но эти публикации проходят почти незаметно (примечательно, что даже в библиографию Сыромятникова 2012 г. они по большей части окажутся не включены).

И здесь его биография делает решительный поворот – постановления 1934 и 1936 гг. о преподавании истории обозначают существенную перемену не только в исторических дисциплинах, но и в связанных с ними. Уже на исходе 1935 г. Сыромятников обращается в Аттестационную комиссию при Коммунистической академии с прошением о присвоении ему на основании опубликованных работ научного звания (прошение будет удовлетворено только в 1938 г. – он станет доктором юридическим наук). 25 октября 1936 г. Институт советского строительства и права преобразовывается в Институт государственного права СССР, чтобы затем стать уже просто Институтом права. Обозначается необходимость в историко-правовых исследованиях, как и в трудах по догме права – курс, который еще отчетливее⁴ обозначится после назначения нового директора – А.Я. Вышинского.

Поворот 1934–1938 гг. изменит и судьбу Сыромятникова, и судьбу его заклятого врага на ближайшие годы – С.В. Юшкова, также историка-юриста еще старой школы. Юшков к 1938 г. сможет вырваться из Свердловска и станет ведущим специалистом по истории права в рамках Московского юридического института. Сыромятников получит степень доктора и быстро займет довольно заметную позицию в Институте права, примет в конце 1930-х – начале 1940-х гг. участие в дискуссиях с Б.Д. Грековым и с С.В. Юшковым и станет руководителем историко-правового направления работ института. В этом карьерном взлете недавнего пенсионера – сочетание целого ряда обстоятельств. Прежде всего, речь идет о проявившейся потребности в специалистах по истории права – дисциплины, которая фактически от-

существовала на протяжении предшествующих двух десятилетий, и, соответственно, все подготовленные специалисты в этой области были не просто представителями дореволюционной науки, но успели оформиться как профессионалы именно в период до 1917–1918 гг. Вместе с тем, ряд специалистов близкого профиля уже обрели позиции в рамках формирования собственно исторических институций после поворота 1934 г., так что круг лиц, из которого можно было выбирать, еще более сужался. Благоприятствовало и то обстоятельство, что Сыромятников был специалистом широкого профиля: если относительно глубины его исследований есть разногласия, то во всяком случае он был компетентным, квалифицированным историком права и политических учений. И, наконец, третий фактор – расположение и поддержка со стороны А.Я. Вышинского, видимо, сохранявшиеся и после того, как тот перестал быть руководителем Института права [5, с. 105–156].

Первые годы работы в институте для Сыромятникова ознаменуются прежде всего его критикой исторической концепции Б.Д. Грекова. Но это столкновение окажется не только не особенно перспективным, по крайней мере с точки зрения дирекции института, но и не очень выигрышным при внимательном рассмотрении позиции Сыромятникова. Последний не был знатоком древнерусской истории и по большому счету атаковал Грекова и его сторонников, с одной стороны, с опорой на тот вариант марксистской интерпретации исторического процесса, что утвердился после выхода «Краткого курса...» (1938), а с другой – на дореволюционную литературу по теме. На первом ходе это могло показаться довольно удачной комбинацией, по крайней мере Сыромятников выступал как блюститель марксистской ортодоксии (что он попытается повторить и в «“Регулярном” государстве...»), тогда как, по выражению А.А. Зимина, до-феодалная Русь Грекова была «шалостью», на которую, правда, тот «получил высочайшее (молчаливое) соизволение ... в благодарность за преданность» [4, с. 42]. К тому же он выступал здесь в согласии с критикой Грекова со стороны его собственного заместителя, Шестакова. Однако полемика с точки зрения рабовладельческой концепции истории Древней Руси все хуже идеологически звучала на рубеже 1930-х – 1940-х гг., начиная восприниматься как «принижающая» русское прошлое. Так что поворот Сыромятникова к новой теме – Петру I,

⁴ После кровавой мешанины 1937 г., когда погибли и прежний директор института, Е.Б. Пашуканис, и его заместитель Н.И. Челябинов.

его реформам и теории «регулярного» или «полицейского» государства – представляется одновременно и выходом из конфликта, который в 1940 г. перестал сулить победу, и обращением к проблематике, созвучной новым вызовам, в том числе быстрому переосмыслению фигуры Петра I (примером динамики здесь служит эволюция его образа в произведениях А.Н. Толстого 1920-х – 1940-х гг. [2, с. 112–126]).

Новая тема оказывалась выигрышной еще и потому, что позволяла избавиться от слабости в области фактического материала – не только сам Сыромятников был хорошо знаком с политической и правовой литературой той эпохи и посвященными ей работами, но именно в это время он знакомится с подготовленным ленинградским историком-самоучкой Н.А. Воскресенским уникальным собранием «Законодательных актов Петра Великого», которые решает опубликовать Институт права⁵. Таким образом, под предлагаемую им концепцию он имеет возможность сразу же подложить принципиально новую эмпирическую базу, а обе работы оказываются плодами деятельности института и возглавляемого Сыромятниковым сектора.

«“Регулярное” государство Петра I и его идеология» – книга одновременно и быстро написанная, и итоговая. «Быстро» в данном случае характеристика не столько времени, которое заняло ее написание, сколько внутреннего устройства: в значительной части она собрана из материалов Сыромятникова, относящихся еще к 1900–1910 гг., а там, где этих материалов не было, остаются либо пробелы, либо произвольные конструкции, призванные их закрыть (самым ярким примером этого рода станет анализ взглядов на Петра I и петровские реформы во второй четверти XIX в., в котором разнообразие мнений сведено к противостоянию западников и славянофилов, а все значимые участники дискуссии «подверстаны» к одной из этих позиций⁶). Еще более характерна значительная

часть историографического обзора, посвященная историкам последней трети XIX – начала XX в., – от В.О. Ключевского до С.Ф. Платонова и П.Н. Милюкова, а во многом – и понимание эпохи Петра I в трудах С.М. Соловьева. Фактически Сыромятников ограничивается рассмотрением общих суждений и характеристик, вводных и заключительных параграфов соответствующих курсов, оставляя за пределами анализа конкретное изложение материала, распределение акцентов, выделение значимых реформ и протекающих в связи с ними или синхронно процессов. Эксплицитное заключение рассматриваемых им авторов, учеником одного из которых он сам определял себя в статье, помещенной в «Энциклопедическом словаре братьев Гранат» уже в конце 1920-х гг., приравнивается к пониманию ими петровских преобразований и их места в русской истории. То обстоятельство, что в других случаях автор действует иначе, прикладывая намного более существенные усилия к реконструкции аргументов рассматриваемых исследователей, демонстрирует отмеченную спешность работы, неравносность ее частей.

Как уже отмечалось, большая часть работы Сыромятникова – критический историографический обзор, особенно в той части, где он переходит к современникам. Но, выделяя ядро его концепции, мы отметим три момента:

- во-первых, стремление акцентировать и разграничить сословно-представительную монархию и абсолютизм (с остающимся не до конца проясненным статусом «просвещенности»);
- во-вторых, стремление определить социальную базу каждой из названных политических форм – отнюдь не только в рамках марксистской ортодоксии, но прежде всего продолжая логику научного движения конца XIX – начала XX вв. и свои собственные теоретические интересы;

решение можно было бы считать просто небрежностью и следованием за расхожими представлениями, если бы не высокая историографическая подготовка автора. При помощи этого хода он фактически обходит вопрос о прославлении реформ Петра I и помещении его в центр своей концепции русской истории Погодиным, как и вопрос об официальном и официозном культе Петра I, столь характерном для николаевской эпохи. Тем самым он выстраивает схему, в которой позитивное отношение к Петру I и его реформаторской деятельности оказывается тождественным прогрессивным взглядам, а отрицательное, соответственно, – консервативным.

⁵ Публикация затянется: первый том, так и оставшийся единственным изданным, выйдет только в 1945 г., так что в результате образуется исторический курьез – рецензия Сыромятникова на «Законодательные акты...» Воскресенского выйдет за пять лет до издания самой книги [8].

⁶ Так, характеризуя воззрения 1830-х – 1840-х гг. на петровские реформы, Сыромятников сводит все разнообразие позиций до Чаадаева, западников и славянофилов, при этом не дифференцируя от последних, например, М.А. Погодина. Подобного рода

– в-третьих, попытку, оставшуюся в опубликованном тексте скорее фрагментами замысла, понять конкретно-исторически «идеологию» не как внешнюю форму, а через взаимодействие базиса и надстройки, с неполной автономией последней, относя это и к автономии государства, и к автономии идеологии по отношению к наличному государству, что в свою очередь означало и способность идеологии выступать в качестве автономного преобразовательного фактора.

В конспекте введения и первой главы монографии, опубликованном в 1940 г. тиражом в 50 экз., Сыромятников писал, что инструментами петровской реформы стали: (1) политическая теория и (2) «практика европейских государств» [5, с. 162], идея «полицейского государства». Используя актуально-политический язык момента, Сыромятников писал, что Петр верил «в чудесную силу “просвещенного” насилия» и «стремился форсировать исторический процесс, полагая не только догнать, но и перегнать своих западных “учителей”», однако «чуда не случилось» [5, с. 163] (ср.: [5, с. 179]). Вопрос, который возникает по поводу этих слов: насколько целенаправленными, сознательными были аллюзии на современность, тем более, как вспоминал Вяч.Вс. Иванов уже о второй половине 1930-х гг., для Сыромятникова было характерно «воинственное отрицание большевиков» [5, с. 31].

Суммируя свою интерпретацию концепции Сыромятникова, Киселев пишет: «...По Б.И. Сыромятникову, бюрократическое государство при определенных исторических условиях может попытаться ускорить развитие страны с целью ликвидации отсталости, опираясь при этом на идеи и практики, заимствованные из более развитых стран. Правда, результативность такой попытки в немалой степени будет ограничена текущим уровнем развития. В то же время С.А. Покровский⁷ приходил к выводу, что по-

⁷ Серафим Александрович Покровский, коллега и ученик Сыромятникова, специалист по истории русских политико-правовых учений XVIII–XIX вв. Наибольшую своеобразную известность приобрел в 1950-е гг., когда его роль как осведомителя стала известной и официально признанной. Отметим, что вопреки расхожей легенде, после разоблачения его карьера хоть и пострадала, однако он продолжал участвовать в интеллектуальной жизни – в частности, уже в конце 1960-х гг. принял участие в известной дискуссии о славянофилах на страницах «Вопросов литературы». О последних полутора десятилетиях его жизни и деятельности см.: [5, с. 363–366].

литика догоняющей модернизации может приводить к противоречивым результатам и не только способствовать модернизации, но и консервировать немодерные отношения и в итоге тормозить модернизационное развитие. Это он иллюстрировал тем, что петровская политика “догнать Европу” скорее способствовала не развитию буржуазных отношений, а усилению крепостничества. Ведь получалось, что для проведения модернизационной политики приходилось обращаться к тем средствам, которые могло предоставить немодерное общество, т.е. к *крепостному праву*. Заметим, что в 1968 г. Л.В. Черепнин на советско-итальянской конференции историков рассуждал примерно в таком же духе, беря за отправную точку как раз концепцию Сыромятникова» [5, с. 171].

Книга Сыромятникова встретит сначала критическую, а затем в пределах 1944 г. все более неприемлющую реакцию, в том числе оказавшись одним из объектов критики на известном собрании историков 1944 г. [2; 10]. Основной линией критики Сыромятникова будет сближение его концепции с воззрениями Покровского – в частности, его будут обвинять в возрождении объяснения петровских реформ через «торговый капитализм»⁸. Однако, как показывает Киселев, критика Сыромятникова отнюдь не была сокрушительна в смысле исключения его и его научных трудов из рамок советской науки: он сохранил свои основные позиции в Институте права и оставался достаточно активен вплоть до своей кончины в 1947 г. Таким обра-

⁸ Киселев справедливо напоминает, что само понятие «торгового капитала» применительно к русской истории связано с Туган-Барановским и его работой «Русская фабрика» (1898). При этом, однако, достаточно сомнительно стремление Киселева старательно разграничить понятия «торгового капитала» и «торгового капитализма», отмечая, что в отличие от Покровского Сыромятников вторым никогда не пользовался. На наш взгляд, в этом – отголосок уже поздней, 1930-х гг. концептуализации и переосмысления марксистской политэкономии и исторического материализма и утверждения «капитализма» как одного (в смысле единичности, уникальности) этапа развития человеческого общества. Так, в большой концептуальной статье 1906 г. Сыромятников интерпретирует циклические концепции, в частности остроактуальную на тот момент концепцию Эд. Мейера, как утверждение единства исторического процесса в том смысле, что «все народы развивались *аналогичным путем*, проходя одинаковые этапы, повинаясь одним и тем же законам развития» [3, с. 97].

зом, невозможно лишь критикой этого времени объяснить столь прочный отход наследия Сыромятникова на периферию последующего развития исторической науки. Впрочем, здесь стоит отметить и границы социологизма. Если вопрос о том, как оказалось возможным более или менее ощутимое противостояние господствующему подходу, разрешается успешно, то социологизирующая трактовка ответа на вопрос о том, почему не сложилась школа Сыромятникова, требует существенных оговорок уже не вполне или не только социологического плана.

Показательно, что именно то, в чем будут упрекать Сыромятникова в спорах 1944 г., как раз изначально и составляет по крайней мере заявляемое им самим ядро работы: попытка определить классовый характер петровского государства, характеристика которого в этом отношении фактически объявляется отсутствующей у предшествующих и современных исследователей (см.: [7, с. 299–300]). Это, во-первых, стремление и склонность самого Сыромятникова именно к концептуальному анализу – то, что историк с другими представлениями об идеале научности, М.М. Богословский, оценил как «пустозвонство»⁹. Во-вторых, стремление опереться на официальные исторические представления/конструкции и атаковать оппонентов с точки зрения отступления от них. В данном случае первая черта – относительная сила концептуального анализа и склонность к нему – ведет к попытке построения теоретически непротиворечивой, последовательной исторической схемы.

Прежде всего отметим, что Сыромятников, собственно, не предложил – вопреки амбициозным заявлениям – собственной развернутой трактовки петровских реформ. И проблема даже не в том, что «“Регулярное” государство...» по большей части так и осталось в границах историографического обзора¹⁰, при этом во многом

полемически-заостренного, временами почти «газетного» в стилистическом плане. Ключевое затруднение в том, что сама концепция Сыромятникова оказывается данной в ряде положений, достаточно слабо подкрепленных материалом, – положений, даваемых в полемике, отталкивании от других.

«Школа» предполагает наличие того, кого можно представить как «классика», а для этого необходимо наличие того, что можно осмыслить как «классические тексты», «фундаментальные исследования». В этом плане история не случившейся «школы Сыромятникова» важна сопоставлением не только с Грековым, но и с Юшковым, оставляющим, пусть и вызывающие обостренную критику со стороны Сыромятникова, развернутые учебные курсы и учебные издания по истории русского государства и права. Противопоставить этому Сыромятников может – и, кстати, в «“Регулярном” государстве...» прямо и пытается – свой собственный литографированный курс, еще 1909–1910 гг. (см.: [7, с. 320, 321]).

В случае с несостоявшейся «школой Сыромятникова» мы, как представляется, упираемся в итоге не только в историю «обстоятельств», но и собственно в качество – уровень, масштаб, обстоятельность проделанной работы. Фактически Сыромятников предлагает ряд наблюдений и плодотворных замечаний, предлагает то, что потенциально может стать фундированной концепцией, но таковой в его изложении еще не является.

Его клиентулу представляют по большому счету лишь двое – с одной стороны, явный маргинал Воскресенский, с другой – «красный историк» и осведомитель Покровский. При этом для второго концепция Сыромятникова вряд ли на первом месте, он примыкает к нему скорее как к авторитетному в рамках Института права лицу, занимается близкими сюжетами, но

⁹ Запись в дневнике от 8.II.1916 г. Чуть ранее, в записи от 21.I.1916 г. М.М. Богословский характеризует Сыромятникова как «левого пустозвона» [1, с. 143, 136]. В этом, на наш взгляд, не только различие политических позиций. Значимо здесь и различие дисциплинарных пространств – историко-юридического исследования и «собственно исторического», делающего упор к этому времени прежде всего на архивных изысканиях и введении в научный оборот нового материала, а не концептуальном осмыслении уже имеющегося.

¹⁰ Хотя в данном случае и осмелимся предположить, что это – вряд ли случайность. Ведь и дис-

сертация Сыромятникова, так и оставшаяся незавершенной, ограничилась в законченной части именно историографией. Видимо, Сыромятникову было сложно переходить к конкретно-историческому изучению материала. Показательно, что работ такого плана в его библиографии весьма немного, а те, что есть, посвящены вновь исключительно истории идей. Задуманная им работа о Петре I предполагала принципиальный выход за пределы привычной для него рамки – совмещения доктринального уровня, истории идей и истории законодательства, с практикой, с тем, как это законодательство воплощалось и чем оказывались эти нормы в своей реализации.

концептуальная близость здесь носит довольно ограниченный характер. Воскресенский же не может сам стать «силой», его включенность в научное сообщество более чем ограничена – он, как легко судить по фрагментам писем, опубликованным его биографом Д.О. Серовым, не ограничивает себя от предмета своего изучения, многолетняя изолированная работа над законодательством Петра I приводит его к неспособности слышать другие точки зрения, учитывать критику его исследовательских приемов [6; 5, с. 249–269].

Словом, Сыромятников стар, не обладает достаточным количеством учеников и не успевает обрести их, плохо завоевывает союзников и, благодаря в том числе плохому характеру, легко находит все новых врагов. При этом он не создает работы, которую можно было бы охарактеризовать как фундаментальную. Именно поэтому, как показывает Киселев, обращение последующих историков происходит лишь к отдельным его тезисам – непосредственно или из вторых рук, не возникает репутационного веса, который побуждал бы перечитывать научное наследие Сыромятникова и работать с ним как с целым.

Завершая небольшое эссе, посвященное замечательной работе М.А. Киселева, вновь обратимся к сюжету, с которого начали: о сложности описания позиции историка, невозможности свести ее к простой схеме, например, противостояния или подчинения идеологическому диктату. Так, остающийся по крайней мере в середине 1930-х гг. воинствующим противником «большевиков», Сыромятников выстраивает свою научную позицию в спорах конца 1930-х – начала 1940-х гг. не просто как марксистскую, а как ультра-ортодоксальную, с прямолинейной опорой на «Краткий курс...» и проецированием его постулатов на исторический материал. Это можно было бы описать как двойственность, ограничившись моральным суждением, но ситуация по меньшей мере осложняется тем, что именно в этой, поздней позиции, где трудно как-то отграничить науку от идеологии, Сыромятников, анализируя петровские реформы, трактует их как ставшие возможными в силу автономии государства, как попытку сверху трансформировать общество и само государство в соответствии с желанным, воображаемым идеалом, в итоге обреченную даже не только и не столько на «неудачу», сколько на получение результата, принципиально отличного от задуманного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богословский М.М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного Исторического музея. М.: Время, 2011.
2. Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930-е – 1950-е гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017.
3. Дурновцев В.И., Тихонов В.В. Жизнь и труды историка Б.И. Сыромятникова. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2012.
4. Зимин А.А. Храм науки (Размышления о прожитом) // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX в. М.: Аквариус, 2015. С. 35–383.
5. Киселев М.А. «Регулярное» государства Петра I в сталинской России. Судьбы историков права в контексте научных и идеологических баталий советского времени. СПб.: Нестор-История, 2020.
6. Серов Д.О. Н.А. Воскресенский (1889–1948) – подвижник науки истории русского права // Воскресенский Н.А. Петр Великий как законодатель: Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 5–58.
7. Сыромятников Б.И. «Регулярное» государство Петра I и его идеология // Дурновцев В.И., Тихонов В.В. Жизнь и труды историка Б.И. Сыромятникова. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2012. С. 194–410.
8. Сыромятников Б.И. Рец.: Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра Великого. Т. I. Акты о высших государственных установлениях. Л., 1940. 926 с. // Советское государство и право. 1940. № 11. С. 121–129.
9. Тихонов В.В. Исторические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука: середина 1940-х – 1953 г. СПб.: Нестор-История, 2016.
10. Юрганов А.Л. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: Изд-во РГГУ, 2011.

REFERENCES

1. Bogoslovskii, M.M., 2011. Dnevnikii (1913–1919): Iz sobraniya Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Diaries of 1913–1919]: From the funds of the State Historical Museum]. Moskva: Vremya. (in Russ.)
2. Dubrovskii, A.M., 2017. Vlast' i istoricheskaya mysl' v SSSR (1930-e – 1950-e gg.) [Power and

- historical thought in the USSR, 1930s–1950s]. Moskva: Politicheskaya entsiklopediya. (in Russ.)
3. Durnovtsev, V.I. and Tikhonov, V.V., 2012. Zhizn' i trudy istorika B.I. Syromyatnikova [The life and works of historian Boris Syromyatnikov]. Moskva: Kanon+; ROOI «Reabilitatsiya». (in Russ.)
4. Zimin, A.A., 2015. Khram nauki [Temple of knowledge]. In: Sud'by tvorcheskogo naslediya otechestvennykh istorikov vtoroi poloviny XX veka. Moskva: Akvarius, 2015, pp. 35–383. (in Russ.)
5. Kiselev, M.A., 2020. «Regulyarnoe» gosudarstvo Petra I v stalinskoj Rossii. Sud'by istorikov prava v kontekste nauchnykh i ideologicheskikh batalii sovetskogo vremeni [The «regular» state of Peter I in Stalinist Russia. The fate of legal historians in the context of scholarly and ideological debates of the Soviet era]. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya. (in Russ.)
6. Serov, D.O., 2017. N.A. Voskresenskii (1889–1948) – podvizhnik nauki istorii russkogo prava [N.A. Voskresensky (1889–1948), an ascetic of the history of Russian law]. In: Voskresenskii, N.A., 2017. Petr Velikii kak zakonodateli: Issledovanie zakonodatel'nogo protsessa v Rossii v epokhu reform pervoi chetverti XVIII veka. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 5–58. (in Russ.)
7. Syromyatnikov, B.I., 2012. «Regulyarnoe» gosudarstvo Petra I i ego ideologiya [The «regular» state of Peter I and its ideology]. In: Durnovtsev, V.I. and Tikhonov, V.V., 2012. Zhizn' i trudy istorika B.I. Syromyatnikova. Moskva: Kanon+; ROOI «Reabilitatsiya», pp. 194–410. (in Russ.)
8. Syromyatnikov, B.I., 1940. [Rets.:] Voskresenskii N.A. Zakonodatel'nye akty Petra Velikogo. T. I. Akty o vysshikh gosudarstvennykh ustanovleniyakh. L., 1940. 926 s. [Review of «Legislative acts of Peter the Great. Vol. I» by N.A. Voskresensky], Sovetskoe gosudarstvo i pravo, no. 11, pp. 121–129. (in Russ.)
9. Tikhonov, V.V., 2016. Istoricheskie kampanii «pozdnego stalinizma» i sovetskaya istoricheskaya nauka: seredina 1940-kh – 1953 g. [Historical campaigns of «late Stalinism» and Soviet discipline of history, mid-1940s–1953]. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya. (in Russ.)
10. Yurganov, A.L., 2011. Russkoe natsional'noe gosudarstvo: Zhiznennyi mir istorikov epokhi stalinizma [Russian national state: the life-world of historians during Stalinist era]. Moskva: Izd-vo RGGU. (in Russ.)

ВАСИЛИЙ РОЗАНОВ: МЫСЛИТЬ УЕДИНЕННОЕ. К 165-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ФИЛОСОФА

УДК 1(470) (091)

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2021-3/46-56>

И.И. Евлампиев*

ИСТИННОЕ ХРИСТИАНСТВО В.В. РОЗАНОВА И ЕГО ИСТОКИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ**

В статье доказывается, что несмотря на множество работ В.В. Розанова, критикующих евангелия и христианское учение, он обладал целостным представлением об истинном христианстве, которое он противопоставлял догматическому учению церкви. Описать взгляды Розанова помогает их сопоставление с традицией поисков истинного христианства во всей русской культуре XIX в. Особенно наглядна близость христианского идеала Розанова к взглядам П.Я. Чаадаева и Ф.М. Достоевского. Все три мыслителя видели суть христианства в демонстрации пути, на котором человечество сможет создать «рай на земле», достичь совершенства земной жизни, которое, в частности, проявляется в том, что отдельные личности обретают мистическую способность влиять на мир. Автор выявляет сходство в понимании Бога и бессмертия Розановым, Чаадаевым и Достоевским: Бог есть слитное единство всех людей, а бессмертие – вечность и бесконечность земной жизни, которая не прерывается, а только трансформируется смертью.

Ключевые слова: истинное христианство, критика церкви, П.Я. Чаадаев, Ф.М. Достоевский, бессмертие, рай на земле

Vasily Rozanov's true Christianity and its origins in Russian culture. IGOR I. EVLAMPIEV (Sankt-Petersburg State University)

The article proves that despite the many works that criticized the gospels and Christian doctrine Vasily Rozanov had a holistic view of true Christianity, which he contrasted with the dogmatic doctrine of the church. To describe Rozanov's views the author compares them with the tradition of searching for true Christianity in the Russian culture of the 19th century, focusing on the works of Pyotr Chaadaev and Fyodor Dostoevsky. As well as Rozanov these thinkers saw the essence of Christianity in demonstrating the way in which mankind can create "heaven on earth", achieve the perfection of earthly life, which, in particular, is manifested in the fact that individuals acquire a mystical ability to influence the world. The article reveals a similarity in the understanding of God and immortality by Rozanov, Chaadaev, and Dostoevsky: God is the merged unity of all people, and immortality is the eternity and infinity of earthly life, which is not interrupted but only transformed by death.

Keywords: true Christianity, criticism of the church, Pyotr Chaadaev, Fyodor Dostoevsky, immortality, heaven on earth

---

* ЕВЛАМПИЕВ Игорь Иванович, доктор философских наук, профессор кафедры русской философии и культуры Института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: evlampiev@mail.ru

© Евлампиев И.И., 2021

** Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 21-011-44093.

Розанов несколько раз на протяжении своей жизни резко менял отношение к христианству. Ранний Розанов очень положительно писал о христианстве и православной церкви и критиковал Ф. Ницше именно за его «антихристианские» взгляды. Весьма негативно он оценивал еще одного известного критика традиционного христианства, Л.Н. Толстого; в одной из работ о нем Розанов писал: «Человек борется – прежде всего со злом в себе; а потом – и со злом в другом, помогая ему. В целой своей жизни, во всей истории – он борется божественными силами, в нем заключенными («Божией искрой», как прекрасно усвоено у нас), против сил демонических. Церковь и суд – краеугольные камни этой борьбы. Церковь влечет нас к Богу; она не нудит; она в себе самой, в святости своего научения, в благодатных своих дарах содержит источник великого притяжения, и сильнейшие из нас тяготеют к добру только через нее» [10, с. 17].

Поселившись в 1893 г. в Санкт-Петербурге и войдя в круг Д.С. Мережковского, Розанов резко изменяет свои взгляды и становится одним из известнейших критиков христианства. В речах «О Сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира» (1907) и «Христос – Судия мира» (1908) на Религиозно-философских собраниях в Санкт-Петербурге Розанов дал радикальную критику не только исторического христианства, но самой евангельской этики, доказывая, что в канонических евангелиях, в известнейших словах Христа заложена тенденция к отрицанию земной жизни в ее самых естественных проявлениях. Розанова начинают сравнивать с Ницше, одновременно его собственное отношение к Ницше меняется, теперь немецкий мыслитель выступает для него провозвестником совершенно новой эпохи в философии, когда она перестает быть чисто «кабинетной» «системой мысли» и становится «системой человека», отражающей дух «очень высоких и законченных человеческих личностей, громадно влиявших на свое время» [13, с. 341]. Высказанная здесь Розановым мысль очень важна для понимания его отношения не только к Ницше, но и к христианству: *именно человеческая личность как нечто бесконечное, загадочное, неизъяснимое становится центром его собственной философии.*

Начало Первой мировой войны снова приводит к резкому изменению оценок. В статьях 1914–1917 гг. Розанов практически перестает

говорить о «теории» христианства; выдвигая на первый план его жизненную «форму», он считает ее важнейшей сущностной чертой русского народа (крестьянства). При этом Розанов доходит до того, что вовсе отрицает интеллигентские «умствования» по поводу религии (т.е. именно то, чем он раньше и занимался), поскольку они неизбежно ведут к сомнению в плодотворности религии для народа. Только в своей любимой теме – в доказательстве несоответствия христианской «теории» естественным законам пола и деторождения – Розанов остается критически настроенным по отношению к церковной традиции.

Наконец, после революции 1917 г., в последние годы своей жизни, пришедшиеся на трагическую эпоху Гражданской войны, Розанов снова переходит на позицию критики христианства и теперь доходит в этом до абсолютного предела: он обвиняет христианство в том, что именно оно привело европейскую цивилизацию к краху. Не признавая в христианстве ни одной положительной черты, он видит главный его «порок» в том, что оно не учло человеческую личность, «придавило» личность.

«Уже зло пришествия Христа выразилось в том, что получилась цивилизация со стоном. Ведь Он проповедовал “лето благоприятное”. Вот в этом, по крайней мере – Он ошибся: никакого “лета благоприятного” не получилось, а вышла цивилизация со стоном.

Какая же это “благая весть”, если “человек в море” и “шкаф упал на человека”?

Нет: во всем христианстве, в христианской истории, – и вот как она сложена, вот как развивался ее спиритуализм, – лежит какое-то зло. И тут немощны и “цветочки” Франциска Ассизского, и Анатолий Франс, и Ренан.

“Человека задавило”, и не хочу слушать “Подражание Фомы Кемпийского»» [14, с. 50].

Кажется, что после таких слов невозможно утверждать, что у Розанова было ясное положительное представление о христианстве. Однако мы утверждаем, что оно было и не подвергалось существенной трансформации после того, как сформировалось в самом конце XIX в. Резко и трагически изменялись обстоятельства жизни и истории, именно они вынуждали менять оценки того *реального* христианства, которое было вокруг и которое в той или иной степени не соответствовало представлению об *идеальном*, точнее, *подлинном* христианстве, которое имел Розанов.

В этом аспекте решающее влияние на него оказал Достоевский: не случайно первая большая работа, отмечающая становление цельного философского мировоззрения Розанова, была посвящена Легенде (поэме) о Великом инквизиторе из романа Достоевского «Братья Карамазовы». Главный принцип, на котором построено все зрелое творчество Достоевского, утверждает Розанов, – это признание абсолютного значения человеческой личности. Это абсолютное значение, абсолютный смысл жизни человека не может отразить ни наука, ни философия, это является делом религии, которая доказывает «мистическое происхождение и мистическую природу» человека: «...Он носит отблеск Творца своего, в нем есть Лик Божий, не померкающий, не преклоняющийся, но драгоценный и оберегаемый» [12, с. 36]. Главный смысл Легенды Розанов видит как раз в том, что через «бунт» против своего Творца человек доказывает свою значимость, даже свое равенство с Творцом.

В этой первой большой работе о Достоевском Розанов еще не говорит о различии исторического, ортодоксального христианства и истинного христианства, раскрывающего истину о человеке. Но дальше в его работах не только различие, но радикальная противоположность двух форм христианства становится важнейшей темой. В критике Розановым негативных сторон христианства чаще всего видят только критику, на деле же отрицание догматического учения церкви и всего традиционного христианства нужно Розанову, чтобы обозначить свой положительный религиозный идеал. Основу для противопоставления ложного (исторического) и истинного христианства Розанов снова находит у Достоевского. В работе «Религия как свет и радость» (1899) он говорит о том, что в истории боролись две версии христианства, «светлое» и «темное», символическое выражение их смысла он видит в образах двух православных монахов из романа Достоевского «Братья Карамазовы» – Зосимы и Ферапонта (первый всегда предстает в белой одежде, второй – в черной). Зосима учит радости, в которой должен жить человек, и верит в возможность достичь «рая» на земле, абсолютного совершенства земной жизни; для второго жизнь – это непрерывная борьба с грехом и с происками дьявола, в которой человек надеется только на Бога и не может достичь успеха. В истории победило именно «темное» христианство, воплощенное

в церкви, именно оно сделало непреодолимой противоположность «земного» и «небесного», греховной человеческой жизни и божественного совершенства.

Согласно Розанову, исходным, истинным христианством в истории было именно «светлое»; этой теме посвящена его работа «Об адогматизме христианства» (1903). Розанов утверждает в этой работе, что все учение Иисуса Христа заключается в одной евангельской фразе: «Взгляните на лилии полевые: они не имеют одежд, но истинно говорю вам, что и Соломон не был прекраснее их в убранствах своих; взгляните на птиц небесных, которые не сеют, не жнут, – и Отец Небесный питает их» [11, с. 480]. Суть этого высказывания Христа Розанов видит в соединении небесного и земного, в демонстрации земной жизни, которая стала небесной, полностью благой и поэтому больше не требует от нас усилий для раскрытия ее смысла. Можно предположить, что одним из источников такого представления о сути христианства являлся для Розанова рассказ Достоевского «Сон смешного человека», в котором изображено фантастическое общество людей, пришедших к совершенству; люди этого общества находятся в непосредственном единстве с мирозданием, с природой, и поэтому их жизнь легка и радостна. Вот как о них повествует героиня рассказа: «Дети солнца, дети своего солнца, – о, как они были прекрасны! Никогда я не видывал на нашей земле такой красоты в человеке. <...> Они указывали мне на деревья свои, и я не мог понять той степени любви, с которою они смотрели на них: точно они говорили с себе подобными существами. И знаете, может быть, я не ошибусь, если скажу, что они говорили с ними! Да, они нашли их язык, и убежден, что те понимали их. Так смотрели они и на всю природу – на животных, которые жили с ними мирно, не нападали на них и любили их, – побежденные их же любовью. Они указывали мне на звезды и говорили о них со мною о чем-то, чего я не мог понять, но я убежден, что они как бы чем-то соприкасались с небесными звездами, не мыслию только, а каким-то живым путем» [1, с. 112–113].

Достоевский не был первым в русской культуре, кто связывал суть христианства с идеей «рая на земле», с преображением земного общества и земной жизни к совершенству. Совершенно определенно высказал эту мысль уже П.Я. Чаадаев. В «Философических письмах»,

которые были посвящены роли религии в истории человечества, он писал, что все недостатки нашего существования происходят от нашего желания быть самостоятельными, обладать индивидуальной свободой наперекор действию божественной, духовной силы, стремящейся подчинить нас единству, целому. Если цивилизация сможет изменить господствующие в ней устремления, если люди будут не препятствовать, а помогать божественной силе, они добьются совершенства. «Теперь он <человек> проникнут своей собственной обособляющей идеей, личным началом, разобщающим его от всего окружающего и затуманивающим в его глазах все предметы; но это отнюдь не составляет необходимого условия его собственной природы, а есть только следствие его насильственного отчуждения от природы всеобщей, и если бы он отрешился от своего нынешнего пагубного Я <...>, он начал бы жить жизнью, которую даровал ему сам Господь Бог, в тот день, когда он извлек его из небытия. Вновь обрести эту исконную жизнь и предназначено высшему напряжению наших дарований» [17, с. 361]. Чаадаев сам констатирует сходство этой мысли с известным представлением Платона о существовании идеального, совершенного мира, в который может попасть наша душа, но он настаивает на принципиальном отличии своего убеждения: если Платон утверждал возможность достигнуть совершенства только в ином мире (по отношению к нашему земному миру) и в посмертной жизни, то Чаадаев уверен в том, что оно может возникнуть прямо в земной действительности, это «утраченное и столь прекрасное существование может быть нами вновь обретено, <...> это всецело зависит от нас и не требует выхода из мира, который нас окружает» [17, с. 361]. Важно подчеркнуть, что совершенное состояние общества Чаадаев мыслит именно как то Царствие Небесное, которое в евангелиях обещал Христос: «Это Небо: и другого неба помимо этого нет. Вступить в него нам позволено отныне же, сомнений тут быть не должно. Ведь это не что иное, как полное обновление нашей природы в данных условиях, последняя грань усилий разумного существа, конечное предназначение духа в мире» [17, с. 363]. Эта мысль Чаадаева прямо соответствует мысли Розанова о сущности истинного христианства, которую он видит в том, что «небо и земля коснулись друг друга осязательно, непосредственно» [11, с. 480].

Вернемся к работе Розанова «Об адогматизме христианства». Он резко противопоставляет первоначальное христианство, истинное учение самого Христа, описанное в словах о лилиях полевых и птицах небесных, и его ложную форму, которая возникла в результате «догматизации», превращения его в учение церкви: «...Как Адам, не послушавшись Господа, начал шить себе одежды, так, не послушавшись предостережения Спасителя о лилиях и птицах, христиане начали шить полотнища догматов между IV-м и VII-м веками. На место Галилейских рыбаков выступили так называемые “учители церкви”»: Петр и Андрей сменились Оригеном и Климентами. <...> *Растительное* христианство начало преобращаться в *каменное*; по-видимому, – *более твердое*, но – *не живое*» [11, с. 480]. Точно такое же противопоставление истинного христианства и его ложной догматической и обрядовой формы присутствует в рассуждениях Чаадаева. Главное благовестие Иисуса Христа он видит не в букве Священного писания, а в личности Христа и в образе его жизни. Сам Христос, считает Чаадаев, настаивал на том, что только жизненно, практически подражая ему, мы становимся его учениками, «что после него явятся люди, которые так вникнут в созерцание и изучение его совершенств, которые так будут преисполнены его учением и примером его жизни, что нравственно они составят с ним одно целое; что эти люди, следуя друг за другом из поколения в поколение, будут передавать из рук в руки всю его мысль, все его существо: вот что он хотел сказать и вот именно то, чего не понимают. Думают найти все его наследие в этих страницах <Священного Писания>, которые столько раз искажены были различными толкователями, столько раз сгибались по произволу» [17, с. 438]. «Букву» Писания, как и всю систему церковных догматов, Чаадаев решительно отрицает, считая, что необходимо «говорить с веком языком века, а не устарелым языком догмата, ставшим непонятным» [17, с. 436].

Именно эту тенденцию, ясно заданную Чаадаевым, Розанов развивает в самых известных своих работах, критически направленных против «буквы» евангелий. В тексте Нового Завета он находит радикальное отрицание значения земной жизни и культ смерти, связанный с *противопоставлением* совершенства Царствия Небесного несовершенству земной жизни. «Собственно, – пишет он, – был оставлен

христианам очерк “князя мира сего”, семьи, литературы, искусства. Но *нерв* был выдернут из него – осталась кукла, а не живое существо. Как только вы попытаете оживлять семью, искусство, литературу, как только чему-нибудь отдадитесь “с душой”, – вы фатально начнете выходить из христианства. <...> “Гробом” оно бежит вперед, на гробе зиждется» [9, с. 421–422]. «Сладчайший» Иисус, утверждает Розанов, несет неземную «сладость», сладость смерти, и она не только противоположна всему мирскому, земному, но требует их уничтожения, признания их греховным искушением. «Ни Гоголь, ни вообще литература, как *игра, шалость, улыбка, грация*, как цветок бытия человеческого, вовсе не совместим с *моно-цветком*, “Сладчайшим Иисусом”» [9, с. 420].

Наиболее явное отрицание естественных законов земной жизни Розанов видит в негативном отношении к половой любви и деторождению в догматическом христианстве, для которого идеалом человеческой жизни является жизнь монашеская. В частности, это проявляется в истории непорочного («бессеменного», как пишет Розанов) зачатия Иисуса Христа; «как только в половом месте вы поставили *значащую величину*, все равно *единицу* или *дробь*, поставили *что-нибудь*, – вы отвергли, ниспровергли Евангелие и христианизм. Самая его суть и есть “±0” пола. В этом не “что-нибудь” его, а *все оно*. Церковь до такой степени на этом яростно настаивает, что ее невозможно ничем так оскорбить, как и действительно нельзя бы ничем ее так ниспровергнуть, как утверждением, намеком, предположением, что в И.<исусе> Христе и Божией Матери было что-нибудь *настоящее половое*, а не только “схема”, “очерк”, да и то лишь *словесный*, “*девы-женщины*”, “*учителя-мужчины*”» [9, с. 280].

Наконец в евангелиях Розанов находит основание для всей той жестокости, которую церковь демонстрировала на протяжении своей истории по отношению к еретикам и инакомыслящим. Он обращает внимание на содержащееся в Евангелии о Матфея пророчество Иисуса Христа о гибели Иерусалима, о грядущем наказании его жителей за то, что они не приняли Христа (так называемый «малый апокалипсис»); он не видит разумных оснований для такого наказания целого города, вместе с невинными детьми, особенно в сравнении с весьма мягкой реакцией Иисуса Христа на сомнения его ученика Фомы по поводу его воскресения [9, с. 414–416].

Вспоминая, что Розанов находит в тексте евангелия основания не только для сформулированных негативных характеристик исторического христианства, но и для положительного представления об истинном христианстве, можно заключить, что он рассматривал Новый Завет как противоречивый памятник, в котором свидетельства о подлинном учении Христа сохранились в минимальной степени, будучи заслоненными многочисленными искажениями, возникшими в результате тенденциозной церковной редактуры. Можно заметить, что Чаадаев так же оценивает соответствие текста Нового Завета учению Христа, и это, в принципе, совпадает с представлениями непредвзятых историков и библеистов в наши дни [18, с. 16–20].

Попытаемся теперь выделить основанные положения розановского понимания истинного христианства. Исходным для любой религии является представление о Боге; в текстах Розанова об этом говорится редко, но все-таки иногда прорываются достаточно ясные, хотя и весьма необычные суждения: «Самый “Бог” для меня какая-то сумма узанных, встреченных... милых... людей, удлиненная, бесконечная, но – она... <...> Без “этих людей” сам Бог для меня как-то не нужен, т.е. “тот Бог”, какой-то огромный, огромный, и чужой, и страшный или там “наказывающий”, что ли... Это так огромно и далеко, что я не умею ни любить “этого огромного”, ни не любить. Ничего. Если Он хочет меня за это “наказать” – пусть» [13, с. 360]. В свободной лирической форме здесь можно опознать известную модель понимания Бога и его отношений с миром и человеком, очень характерную для русской философии, – модель всеединства. Уже Чаадаев понимал Бога не как трансцендентное, запредельное существо, с которым мы не можем прийти в непосредственное единство в земной жизни, а как *силу единения*, имманентно присущую земной реальности и ведущую эту реальность к соединению, синтезу. Прежде всего эта сила соединяет людей в божественное целое, потом возникшее божественное человечество действует на окружающий мир и, соединяясь с ним, образует в конце истории «великий апокалиптический синтез» [17, с. 440]. Можно отметить, что сам Чаадаев в таком понимании Бога и христианства находился под влиянием немецкой философии начала XIX в., в его взглядах можно увидеть отражение идей И.Г. Фихте, который прямо отождествляет Бога с совокупным человечеством: «Соглас-

но содержанию истинной религии и в частности – христианства, человечество есть единое, внешнее, мощное, живое и самостоятельное существование Бога, или, – если это выражение не будет неверно истолковано, – единое проявление и истечение Бога, вечный луч, разделяющийся (не в истинной своей действительности, а лишь в земном явлении) на множество индивидуальных лучей» [15, с. 200].

Похожее описание Бога как «синтетического» человечества или даже как «синтеза» всего мирового бытия присутствует и в текстах Достоевского. В рукописном фрагменте 1864 г., он пишет: «Бог есть идея, человечества собирательного, массы, *всех*» [2, с. 191]. Об этом же говорит один из героев романа «Бесы» Шатов: «Бог есть синтетическая личность всего народа, взятого с начала его и до конца» [4, с. 198].

Важнейшей темой христианства, особенно в русской философской традиции, было бессмертие. Розанов довольно много пишет о нем, и очень часто создается впечатление, что он его отрицает. На самом деле он отрицает только церковную концепцию бессмертия как прерывания земной жизни и перенесения человеческой личности в Царствие Небесное, где все будет совсем не так, как в земной жизни. Розанов настаивает на абсолютной *ценности* и *бесконечности* именно земной жизни. Протестуя против мистического и абсолютного восприятия смерти в ортодоксальном христианстве, он требует религиозного, мистического освящения человеческой жизни: «Увитая *мистицизмом* “смерть” и представляется бесконечною, огромною, все закрывающею. Но ведь с таким же правом и *жизнь* может потребовать себе мистического одеяния: и под его покровом она представится еще неизмеримо бесконечнее смерти, бесконечнее смыслом своим, драгоценностью своею, милостью своею, тем, что она мила и почему мила» [13, с. 361]. Но если признать жизнь абсолютной, т.е. вечной, то, наоборот, смерть теряет свою абсолютность, ее нужно интерпретировать только как трансформацию жизни к новой ее форме, а не как ее прерывание. Розанов ясно формулирует эту мысль; связь земной и «потусторонней» реальности он считает наглядно явленной в новорожденном: «...Так называемый “тот свет” не за тридевять земель от нас лежит, но всякое бытие имеет в себе самом потустороннюю сторону, носит ее с собою, вероятно, живет ею и, во всяком случае, из нее рождает живое <...>. Младенец – вот еще самый *читаемый*

луч трансцендентного царства: никак его не сочинишь; из каучука не сделаешь; не вылепишь штемпелем» [13, с. 318].

Истоки этой оригинальной концепции смерти и бессмертия также находятся в русской философии первой трети XIX в. Чаадаев достаточно мало писал на эту тему, но в его записной книжке есть афористичное высказывание, которое дает ясное предвосхищение всей последующей традиции неортодоксального понимания бессмертия: «Христианское бессмертие – это жизнь без смерти, а вовсе не жизнь после смерти» [16, с. 465]. Здесь очевидна полемика с церковным учением, которое полагает, что бессмертие – это жизнь *после* смерти, в Царствии Небесном (смерть абсолютно прерывает земную жизнь). Чаадаев же понимает его как продолжение земной жизни, которая становится вечной и абсолютной, в которой смерть проводит лишь *относительную* границу.

В гораздо более проработанной форме мы находим похожую концепцию бессмертия в произведениях В.Ф. Одоевского (в основном в его художественных сочинениях). В повести «Косморама» главный герой случайно получает способности, которых нет у обычных людей, и он видит окружающую реальность более полно, чем все обычные люди. Он осознает, что мироздание состоит из множества связанных между собой, но очень разных миров, причем наш является одним из «низших», наиболее просто устроенных, а над ним возвышаются более сложные и богатые миры. Смерть в этом случае оказывается просто перемещением личности человека из нашего земного мира в «соседний», так же просто устроенный, или в высший мир [7].

Эти идеи Одоевского, вероятно, повлияли на Достоевского, который дал детальную разработку именно такого понимания бессмертия. Мысль очень близкую по смыслу к приведенному выше «афоризму» Чаадаева высказывает Кириллов в романе «Бесы»; на вопрос Ставрогина, не поверил ли он в будущую вечную жизнь, Кириллов отвечает: «Нет, не в будущую вечную, а в здешнюю вечную» [4, с. 188]. Наиболее подробно соответствующее представление о смерти как относительной границе внутри вечной жизни выражает Свидригайлов в разговоре с Раскольниковым в романе «Преступление и наказание»: «Приведения, это, так сказать, клочки и обрывки других миров, их начало. Здоровому человеку, разумеется, их незачем видеть, пото-

му что здоровый человек есть наиболее земной человек, а стало быть, должен жить одною здешнею жизнью, для полноты и для порядка. Ну а чуть заболел, чуть нарушился нормальный земной порядок в организме, тотчас и начинает сказываться возможность другого мира, и чем больше болен, тем и соприкосновений с другим миром больше, так что когда умрет совсем человек, то прямо и перейдет в другой мир» [5, с. 221]. Еще один вариант такого понимания смерти и бессмертия дает рассказ «Сон смешного человека»; здесь про людей фантастического совершенного общества, в которое чудесным образом попал герой рассказа, сказано так: «У них почти совсем не было болезней, хоть и была смерть; но старики их умирали тихо, как бы засыпая, окруженные прощавшимися с ними людьми, благословляя их, улыбаясь им и сами напутствуемые их светлыми улыбками. Скорби, слез при этом я не видал, а была лишь умножившаяся как бы до восторга любовь, но до восторга спокойного, восполнившегося, созерцательного. Подумать можно было, что они соприкасались еще с умершими своими даже и после их смерти и что земное единение между ними не прерывалось смертию. Они почти не понимали меня, когда я спрашивал их про вечную жизнь, но, видимо, были в ней до того убеждены безотчетно, что это не составляло для них вопроса» [1, с. 114].

Обратим внимание на очень важные слова Достоевского про совершенных людей: «Подумать можно было, что они соприкасались еще с умершими своими даже и после их смерти и что земное единение между ними не прерывалось смертию». Это означает, что наш страх смерти и боязнь потусторонней реальности есть главные признаки нашего несовершенства; и наоборот, чем ближе человек к идеалу человеческого совершенства, чем более полно и радостно он живет в земной жизни, тем более ему свойственно мистическое ощущение близости «потусторонней» реальности и тем понятнее возможность продолжения своей земной жизни после смерти. Нам кажется, эта идея была чрезвычайно близка Розанову. Вот как он пишет о соотношении здешней и потусторонней жизни: «Мне кажется, наше дело на земле просто: делай хорошо свое дело. И больше ничего! Никаких страхов, опасения “за будущее”. <...> Итак, *работа* здесь – вот и все! И никакого беспокойства, ни страха за “там”. Если здесь хорошо (исправно), то и “там” хорошо; а если “там” –

ничего, то это тоже ничего. Пожили. Любили. Трудились» [13, с. 361]. В связи с этим и понятие воскресения как перехода к иной, вечной жизни приобретает смысл предельно полного переживания мгновений земной жизни, как бы выход в вечность непосредственно из земного существования: «*Воскреснуть* – это как бы в *секунде* бытия хлебнуть столько жизни, почерпнуть такую глубь бытия, засверкать таким сверканием душевности, оживления, напряжения всех его способностей, что годы и века тягучей жизни “так себе” не могут пойти с этим в сравнение» [13, с. 383].

Достоевский в образе Кириллова показывает человека, обладающего как раз таким мироощущением: он способен испытывать мгновения «вечной гармонии», и жизнь для него предстает как бесконечно радостная, несмотря на ее трудности: «Есть секунды, их всего зараз приходит пять или шесть, и вы вдруг чувствуете присутствие вечной гармонии, совершенно достигнутой. Это не земное; я не про то, что оно небесное, а про то, что человек в земном виде не может перенести. Надо перемениться физически или умереть. Это чувство ясное и неоспоримое. Как будто вдруг ощущаете всю природу и вдруг говорите: да, это правда» [4, с. 450]. Именно потому, что Кириллов испытывает эти мгновения полноты жизни, он не боится смерти и знает, что после нее он обретет еще более совершенное существование.

Розанов, вслед за Достоевским, безусловно верил в существование таких *высших личностей*, не только более полно переживающих жизнь, но и обладающих мистическим знанием об окружающем мире и сверхъестественным влиянием на него. В одной из своих работ в качестве такой личности он рассматривает Жанну д'Арк. Розанов осуществляет своеобразную систематизацию мистических способностей Жанны:

«1) Жанна предвидела будущее неотвратимое, и притом – с чем она справиться не могла, чего боялась, о чем плакала.

2) Жанна видела и знала абсолютно от нее и ото всех скрытое, но существующее в данную минуту.

Таким образом, у нее было вещее проникновение как в будущее, так и через расстояние. <...> Час ее расплывался в недели и месяцы, и место ее стояния раздвигалось в города и страны: так что сейчас она видела то, что будет через три недели или три дня, а с данного пункта

видела то, что за стеной города. Она не была ограничена, как каждое наше “я”.

3) Жанна иногда творила завтрашний факт, созидала. Это не предвидение, это могущество. <...>

4) Жанна, сверхъестественная сама по себе, находилась в общении с еще более сверхъестественным миром (“голоса”), волю которого она выполнила и который дал ей собственно могущество на общий ее подвиг, общую ее миссию» [13, с. 158].

В Жанне, в ее жизни Розанов видит точное выражение идеала *святости, святой жизни*, соответствующего его пониманию истинного христианства. Эта святость достигается не через поклонение трансцендентному Богу или связь с ним, а через раскрытие в себе самом божественного начала и превращении человеческой личности в божественное и могущественное существо, не ограниченное в пространстве и времени, связанное с другими людьми и с миром и способное влиять на них.

Розанов многократно повторяет свой главный тезис о том, что суть подлинной религиозности связана не с отношением к «внешнему», «чуждому» Богу, а с полнотой реализации собственного бытия и собственной сущности, что может сделать любого человека, в перспективе мистического раскрытия всех возможностей, заложенных в его сущности, – святым, определяющим будущее человечества, как это делала Жанна д’Арк. В одной из своих статей Розанов сопоставляет традиционное церковное и свое собственное понимание религиозности через их отнесение к самым простым форм жизни, в частности – к мореплаванию: «Обыкновенно с христианством, например, мореплавание “мирилось” через то, что сзади моряку как бы привешивался мешок с добрыми христианскими делами: “моряк этот был милостив к матросам, обходителен с товарищами, а посему он был христианин”. Мешок этот за спиной слабо привязан и более затушевывает вопрос, чем его разрешает. Ибо ведь вопрос-то состоит в том, что же есть собственного и специального в моряке, а также в художнике, в поэте, в ученом и мыслителе, что связывалось бы... с религией?! Да *самое бытие* их, сочное и полное, без отрицания мотивов, страстей, капризов или гения, входит всей полнотою полнот в волю Отца небесного, о Котором и Сын сказал, что “без нея волоса не падает с головы человека”» [11, с. 252–253].

Итоговое определение религии и истинного христианства в работах Розанова снова подчеркивает первостепенное значение человека, а не Бога: «Главное в христианстве – не Евангелие. Главное – *сам человек* и тот *сок*, который он дал из себя, реагируя на Евангелие. Христианство в страшной тяжеловесности своей, необозримом объеме, невыразимой красоте и есть застывший и ставший вечным, наконец, ставший осязаемым и видимым этот сок души человеческой, – подобно как камень и янтарь, вытекающий из ствола дерева. <...> Христианство выжал из себя человек... ну, соглашаюсь, в ответ на “бесконечное и неведомое”, что окружает его, что над ним, что выше его. Словом, молитва, конечно, – *к Богу*. Но молитва – из человека. В эмпирической действительности все-таки молящийся человек есть главное, есть постоянное зрелище религии, есть факт религии... А прочее – именно “неведомое и высшее”, что, конечно, есть, но мы его не можем ни ухватить, ни созерцать, ни рассуждать о нем» [13, с. 391].

Таким образом, истинное христианство Розанова может быть описано достаточно связно и последовательно, причем оно во многих своих чертах совпадает с тем, как аналогичным образом интерпретировали суть христианского мировоззрения такие великие русские мыслители, как Чаадаев и Достоевский. Можно было бы показать, что достаточно много точек пересечения религиозные представления Розанова имеют и с учением Л.Н. Толстого. Здесь возникает естественный вопрос: является ли тот образ христианства, который предстает на страницах произведений Розанова, его собственным «изобретением» или эта форма христианства существовала в истории? В эпоху Розанова еще не стала известной теория, которая возникла в самом начале XX в. и получила веское подтверждение после обнаружения в 1945 г. в египетском селении Наг-Хаммади целой библиотеки гностических апокрифов, утверждающая, что истинным христианством является та его версия, которую церковь на протяжении всей истории преследовала под именем гностической ереси. В наши дни эта теория кажется гораздо более правильной, чем традиционные взгляды на происхождение христианства. История русских поисков истинного христианства хорошо согласуется с этой теорией: та версия христианства, которую разрабатывал в своем зрелом творчестве Достоевский, безусловно, является разновидностью гностической традиции [8]; к

ней же близки взгляды Толстого, который прямо утверждал, что не выдумывает нового религиозного учения, а просто восстанавливает исходную версию учения, созданного Иисусом Христом.

Сходство представлений об истинном христианстве Розанова с представлениями Достоевского заставляет и его взгляды считать близкими к той же традиции гностического христианства. Любопытно, что в своем описании истинного христианства Розанов не говорит специально о проблеме пола и брака, правильное религиозное отношение к этой проблеме он неизменно иллюстрирует на примере иудаизма. Если бы он знал то, что мы знаем сейчас о содержании гностического христианства, он бы в этом вопросе, вероятно, мог обойтись без обращения к иудаизму. В гностической традиции женское начало имеет более высокий статус, чем мужское, это следует уже из базового гностического мифа: первая эманация Бога-Отца, Мысль Бога, Проноя-Барбело, является женским началом (оно соответствует Святому Духу церковного учения), из него происходят все остальные божественные сущности, вплоть до Софии-Премудрости, которая создает злого и несовершенного творца нашего мира, Демург-Ялдабаофа.

Миф о создании Адама и Евы, изложенный в Апокрифе Иоанна, также показывает превосходство женщины: в процессе творения Ева получила *бытийную полноту* божественной сущности от Бога-Отца, хотя она и не знает об этом, Адам же обладает божественной сущностью только в форме *знания*, и ему нужно восполнить ее до бытийной полноты через соединение с Евой. В результате, согласно апокрифическому Евангелию от Филиппа, брак между мужчиной и женщиной является важнейшим таинством, без которого невозможно осуществить главную цель человеческой жизни – раскрыть в себе божественное начало. Хотя в апокрифических текстах истинный брак-таинство приобретает мистические черты и противопоставляется обычному земному браку, он сохраняет свою эротическую характеристику и ведет к деторождению: Адам и Ева в своем мистическом браке рожают сына Сифа (помимо этого Ева рождает от насилия Демурга проклятых детей Авеля и Каина). Все эти представления являются принципиально важными для подлинного учения Христа, но это означает, что и он сам обладал мистической супругой, – ею была Ма-

рия Магдалина. Об этом свидетельствует одно из высказываний в Евангелии от Филиппа (к сожалению, текст в этом месте сильно испорчен и восстановлен издателями древнего памятника предположительно): «София, которая называется бесплодной, мать ангелов. И спутница [Сына – это Мария] Магдалина. [Господь любил Марию] более [всех] учеников, и он [часто] лобзал ее [уста]. Остальные [ученики, видя] его [любящим] Марию, сказали ему: Почему ты любишь ее более всех нас? Спаситель ответил им, он сказал им: Почему не люблю я вас, как ее?» [6, с. 281–282].

Веское подтверждение правильности такого понимания истинного христианства вновь дает русская культура. В творчестве Достоевского мы имеем наиболее последовательную и художественно выразительную попытку восстановить истинное (гностическое) христианство во всех его слагаемых, в том числе и в его отношении к браку [8]. В романе «Идиот» в любви князя Мышкина и Настасьи Филипповны мы находим отношения, очень похожие на образ мистического супружества в Евангелии от Филиппа. Отметим, что в рукописных набросках к роману князь Мышкин назван «Князь Христос» [3, с. 246, 249, 253], а Настасья Филипповна сопоставляется с Марией Магдалиной [3, с. 217]. Еще один вариант изображения совершенного брака дает рассказ Достоевского «Сон смешного человека», герой рассказа так передает эту сторону бытия людей фантастического общества: «У них была любовь и рождались дети, но никогда я не замечал в них порывов того жестокого сладострастия, которое постигает почти всех на нашей земле, всех и всякого, и служит единственным источником почти всех грехов нашего человечества. Они радовались являвшимся у них детям как новым участникам в их блаженстве. Между ними не было ссор и не было ревности, и они не понимали даже, что это значит» [1, с. 113–114]. Впрочем, Достоевский дает собственное оригинальное преломление представлению о мистическом, совершенном браке, характерному для гностического христианства.

Мы не сомневаемся, что если бы Розанов знал те гностические апокрифы, которые стали известны во второй половине XX в. и позволили ясно представить, каким на самом деле было учение Иисуса Христа, он признал бы их ответственность своим представлениям об истинном христианстве и полностью разделил бы их отношение к полу и браку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1877 г. // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 25. Л.: Наука, 1983. С. 5–223.
2. Достоевский Ф.М. Записи публицистического и литературно-критического характера из записных книжек и тетрадей 1860–1865 гг. // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 20. Л.: Наука, 1980. С. 152–204.
3. Достоевский Ф.М. Идиот. Подготовительные материалы // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 9. Л.: Наука, 1974. С. 140–288.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 10. Бесы. Л.: Наука, 1974.
5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 6. Преступление и наказание. Л.: Наука, 1973.
6. Евангелие от Филиппа // Апокрифы древних христиан. Исследование, тексты, комментарии. М.: Мысль, 1989. С. 274–295.
7. Евлампиев И.И. Идея «сверхчеловечества» в творчестве В. Одоевского // Вестник СПбГУ. Серия: Философия и конфликтология. 2014. Вып. 4. С. 30–40.
8. Евлампиев И.И. Образ Иисуса Христа в философском мировоззрении Ф.М. Достоевского. СПб.: РХГА, 2021.
9. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 3. В темных религиозных лучах. М.: Республика, 1994.
10. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 4. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995.
11. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 5. Около церковных стен. М.: Республика, 1995.
12. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 7. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1996.
13. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 10. Во дворе язычников. М.: Республика, 1999.
14. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 12. Апокалипсис нашего времени. М.: Республика, 2000.
15. Фихте И.Г. Основные черты современной эпохи // Фихте И.Г. Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение. Минск: Харвест, 2000. С. 3–272.

16. Чаадаев П.Я. Отрывки и разные мысли // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2-х т. Т. 1. М.: Наука, 1991. С. 441–511.

17. Чаадаев П.Я. Философические письма // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2-х т. Т. 1. М.: Наука, 1991. С. 320–440.

18. Эрман Б. Великий обман: научный взгляд на авторство священных текстов. М.: ЭКСМО, 2013.

REFERENCES

1. Dostoevsky, F.M., 1983. Dnevnik pisatelya za 1877 god [Writer's diary of 1877]. In: Dostoevsky, F.M., 1983. Polnoe sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 25. Leningrad: Nauka, pp. 5–223. (in Russ.)
2. Dostoevsky, F.M., 1980. Zapisi publi-tistsicheskogo i literaturno-kriticheskogo kharak-tera iz zapisnykh knizhek i tetra-dei 1860–1865 gg. [Journalistic essays and literary criticism from notebooks of 1860–1865]. In: Dostoevsky, F.M., 1980. Polnoe sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 20. Leningrad: Nauka, pp. 152–204. (in Russ.)
3. Dostoevsky, F.M., 1974. Idiot. Podgotovitel'nye materialy [Idiot: preparatory materials for the novel]. In: Dostoevsky, F.M., 1974. Polnoe sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 9. Leningrad: Nauka, pp. 140–288. (in Russ.)
4. Dostoevsky, F.M., 1974. Polnoe sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 10. Besy [The complete collected works: in 30 volumes. Vol. 10. Demons]. Leningrad: Nauka. (in Russ.)
5. Dostoevsky, F.M., 1973. Polnoe sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 6. Prestuplenie i nakazanie [The complete collected works: in 30 volumes. Vol. 6. Crime and punishment]. Leningrad: Nauka. (in Russ.)
6. Evangelie ot Filippa [Gospel of Philip]. In: Apokrify drevnikh khristian. Issledovanie, teksty, komentarii. Moskva: Mysl', 1989, pp. 274–295. (in Russ.)
7. Evlampiev, I.I., 2014. Ideya «sverkhche-lovechestva» v tvorchestve V. Odоеvskogo [The idea of «superhumanity» in the works of V. Odоеvsky], Vestnik SPbGU. Seriya: Filosofiya i konfliktologiya, no. 4, pp. 30–40. (in Russ.)
8. Evlampiev, I.I., 2021. Obraz Iisusa Khrista v filosofskom mirovozzrenii F.M. Dostoevskogo [The image of Jesus Christ in the philosophical worldview of F.M. Dostoevsky]. Sankt-Peterburg: RKhGA. (in Russ.)

9. Rozanov, V.V., 1994. *Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 3. V temnykh religioznykh luchakh* [Collected works: in 30 volumes. Vol. 3. In dark religious rays]. Moskva: Respublika. (in Russ.)
10. Rozanov, V.V., 1995. *Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 4. O pisatel'stve i pisatelyakh* [Collected works: in 30 volumes. Vol. 4. On writing and writers]. Moskva: Respublika. (in Russ.)
11. Rozanov, V.V., 1995. *Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 5. Okolo tserkovnykh sten* [Collected works: in 30 volumes. Vol. 5. Near church walls]. Moskva: Respublika. (in Russ.)
12. Rozanov, V. V., 1996. *Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 7. Legenda o Velikom inkvizitore F.M. Dostoevskogo. Literaturnye ocherki. O pisatel'stve i pisatelyakh* [Collected works: in 30 volumes. Vol. 7. Legend of the Grand Inquisitor by F.M. Dostoevsky. Literary essays. On writing and writers]. Moskva: Respublika. (in Russ.)
13. Rozanov, V.V., 1999. *Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 10. Vo dvore yazychnikov* [Collected works: in 30 volumes. Vol. 10. In the court of the pagans]. Moskva: Respublika. (in Russ.)
14. Rozanov, V.V., 2000. *Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 12. Apokalipsis nashego vremeni* [Collected works: in 30 volumes. Vol. 12. Apocalypse of our time]. Moskva: Respublika. (in Russ.)
15. Fichte, I.G., 2000. *Osnovnye cherty sovremennoi epokhi* [The characteristics of the present age]. In: Fichte, I.G., 2000. *Fakty soznaniya. Naznachenie cheloveka. Naukouchenie*. Minsk: Kharvest, pp. 3–272. (in Russ.)
16. Chaadaev, P.Ya., 1991. *Otryvki i raznye mysli* [Fragments and various thoughts]. In: Chaadaev, P.Ya., 1991. *Polnoe sobranie sochinenii i izbrannye pis'ma: v 2-kh t. T. 1*. Moskva: Nauka, pp. 441–511. (in Russ.)
17. Chaadaev, P.Ya., 1991. *Filosoficheskie pis'ma* [Philosophical letters]. In: Chaadaev, P.Ya., 1991. *Polnoe sobranie sochinenii i izbrannye pis'ma: v 2-kh t. T. 1*. Moskva: Nauka, pp. 320–440. (in Russ.)
18. Ehrman, B., 2013. *Velikii obman: nauchnyi vzglyad na avtorstvo svyashchennykh tekstov* [Forged: writing in the name of God – why the Bible's authors are not who we think they are]. Moskva: EKSMO. (in Russ.)

С.М. Климова*

Л.Н. ТОЛСТОЙ И В.В. РОЗАНОВ: ДВЕ ИСПОВЕДИ**

Статья посвящена сопоставлению текстов двух исповедей – «Исповеди» Л.Н. Толстого и «Уединенного» В.В. Розанова – в аспекте их жанровых и содержательных характеристик. В процессе исследования был учтен момент смены литературных стилей, связанный с переходом от реализма Толстого к модернизму, отраженному в жанре «опавших листьев» Розанова. Исповедальность Толстого, созданная на основе классических традиций Августина и Руссо, становится толчком к созданию новых исповедальных форм, например, иронической философии Розанова. При этом оба автора используют прием остранения: Толстой как художественный, а Розанов – как стилистический, необходимый для проявления его иронической философии.

Ключевые слова: исповедь, психология личности, остранение, ирония, Л.Н. Толстой, В.В. Розанов

Leo Tolstoy and Vasily Rozanov: two confessions. SVETLANA M. KLIMOVA (HSE University, Moscow)

The article compares two literary texts of confessions – by Leo Tolstoy and Vasily Rozanov. The author takes into account the change of literary styles, associated with the transition from Tolstoy's realism to the modernism reflected in Rozanov's «fallen leaves». Tolstoy's confessionalism, created in line with the tradition of Augustine and Rousseau, becomes the catalyst for the new forms of confession reflected in the ironic philosophy of Rozanov. The text by Tolstoy is a confession of the autonomous self, who strives to overcome his carnal beginning on the way to the spiritualization of the personality. The latter is achieved by estrangement from his social circle, his profession as a writer, his family, that is, from himself for the sake of spiritual salvation. This way is about returning to Christ as a bastion of love and non-resistance to evil, as well as establishing a loving spiritual connection with the world of others. Rozanov's confession is different: it is possible only in the form of an initial unity of the Self with Others: with the world of his family, his wife, friends, readers, and even with the world of things around him. What Tolstoy separates in man and the world – the carnal and the spiritual – Rozanov sees as initially united in any phenomenon. The comparison of two confessions allows us to demonstrate a number of fundamental shifts in philosophy and literature in the early XXth century.

Keywords: confession, personality psychology, defamiliarization, irony, Leo Tolstoy, Vasily Rozanov

* КЛИМОВА Светлана Мушаиловна, доктор философских наук, профессор Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: sklimova@hse.ru

© Климова С.М., 2021

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект №19-18-00100.

Л.Н. Толстой и В.В. Розанов многие годы находились в общем жизненном и социокультурном пространстве, хотя были людьми разных поколений и по возрасту, и по убеждениям. Они были скорее антиподами, чем единомышленниками. Поэтому правомерно утверждать, что «Исповедь» (1879–1882) Толстого и «Уединенное» (1912) Розанова – две исповеди-откровения – хотя и написаны в общем-то современниками, людьми, лично знавшими друг друга, но как будто бы в совершенно разные эпохи – настолько за 30 лет, которые пролегли между двумя произведениями, изменились и эпоха, и литература, и отношение к исповедальной искренности, выраженное в художественных и философских текстах. Между тем, Б.М. Эйхенбаум, определяя «Исповедь» Толстого как руссоистскую по стилю, но не по содержанию, точно заметил, что Толстой был не только завершителем эпохи Просвещения, но и зачинателем новой. Недаром его имя стало путеводной звездой для русских формалистов начала XX в. Идеи формализма нашли отражение в интерпретации учения Толстого у В.Б. Шкловского (остранение) и Б.М. Эйхенбаума (теория литературного быта). М. Деннер показал, как «мастер реалистического романа» Толстой был «захвачен авангардизмом», к которому ученый свел как толстовский поиск «наивной формы» искусства для народа, так и его требование эстетического опрощения. Уточним, что хотя Толстой и был «зачинателем» эпохи модернизма, это не равносильно тому, что он был его сторонником или «приверженцем авангардного искусства» [8, с. 370–388].

В промежутке между появлением двух указанных исповедей произошла кардинальная смена литературных форм, нарушившая логику «школьной» преемственности развития от одного эстетического направления к другому. Теперь оно шло «не от отца к сыну, но от дяди к племяннику» [7, с. 322]. В этом нарушении разговора об интимной прозе как движения от Руссо к Толстому и от Толстого к Розанову и рождается новый тип литературы – «опавшие листья», исповедальный текст Розанова, связанный и не связанный как с традициями толстовской «Исповеди», так и с поиском новых форм описания внутренних переживаний автора/героев.

Сознательно или бессознательно, но Розанов, как и практически вся русская интеллигенция в конце XIX – начале XX вв., находился под

влиянием учения и эстетики Толстого. Прямым доказательством можно считать его многочисленные статьи о писателе [3] и непрерывную полемику с ним, главным образом на страницах тогдашней российской периодики. Известно и о его посещении Ясной Поляны в марте 1907 г., об их взаимном неприятии и недопонимании друг друга – как после этой поездки, так и в ходе заочного обмена мнениями об идеях и убеждениях друг друга.

Так или иначе, Толстой был важен для Розанова и как писатель, и как религиозный мыслитель, и как «совесть нации». Он был тем берегом, отталкиваясь от которого Розанов оттачивал свой уникальный взгляд на философию пола, семьи и религии и создавал новую литературу.

Сопоставляя две исповеди, мы должны указать на их жанровую общность. В жанровом смысле оба автора нарушили канон использования слова «исповедь», отсылающий к религиозному контенту и традициям ее рассмотрения как важнейшего таинства, имеющего место в литургической практике. Литературная исповедь обоих очень условно может быть названа религиозным «таинством», ведь она полностью открыта, десакрализована для любого желающего к ней прикоснуться. Литературная исповедь начиная с XVII–XVIII вв. воспринимается как автономный (художественный, публицистический и даже религиозный) текст, направленный на выражение интимного мира переживаний его героев, а не на покаяние, прощение или причащение по церковному типу.

В обоих случаях перед нами литературные исповеди, насыщенные элементами автобиографизма. Для обоих биография – это лишь повод к самообнажению. Ни «Исповедь» Толстого, ни «Уединенное» Розанова нельзя считать биографическим текстом в традиционном смысле слова «биография». Несмотря на то, что оба текста наполнены фактами из жизни их авторов, понимать их биографичность следует лишь условно, как прием для описания психологии саморазоблачения и покаяния. Биография здесь уже обработана критической мыслью автора, литературна по сути, и каждый биографический факт неразрывно связан с покаянной логикой исповедующегося автора. Не понимая этого, читатель и впрямь может подумать, что Толстой «убивал людей», как разбойник, а не как воин, «учил, сам не зная чему» в своих великих произведениях; или читатель вдруг наивно

начинает передавать приветы милой жене Розанова, не понимая условности образа «друга» в его тексте и разницы между ней и той Варварой Дмитриевной Бутягиной, которая была женой писателя [2, с. 53–65].

В исповедальных текстах Толстого и Розанова есть обязательные для данного жанра элементы интимности, откровения, покаяния; многие из них связаны с генеральной идеей – направлены на саморазоблачение исповедующихся авторов. Исповедующийся автор – некий психологический тип личности, находящийся в пограничном состоянии экзистенциального кризиса («остановки жизни», по словам Толстого), разлада между собой и миром до такой степени отторжения, что единственным способом его преодоления становится настоятельная потребность *выговориться* – то есть озвучивание своего внутреннего мира миру внешнему. Такое состояние Розанов назвал «святой проституцией», когда «самое интимное – отдаю всем», добавив иронически, что за такое сравнение можно и убить, а можно и «бесконечно задуматься» [4, с. 44], то есть сделать основой новой философской рефлексии.

Разница же исповедей в том, что Толстой разоблачается всерьез, он открывает миру не только себя в «преступных состояниях» войны, тщеславия или учительства. Одновременно он открывает миру и преступность войны как таковой, уже безотносительно к самому себе, и пустоту позиции любого современного ему писателя, и иллюзорность многих ценностей, которыми так дорожит человек и которые основаны на эксплуатации и присвоении плодов чужого труда. Розанов же ироничен в своих разоблачениях от начала до конца. В его творчестве четко различаются Розанов-автор и Розанов-герой. Впервые в русской философии появился герой-обыватель и герой-философ обывательской жизни. Розанов-философ добровольно создает миф о Розанове-герое, вводя читателя в искушение непонимания этого различия и одновременно принципиально меняя направление исповедальной литературы в XX в.

Оба автора делятся своими откровениями не только с читателем, но и со всем миром. «Исповедальный текст всегда замкнут и разомкнут одновременно, что позволяет воспринимать его и как становящееся внутри себя единство, и как универсальное обращение к человечеству, послание последующим поколениям» [5, с. 116]. Однако, если универсализм Толстого ясно отра-

жен в его обращении к своим современникам, и в этом смысле он, подобно Ж.-Ж. Руссо, пишет для современников, то Розанов сразу же уточняет безадресную и вневременную логику своего текста, указывая на то, что читатель как адресат его давно не волнует («К черту» читателя). Его текст обращен к вневременному миру идеальных собеседников, написан для всех времен и народов и ни для кого конкретно. Главный герой и «другой» этого текста – сам В.В. Розанов во всей красе откровений, порой «интимных до оскорблений» (Шкловский), полностью самообнажающих душу исповедующегося. «Слова у него не символы мысли, а плоть и кровь» [1, с. 349]. В этом аспекте важно подчеркнуть, что ницшеанская тенденция писать «для всех и ни для кого» – квинтэссенция исповедального текста Розанова, «биологического и полнокровного» (Н. Бердяев) по сути.

Сравнивая исповедальные тексты Толстого и Розанова, следует сказать и об их принципиальных отличиях. Исповедь Толстого развивает прежде всего религиозные традиции Августина и просветительские взгляды Руссо. Важнейшим здесь является экзистенциальный кризис, отраженный в неверии в себя, свою прежнюю жизнь, материальное благополучие, семью и т.д., то есть – потеря смысла жизни, а по сути – потеря веры в Бога как в основание жизни. Одновременно это и поиск способов и путей его обретения, то есть возвращение к смыслу жизни. В «Исповеди» Толстой сделал самого себя почти типичным примером возможного перерождения человека, преодолевшего свое животное Я на пути к Я духовному или всечеловеческому. Толстой показал свой путь *остранения* от самого себя социально-политического (активного члена общества: офицера, писателя, семьянина) к себе «простаку», религиозному человеку «народного типа мировоззрения», услышавшему голос Бога в себе и поверившему в Его Слова, прямо, буквально воспринимая смысл им сказанного. «Христос ничего не преувеличивает и не требует никаких страданий для страданий, а только очень определенно и ясно говорит то, что говорит... и мне стало удивительно, как мог я так навыворот понимать ясные, определенные слова» [6, с. 311].

Остранение как художественный прием срастается здесь у Толстого с исповедальной формой письма – искренностью выражения чувств и мыслей, не позволявшей его уму и сердцу лгать перед лицом очевидного противо-

речия: между тем, что он видел, и тем, что он чувствовал и понимал (или не понимал) в происходящем. Исповедь – это и есть остранение от себя внешнего (животного), живущего по законам общепринятого. Она помогла Толстому услышать в себе иного – духовного человека, который есть подлинное Я, находящееся внутри каждого из нас.

Главная задача его исповеди – привести любого человека к духовному перерождению, понятному многими его современниками как вульгарный призыв к опрощению. Способность перевести регистр интересов *с себя* (своего эгоистического и животного Я) и своей дворянской культуры как лучшей (на самом деле – ширмы для поддержания своего животного Я) *на другого* есть первый шаг на пути выхода в иное измерение общей жизни. Но чтобы выйти из автоматизма своей культурной бессознательной жизни, наполненной любовью к себе, нужна рефлексия и душевная эмпатия, то есть нужно еще более мощное основание для обнаружения в себе другого. Этим универсальным Другим для Толстого стала его религиозная вера и практика жизни по Христу. Вера и практика религиозной жизни требуют усиленной работы сознания – силы жизни и разумного понимания ее законов.

В этом пункте Толстой и Розанов – принципиальные антиподы. Толстой пытается преодолеть свой субъективизм в идее универсального духовного Я. Розанов, напротив, действительно выступает с апологией плотского, вещного, материального, семейного человека. В отличие от Толстого он не разделяет, а соединяет плотское и духовное, феноменальное и ноуменальное в человеке, защищая те «две капли меда», от которых так истово отрекался Толстой. Для него Бог-Друг-Другие – это единый неразрывный семейный мир, куда попадает и мир вещей. Благодаря этому приему «рюшечки и слоники» семейного обывательского дома не опошлись, как у А.П. Чехова, не высмеивались, как у М.М. Зощенко, а обретали подлинное духовное наполнение, очеловечивались, войдя в космос жизни – в круг его религии семьи. Внутри мира вещей происходит борьба памяти со смертью за человека¹, к ним прикасавшегося или их но-

сившего; борьба семьи против мертвого слова интеллигенции, церкви или псевдокультуры о правах матери, ребенка, Бога.

С этой точки зрения Толстой и Розанов представляют два разных типа оппозиции и связи Я и Бога. Толстой – один на один с проблемой животного страха смерти, психологией восприятия своей жизни как греха, этикой потерь и экзистенцией обретения подлинного смысла жизни. Он переживает глубочайший экзистенциальный кризис разрыва своей связи с миром. Метафорой его бессосновности в этот период стал описанный в «Исповеди» сон: «Вот этот сон: Вижу я, что лежу на постели. ... Я спрашиваю себя: где я и на чем я лежу? И начинаю оглядываться и прежде всего гляжу вниз, туда, куда свисло мое тело, и куда, я чувствую, что должен упасть сейчас. Я гляжу вниз и не верю своим глазам. Не то что я на высоте, подобной высоте высочайшей башни или горы, а я на такой высоте, какую я не мог никогда вообразить себе» [6, с. 57–58]. Из этого висения Толстой может выйти только сам, один, с помощью такого же единичного Бога, который – Все для него – его Другое.

Розанова одного как будто бы и нет вовсе в его исповедальной прозе, несмотря на слова о страшном вечном одиночестве и утробности духовного существования. Его одиночество, как и кризис, не совсем экзистенциальные. Он боится не себя потерять в мире, а потерять мир вне себя. Поэтому страх смерти для него – это страх не за себя, а за другого – за свою жену, за ее возможный преждевременный уход. Боязнь потери Бога – это боязнь потери семьи с ее миром людей и вещей, с ее возможной потерей памяти, личных писем, «листьев воспоминаний» о голосе, жесте, интонаций – важных составляющих любви, которые бесследно исчезают в цивилизационных жерновах монстра Гуттенберга, появлении пластинок для записей и других убивающих мелочах цивилизации. Без этого круга шуршащей интимности нет вселенского мира: нет Бога, нет истории, нет мира людей. Называя Варвару Дмитриевну своим другом, он тотчас намекает на другого Друга – на Бога и показывает равнозначность единичной и всеобщей жизни и смерти, друга и Другого. В этой равнозначности заключена и вера в Воскресение, и тождество Бога и Человека – единство плотского и духовного, земного и небесного. Жить, умирать и воскресать ни без друга, ни без Бога, ни без шума вентилятора он не может и не хо-

¹ Мир вещей, вбирающих в себя память о человеческом в зачеловечном мире Колымы и одновременно о бесчеловечном мире советской официальной жизни, поразительным образом передан в трагической прозе В.Т. Шаламова.

чет. Для него, как и для Толстого, Бог – это основание и столп, но не его самого, а всего космоса семьи, совпадающего с религией жизни.

В логике изложения Розанова также используется прием остранения, но как иронический, как способ самообнажения, резко контрастирующий с толстовским. Толстой откровенен всерьез, например, разоблачая себя как воина, писателя или как семьянина, а Розанов, обнажаясь, раскрывая свои «пошлые интимности», словно ерничит над миром в своей всеразрушающей самоиронии, насмешке. Тем самым происходит подмена самокритики на самовосхищение и самоодобрение, открываемое в его самых одиозных пассажах. Ирония исповедальных текстов Розанова обрушает и всю серьезность классики, в том числе – толстовской исповеди. На исповедальный трагизм самообнажения русского гения Розанов накладывает иронически-обывательский скепсис трудящегося, философа, думающего о насущном хлебе, а не о высоких идеях. Таким образом Розанов выражает и недоверие к уже завершившей свой классический круг литературной исповеди: его жанр – это оппозиция всей исповедальной литературе в принципе. Разрушить оказалось легко, вместо слез выставив саркастическую улыбку, боль разбавляя «цинизмом», который, по словам Розанова, и есть новая форма выражения страдания [4, с. 83]: без фальши культурных ширм и серьезно-умного отношения к обсуждаемому. Толстой мечтал о литературе вне фальши иллюзорных ценностей, Розанов показал изнаночную сторону этой мечты.

Вспомним Розанова: «Толстой прожил собственнo глубоко пошлую жизнь» [4, с. 161]. Эта фраза стала квинтэссенцией вульгарного принципа поведения толпы, на котором было построено всеобщее шельмование великого человека всей сворой дельцов и обывателей – «Добчинских» от философии, прессы, литературы, религии. Почти не заметна циническая боль автора, заключенная в этой фразе. На самом деле эта фраза – не убеждение автора, а собирательное мнение толпы, схваченное им в ней. Розанов лишь маркирует общую для модерна тенденцию иронического разрушения образа Толстого, превращения мира его искренних страданий и саморазоблачения в бульварный способ посмеяться над великим человеком, заработать себе славу на его имени, «хайпануть», как сказали бы сегодня. Это Добчинские, которые кричат на всех углах о слабостях и пороках других,

зарабатывая очки даже на чужих смертях, но лишь для того, чтобы о них узнали, как великолепно заметил писатель [4, с. 107]. Розанов указывает нам, что эпоха принципиально изменилась. Толки сменились толковищем; на смену критике пришли пиар-технологии начала XX в.: анекдоты, вульгарные заметки в прессе, бесконечное тиражирование фотографий Толстого, выставленных в окнах модных магазинов для «рекламы» одежды, например; скандальное поведение папарацци около Ясной Поляны и любых публичных мест, где бывали Толстые, и тому подобные штучки стали тем миром, который в модернизме и постмодерне оказывается тождественен трем словам: «Лев Николаевич Толстой».

В иронической философии Розанова была изменена сама природа исповедального слова в литературе, изменен статус русского писателя. Напомним, что эта тема задевала и Толстого, и Розанова с одинаковой силой; оба жаждали критического преображения русского писателя. Однако Толстой отрекается от своего писательства и встает на точку зрения народа, пытаясь подражать ему не только в практике жизни, но и в жанровом смысле, создавая сказки, простые поучительнее рассказы, житийные истории и т.д. Он остраняется от своей сути ради приближения к народу – умения говорить его языком. Розановская форма письма иная. Она уроднена ему без всякого отречения; при этом он утверждает новое слово о литературе и ее героях. Розанов стремится сделать героями обывателей, и в этом он и его герои совпадают. Его мир – это мир обывателей, мещан, людей, выучившихся на медные деньги и вставших на путь трудового преображения жизни. Жанр «опавших листьев» – единственный на то время позволявший говорить о частном человеке-труженике, у которого и языка-то своего для разговора не было в отличие от русского мужика. Розанов неоднократно описывает оппозицию протитирующего слова писателя и святого молчания рядовых тружеников как базовую в современной ему культуре. Его цель – дать им язык, заговорить от их имени о жизни как она есть – с ее радостью, болью, кисеей на подушках и т.д. и показать, что Бог живет в каждом уголке не только сердца, но и дома, мира вещей, несущих память об этих молчаливых святых тружениках.

Если Толстой ищет Бога как опору для всеединства и разумного соединения всех в единый

океан любви, то для Розанова Бог – это максимально близкий и родной образ, он – почти то же самое, что и его личные вещи, его семья и друзья. Мир вещей, жизнь, труд, семью он соединяет через единство феноменального и noumenального в свою религию пола и семьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. Собрание сочинений: в 3-х т. Т. 3. Париж, 1989.
2. Климова С.М. Проблемы поэтики Достоевского-Розанова-Бахтина // Человек. 2004. № 3. С. 53–65.
3. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 4. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995.
4. Розанов В.В. Полное собрание «опавших листьев». Кн. 1. Уединенное. М.: Русский путь, 2002.
5. Салманова И.Ф. Переписка как исповедально-диалогическое пространство русской культуры // Н.Н. Страхов в диалогах с современниками. Философия как культура понимания / Под ред. С.М. Климовой. СПб: Алетейя, 2010. С. 116–135.
6. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 23. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1957.
7. Шкловский В.Б. Розанов // Розанов В.В.: pro et contra. Кн. 2. СПб.: РХГА, 1995. С. 321–343.
8. Denner, M.A., 2008. Dusting off the couch (and discovering the Tolstoy connection in Shklovsky's «art as device»). The Slavic and Eastern European Journal, Vol. 52, no. 3, pp. 370–388.

REFERENCES

1. Berdyaev, N.A. 1989. *Sobranie sochinenii: v 3-kh t. T. 3* [Collected works: in 3 volumes. Vol. 3]. Paris. (in Russ.)
2. Klimova, S.M. 2004. *Problemy poetiki Dostoevskogo-Rozanova-Bahtina* [Problems of the poetics of Dostoevsky-Rozanov-Bakhtin], *Chelovek*, no. 3, pp. 53–65. (in Russ.)
3. Rozanov, V.V., 1995. *Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 4. O pisatel'stve i pisatelyakh* [Collected works: in 30 volumes. Vol. 4. On writing and writers]. Moskva: Respublika. (in Russ.)
4. Rozanov, V.V., 2002. *Polnoe sobranie «opavshikh list'ev»*. Kn. 1. *Uedinennoe* [Fallen leaves. Solitaria]. Moskva: Russkii put'. (in Russ.)
5. Salmanova, I.F., 2010. *Perepiska kak isповедal'no-dialogicheskoe prostranstvo russkoi kul'tury* [Correspondence as a space for confession and dialogue in Russian culture]. In: Klimova, S.M. ed., 2010. *N.N. Strakhov v dialogakh s sovremennikami. Filosofiya kak kul'tura ponimaniya*. Sankt-Peterburg: Aleteiya, pp. 116–135. (in Russ.)
6. Tolstoy, L.N., 1957. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t. T. 23* [The complete collected works: in 90 volumes. Vol. 23]. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Khudozhestvennaya literatura». (in Russ.)
7. Shklovsky, V.B., 1995. *Rozanov* [Rozanov]. In: *Rozanov V.V.: pro et contra*. Kn. 2. Sankt-Peterburg: RKhGA, 1995, pp. 321–343. (in Russ.)
8. Denner, M.A., 2008. *Dusting off the couch (and discovering the Tolstoy connection in Shklovsky's «art as device»)*. *The Slavic and Eastern European Journal*, Vol. 52, no. 3, pp. 370–388.

С.В. Пишун*

В.В. РОЗАНОВ И К.Н. ЛЕОНТЬЕВ

В статье предпринята попытка сопоставить взгляды В.В. Розанова и К.Н. Леонтьева на некоторые вопросы общественной и культурной жизни, показана сложность и неоднозначность их отношения к творчеству отдельных русских философов и писателей. Автор прослеживает историю заочного знакомства В.В. Розанова и К.Н. Леонтьева, выявляет ряд аспектов, обсуждение которых оживило их переписку.

Ключевые слова: В.В. Розанов, К.Н. Леонтьев, русская философия, эстетизм, красота, византизм

Vasily Rozanov and Konstantin Leontiev. SERGEY V. PISHUN (Far Eastern Federal University)

The article attempts to compare the views of Vasily Rozanov and Konstantin Leontiev on some issues of social and cultural life, as well as to show the complexity and ambiguity of their attitude towards the work of some Russian philosophers and writers. The author traces the history of their correspondence and reveals a number of aspects the discussion of which revived it.

Keywords: Vasily Rozanov, Konstanin Leontiev, Russian philosophy, aestheticism, beauty, Byzantism

Василий Васильевич Розанов и Константин Николаевич Леонтьев – два русских мыслителя, имевших наибольшее право считаться пророками отечественной философии. Хотя они лично никогда не встречались, во всяком случае, таких сведений не имеется, тем не менее очевидно их глубокое идейное родство, при всем различии некоторых аспектов их взглядов. И вовсе не случайным следует признать розановский интерес к фигуре Леонтьева, розановские очень высокие оценки наследия «оптинского отшельника». В этой связи хотелось бы остановиться на нескольких моментах.

Следует сразу отметить, что Розанов увидел в романтическом натурализме Леонтьева вполне цельную и последовательную позицию, суть

которой состояла вовсе не в фрагментарности мирозерцания Константина Николаевича (о такой фрагментарности писал Владимир Соловьев), а в его глубокой продуманности, причем в центре философского мировоззрения Леонтьева оказывается эстетика как манифестация полноты жизни. В этом эстетическом ряду, как известно, Розанова привлекало понимание Леонтьевым хода истории, отсюда розановское исследование «Эстетическое понимание истории» [18], опубликованное в «Русском вестнике» в 1892 г. и имевшее также и другое название – «Теория эстетического развития и упадка».

Оба мыслителя ядром исторического развития видели культуру в том смысле, что она как

* ПИШУН Сергей Викторович, доктор философских наук, профессор Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: pishun.sv@dvfu.ru

© Пишун С.В., 2021

поиск красоты должна касаться непосредственно жизни человека, быть связанной с характерами самих людей. Розанов, как и Леонтьев, пытается преодолеть «частичность» мироощущения человека через культуру, в меньшей степени через эстетику. Красота, по мысли Розанова (и в этом он похож на Леонтьева), содержит в себе элементы вечности, «неразрушимое идеалистическое зерно» [9, с. 55]. При этом у Розанова все исторические культуры переживают периоды подъема и упадка, но ни одна из них не исчезает окончательно: «элементы всех их рассеянно живут в нашем образовании, в нашем быте и, без сомнений – через все это – в складе нашей души» [18, с. 80].

У Леонтьева пафос поклонения красоте и жизни выражен тоже весьма ярко. Как писал Розанов, у него «наиболее прекрасная жизнь есть наиболее сильная жизнь, т.е. далее всего отстоящая от смерти, от конца» и в этом смысле «идеал эстетический совпадает с биологическим». Сам Леонтьев в письме к консервативному публицисту И. Фуделю писал о том, что «настоящий культурно-славянский идеал должен быть скорее эстетического, чем нравственного характера» в силу того, что эстетические требования «осуществимее в жизни, чем моральные» [5, с. 49]. В феномене эстетического проявляется активное отношение человека к действительности, реальное творчество человека [20, с. 8–9]. Такую точку зрения еще до К.Н. Леонтьева высказывал Фр. Шеллинг. Кроме того, феномен эстетизма связан с состоянием кризиса культуры, потому что в такую эпоху ослабевают духовные основы общества, «знание» демонстрирует бессилие перед «жизнью» [19, с. 294].

Отправной точкой заочного знакомства двух замечательных и оригинальных русских философов стало прочтение тогда еще учителем Елецкой гимназии Розановым двух книг Леонтьева «Анализ, стиль и веяние в произведениях графа Л.Н. Толстого» и «Восток, Россия и славянство». Розанов тогда переписывался с известным критиком и публицистом Юрием Николаевичем Говорухой-Отроком и поделился с ним мнением о Леонтьеве. Говоруха-Отрок же в то время вел достаточно активную переписку с Леонтьевым и не стал скрывать от своего корреспондента интерес к его творческому наследию со стороны Розанова. Именно тогда сам Леонтьев отправил этому елецкому учителю свое письмо и книгу «Отец Климент Зеде-

гольм, иеромонах Оптинской пустыни». После этого Розанов и Леонтьев достаточно активно переписывались около года и прониклись глубокой симпатией друг к другу. Вот как об этом писал сам Розанов: «Константина Николаевича Леонтьева я знал всего лишь неполный год, последний, предсмертный его. Но отношения между нами, поддерживавшиеся только через переписку, сразу поднялись таким высоким пламенем, что и не успевши свидеться, мы с ним сделались горячими, вполне доверчивыми друзьями... Строй тогдашних мыслей Леонтьева до такой степени совпадал с моим, что нам не надо было стовариваться, договаривать до конца своих мыслей: все было с полуслова и до конца, до глубины понятно друг в друге» [11, с. 633]. К.Н. Леонтьев отвечал взаимностью: «Наконец-то после 20-летнего почти ожидания я нашел человека, который понимает мои сочинения именно так, как я хотел, чтобы их понимали!» [6, с. 49].

И все же Розанова отталкивала аристократическая властность Леонтьева, и поэтому он не очень-то и хотел непосредственного личного общения, опасаясь, что «оптинский отшельник» будет пытаться буквально навязать ему свои оценки, собственное видение литературных и общественных процессов. Об этом говорит тот факт, что когда Розанов приехал в Москву в свое свадебное путешествие, то получил прямую просьбу Леонтьева: «Нам надо видеться... Постарайтесь приехать. Умру – тогда скажете: “Ах, зачем я его не послушал и к нему не съездил”. Смотрите! Есть вещи, которые я только Вам могу передать» [6, с. 125]. Но Розанов, скорее всего, боялся разочароваться в Леонтьеве в ходе личной встречи и предпочел и дальше общаться лишь по переписке. Возможно, следует также учитывать тот факт, что Розанов поддерживал тесные контакты с «поздними славянофилами», вроде Н.Н. Страхова или С.А. Рачинского, а они относились к К.Н. Леонтьеву крайне негативно, обвиняя его в привнесении «яда эстетизма» в русский социальный консерватизм и даже в «аморализме». Такие оценки эстетической концепции Леонтьева встречаются и в наше время. Например, исследователь А.Л. Лазуко характеризует точку зрения «русского Ницше» как «принципиальный аморализм» [4, с. 77]. Кроме того, Розанов по-настоящему ценил творчество и талант Ф.М. Достоевского, являлся автором достаточно серьезных и глубоких критических разборов сочинений и литературных образов

великого русского писателя, в то время как К.Н. Леонтьев неоднократно выступал с нападка на Достоевского. Ознакомившись с начальными главами большой критической работы Розанова «Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского», опубликованной в журнале «Русский вестник», Леонтьев писал ее автору 13 апреля 1891 г. из Оптиной Пустыни: «Читаю Ваши статьи постоянно. *Чрезвычайно* ценю ваши смелые и оригинальные укоры *Гоголю*: это великое начинание. Он был очень вреден, хотя и непреднамеренно. Но усердно молю Бога, чтобы вы поскорее переросли Достоевского с его “гармониями”, которых никогда не будет, да и не нужно» [11, с. 643]. Сам Розанов, будучи глубоким и вдумчивым критиком, понимал значимость для русской культуры и философии обоих оппонентов и поэтому никак не хотел становиться однозначно на сторону кого-то из них. Он, например, отвергал и излишне резкие слова Достоевского, давшего следующий комментарий проповеди смирения и терпения со стороны Леонтьева: «Леонтьеву (не стоит добра желать миру, ибо сказано, что он погибнет). В этой идее есть нечто безрассудное и нечестивое. Сверх того, чрезвычайно удобная идея для домашнего обихода: уж коль все обречены, так чего же стараться, чего любить, добро делать? Живи в свое пузо» [2, с. 51]. Как отмечал известный литературовед, исследователь и комментатор творчества В.В. Розанова профессор А.Н. Николюкин, «неприятие церковного “византизма” Леонтьева было естественным следствием гуманизма Достоевского» [7, с. 123]. Эти излишне резкие слова Достоевского в адрес Леонтьева встретили возражения со стороны Розанова в газете «Русское слово», где он печатался под псевдонимом «В. Варварин»: «Последние личные слова, обращенные к К. Леонтьеву, были несправедливы: он был идеалист лично, до трогательности добрый и мягкий, но с суровыми суждениями, капризно суровыми, “нарочно” суровыми. Он очень любил “горячить” общественное мнение и жег его парадоксами, иногда оскорбительными или, лучше сказать, всегда оскорбительными, когда было можно» [1].

Известно, что Розанов выбирал друзей не по идейному родству, а «по степени того, насколько глубоко они проходят внутрь нас». Несмотря на свою искренность, по признанию Розанова, Леонтьев был для него не совсем понятен как личность, он подозревал, что «оптинский отшельник» имел даже как бы двойственную

натуру: идейная суровость и презрение к оппонентам сочетались у него с весельем и легкомысленностью в обыденной жизни. «Ядро его натуры нимало не подчинилось страшно иссушающим, сжимающим его идеям», – писал Розанов в шестом номере «Русского вестника» в 1903 г. [12, с. 421–422]. Розанов опасался, очевидно, что Леонтьев может наговорить много резких слов в адрес «классических консерваторов-славянофилов», например, А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, Ю.Ф. Самарина, Н.Н. Стрехова, ему было бы неприятно слушать эти слова по отношению к тем людям, к которым он относился с пиететом или просто с уважением, хотя он во многом внутренне соглашался с критическими аргументами Леонтьева в адрес славянофильства середины XIX в.

Но, в любом случае, как нам представляется, розановская концепция пола вполне органично вытекает из эстетизма Леонтьева. «В Розанове Леонтьев как бы возродился вновь и стал фактом новой культурной эпохи, которая продолжается и по сей день» [10, с. 126]. Русский философ и критик Ф.Ф. Куклярский так описывает «патологическую» связь Розанова с Леонтьевым: «Розанов – типичный аналитик христианства, причем анализ его с годами все более углубляется, принимает все более и более интимный характер и вместе с тем все более сосредоточивается на ненормальных и темных чертах христианского откровения. В этом последнем отношении Розанов является прямым продолжателем Константина Леонтьева, с той, однако, разницей, что Леонтьев сатанизировал христианство во имя отрицания человека, тогда как Розанов сатанизирует его путем апелляции к натуральным родовым инстинктам человека» [3, с. 207]. С подобными оценками Куклярского можно и не соглашаться, но здесь ценным является указание данного критика на склонность к «интимному» разговору с читателем как Розанова, так и Леонтьева.

Интересны парадоксальные сравнения у Розанова творений Леонтьева с музыкой Чайковского: и писатель и музыкант способны гипнотизировать, только разными способами – Чайковский через звуки, а Леонтьев – в «формах», «изящных линиях», любви к разнообразию, через богатство красок и оттенков. Творчество Леонтьева ассоциировалось у Розанова с защитой молодости, «напряженных сил и трепещущих жизненных соков организма» [7, с. 125].

Однако при этом Розанов все время перебирал те слова, которые можно сказать о Леонтьеве. Например, в 1911 г. он написал статью в сборник «Памяти К.Н. Леонтьева» под названием «Неузнанный феномен», а затем в «Опавших листьях» нашел в этой собственной статье «тайную пошлость», буквально обрушившись на Леонтьева, по сути обвиняя его в том, что в его трудах «нет совета и мудрости», что якобы Леонтьев «внутренне не слушал не только апостола Павла, но и Христа» и хотел «Константина-язычника», а не «крещеного Константина» [16, с. 315]. Позже в «Мимолетном» Розанов осудил то, что писал о Леонтьеве в «Опавших листьях»: «Грех, грех, грех в моих словах о Константине Леонтьеве в “Оп. Л.”. Как мог решиться сказать. ... Леонтьев – величайший мыслитель за 19 век в России. Многие – дети против него. Герцен – дитя. Катков – извощик. Вл. Соловьев – какой-то недостойный ерник. И Леонтьев стоит между ними как угрюмая вечная скала» [17, с. 189]. Эти колебания Розанова вовсе не случайны. Леонтьев его притягивал и отталкивал одновременно. Розанов критикует исторически сложившееся христианство за догматизм, обезличенность, а Леонтьеву противна христианская идея кротости и послушания. Можно сказать, что предмет нападков у них общий – цивилизация, мораль, церковь, но источники этой критики различны. Розанов исходил из абсолютной ценности человеческой жизни, призывая все «измерять миллиметрами, а не километрами, “любить маленькое”». О Леонтьеве же сам Розанов написал: «Дай-ка ему волю и власть ... , он залил бы Европу огнями и кровью в чудовищном повороте политики. Это был Кромвель без меча, без тоги, в лачуге за городом, в лохмотьях нищего, но точный в полном росте Кромвель. Был диктатор без диктатуры» [11, с. 642–643]. Для Леонтьева истинной ценностью является не жизнь сама по себе, а сила и красота ее, он возвышает все то, что служит средством достижения абсолютного эстетического совершенства. Розанов же непосредственно в самой жизни видит пример высшей ценности, лишь ее признает божественно-прекрасной.

И, в завершении, вспомним, как точно написал Розанов о том, что время Леонтьева еще придет. И вот, когда оно придет, «Леонтьев в сфере мышления, наверное, будет поставлен впереди своего века и будет заглавною головою всего 19-го столетия» [7, с. 128]. Замечательные

слова. Я думаю, что Розанов все-таки сам обладал даром пророчества, который, быть может, даже не всегда был очевиден для него самого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Варварин В. Заблудились в трех соснах // Русское слово. 1910. 24 января.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 27. Л.: Наука, 1972.
3. Куклярский Ф.Ф. Осужденный мир. Философия человекоборческой природы. СПб., 1912.
4. Лазуко А.Л. Картина мира в эстетике К. Леонтьева // Из истории русской эстетической мысли: сборник научных трудов. СПб.: Образование, 1993. С. 75–83.
5. К. Леонтьев о Владимире Соловьеве и эстетике жизни (По двум письмам) // Начала. Религиозно-философский журнал. 1992. № 2. С. 41–62.
6. Леонтьев К.Н. Письма к Василию Розанову. Вступление, комментарий и послесловие В.В. Розанова. Лондон: Nina Karsov, 1981.
7. Николушкин А.Н. Розанов. М.: Молодая гвардия, 2018.
8. Памяти Константина Николаевича Леонтьева: литературный сборник. СПб.: тип. «Сириус», 1911.
9. Пишун В.К., Пишун С.В. «Религия жизни» В. Розанова. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1994.
10. Померанская Т.В. «Всего лишь неполный год...» // Литературная учеба. 1989. № 6. С. 124–131.
11. Розанов В. Из переписки К.Н. Леонтьева // Русский вестник. 1903. № 4. С. 628–641.
12. Розанов В. Из переписки К.Н. Леонтьева // Русский вестник. 1903. № 6. С. 419–435.
13. Розанов В. К изданию полного собрания сочинений К. Леонтьева // Новое время. 1912. 16 июня.
14. Розанов В. Кому «горе от ума» в действительной жизни // Русское слово. 1896. 19 февраля.
15. Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1906.
16. Розанов В.В. О себе и жизни своей. М.: Московский рабочий, 1990.
17. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 2. Мимолетное. М.: Республика, 1994.
18. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 28. Эстетическое понимание истории (Статьи и очерки 1889–1897 гг.). Сумерки просвещения. М.; СПб.: Республика; Росток, 2009.

19. Хейзинга И. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, 1992.

20. Храброва И.А. Эстетический компонент человеческой деятельности и его гуманистическое содержание. Депонировано в ИНИОН. Харьков: ХИИЖТ, 1984.

REFERENCES

1. Varvarin, V., 1910. Zabludilis' v trekh sosnakh [Got lost in three pines], Russkoe slovo, January 24. (in Russ.)

2. Dostoevsky, F.M., 1972. Polnoe sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 27 [The complete collected works: in 30 volumes. Vol. 27]. Leningrad: Nauka. (in Russ.)

3. Kuklyarskii, F.F., 1912. Osuzdennyi mir. Filosofiya chelovekoborcheskoi prirody. [The condemned world. A philosophy of man-fighting nature]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

4. Lazuko, A.L., 1993. Kartina mira v estetike K. Leont'eva [The picture of the world in the aesthetics of Konstantin Leontiev]. In: Iz istorii russkoi esteticheskoi mysli: sbornik nauchnykh trudov. Sankt-Peterburg: Obrazovanie, 1993, pp. 75–83. (in Russ.)

5. K. Leont'ev o Vladimire Solov'eve i estetike zhizni (Po dvum pismam). [K. Leontiev about Vladimir Solovyov and the aesthetic of life], Nachala, 1992, no. 2, pp. 41–62. (in Russ.)

6. Leontiev, K., 1981. Pis'ma k Vasiliyu Rozanovu [Letters to Vasily Rozanov]. London: Nina Karsov. (in Russ.)

7. Nikolyukin, A.N., 2018. Rozanov [Rozanov]. Moskva: Molodaya gvardiya. (in Russ.)

8. Pamyati Konstantina Nikolaevicha Leont'eva: literaturnyi sbornik [In memory of Konstantin Leontiev: a literary collection]. Sankt-Peterburg: tip. «Sirius», 1911. (in Russ.)

9. Pishun, V.K. and Pishun, S.V., 1994. «Religiya zhizni» V.V. Rozanova [Vasily Rozanov's «religion of life»]. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta. (in Russ.)

10. Pomeranskaya, T.V., 1989. «Vsego lish nepolnyi god...» [«Only less than a year...»],

Literaturnaya ucheba, no. 6, pp. 124–131. (in Russ.)

11. Rozanov, V., 1903. Iz perepiski K.N. Leont'eva [From the correspondence of K.N. Leontiev], Russkii vestnik, no. 4. (in Russ.)

12. Rozanov, V., 1903. Iz perepiski K.N. Leont'eva [From the correspondence of K.N. Leontiev], Russkii vestnik, no. 6. (in Russ.)

13. Rozanov, V., 1912. K izdaniyu polnogo sobraniya sochinenii K. Leont'eva [To the publication of the complete works of Konstantin Leontiev], Novoe vremya, June 16. (in Russ.)

14. Rozanov, V., 1896. Komu «gore ot uma» v deistvitelnoi zhizni [To whom «wit works woe» in real life], Russkoe slovo, February 19. (in Russ.)

15. Rozanov, V.V., 1906. Legenda o velikom inkvizitore F.M. Dostoevskogo [Legend of the Grand Inquisitor by F.M. Dostoevsky]. Sankt-Peterburg: Izd. M.V. Pirozhkova. (in Russ.)

16. Rozanov, V.V., 1990. O sebe i zhizni svoei [About myself and my life]. Moskva: Moskovskii rabochii. (in Russ.)

17. Rozanov, V.V., 1994. Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 2. Mimoretnoe [Collected works: in 30 volumes. Vol. 2. The fleeting]. Moskva: Respublika. (in Russ.)

18. Rozanov, V.V., 2009. Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 28. Esteticheskoe ponimanie istorii (Stat'i i ocherki 1889–1897 gg.). Sumerki prosveshcheniya [Collected works: in 30 volumes. Vol. 28. The aesthetic understanding of history (Articles and essays of 1889–1897). The twilight of enlightenment]. Moskva; Sankt-Peterburg: Respublika; Rostok. (in Russ.)

19. Huizinga, J., 1992. Homo ludens. V teni zavtrashnego dnya [Homo Ludens, a study of the play element in culture. In the shadow of tomorrow]. Moskva: Progress. (in Russ.)

20. Khrabrova, I.A., 1984. Esteticheskii komponent chelovecheskoi deyatelnosti i ego gumanisticheskoe sodержanie [Aesthetic component of human activity and its humanistic content]. Kharkov. (in Russ.)

А.А. Грякалов*

В.В. РОЗАНОВ: ПИСЬМО И ЭТОС СВИДЕТЕЛЬСТВА**

В статье рассмотрены концепты *письмо*, *свидетельство* и *этнос* наряду с категорией *понимание* как базовые в творчестве В.В. Розанова. Именно в средоточии этих определений складывается оригинальная утверждающая жизнь и литературу мысль Розанова, где топологическое построение рассуждений, сводимых в гетерогенном взаимодействии, дает возможность говорить об актуальных для современности этосе письма и этике события. За кажущейся произвольностью и импрессионистичностью письма скрывается единая в своей множественности позиция, что позволяет говорить об этосе творчества в особо значимом для Розанова изводе свидетельства, где внимание к вещиности, предметности и конкретным переживаниям глубоко соотносено с традицией жизненного мира и с предельным вниманием к символическим смыслам и образам культуры. Этнос свидетельства и этика события, рассмотренные на материале творчества Розанова, позволяют обратиться к темам соотношения эстетики творчества, этики поступка и актуальной политики, представляющей как та область жизнестроения, где нельзя отказаться от принятия решений. Автор, выступающий как *субъект-свидетель*, значим для понимания субъекта и субъективности в эпистемологическом контексте и ценностной ауре современности.

Ключевые слова: В.В. Розанов, литература, понимание, письмо, свидетельство, переживание, неопределенность, этнос, этика события

Vasily Rozanov: writing and the ethos of testimony. ALEKSEY A. GRYAKALOV (The Herzen State Pedagogical University of Russia)

The article considers the concepts of writing, testimony and ethos along with the category of understanding as basic in Vasily Rozanov's work. It is in the center of these concepts and categories that Rozanov's original idea affirming life and literature is formed, where the topological construction of reasoning reduced in heterogeneous interaction makes it possible to talk about events relevant to modernity. Behind the apparent arbitrariness and impressionistic writing, there is a single position in its multiplicity, which allows us to talk about the ethos of creativity in a particularly significant for Rozanov form of testimony, in which attention to materiality, objectivity and specific experiences is deeply correlated with the tradition of the lifeworld and with the utmost attention to symbolic meanings and images of culture. The ethos of testimony and ethics of events, considered on the material of Rozanov's work, allow us to turn to the themes of the correlation between the aesthetics of creativity, the ethics of acting and actual politics, which appears as the area of life structure where it is impossible to abandon decision-making. The author, acting as a subject-witness, is significant

* ГРЯКАЛОВ Алексей Алексеевич, доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии и истории философии Института философии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

E-mail: alexalgr@mail.ru

© Грякалов А.А., 2021

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 19-011-00899а.

for understanding the subject and subjectivity in the epistemological context and the value aura of modernity.

Keywords: Vasily Rozanov, literature, understanding, writing, testimony, experience, uncertainty, ethos, ethics of event

Произведение В.В. Розанова «Уединенное» может казаться в первом приближении наброском *мерцаний* – наблюдений и размышлений. И множественность последующих истолкований вряд ли будет завершена в настоящем или ближайшем будущем, тем более на фоне интереса к идеям *метамодерна*, где актуализирована гетерогенность и взаимопроникновение недавно совсем, казалось бы, смещенных позиций. На этом фоне островки-афоризмы приобретают не только экзистенциальное и персоналистское значение, но эпистемологическую и этическую определенность, которую представляет проникновенное письмо как *событие*. Можно взглянуть и с другой стороны – при ближайшем рассмотрении, отмечал М.К. Мамардашвили, оказывается, что событие имеет структуру откровения [13, с. 190]. И в личном плане Розанов мог представлять как человек, только что испытавший «рождение из духа» [16, с. 263]. П.П. Перцов писал, что Розанов и сам не всегда знал, куда приведет захватывающая его стихия, но он переживал ее наитие. В этом смысле обращение к теме свидетельства и свидетеля уже позволяет говорить о нем как о творческом существе, стремящемся проникать в неведомое и еще не поименованное, куда устремлено не совсем принадлежащее автору *письмо*: «Первое: как ни сядешь, чтобы написать то-то и напишешь совсем другое» [18, с. 14]. Розанов писал, что в момент творчества происходило словно бы уплотнение существования и «вера доходила до какой-то раскаленности», мысли словно бы приобретали особый строй, «язык сам говорил» [18, с. 199]. Но, говоря о непредсказуемости письма, Розанов всегда сохранял связи *письма и плоти*, даже полагал, что письмо «выделяется» из феноменального плотского опыта.

Розанов и спешил навстречу своим выводам, и временами пугался их. Модерн как раз и характеризуется стремлением утверждения и переживания страха – при неисполнении ничего не остается, поскольку каждая сила модерна надеется только на себя (*воля, жизнь, бессознательное, свобода, пол*). Розанов, выделяя отдельные доминанты – *фетиши* – своего мироощущения

и письма, устремлен к целостности, в которой разные силы при всем их фетишизированном представлении действуют контингентно, но в выстраиваемом единстве, подобном единству *плоти*. В этом смысле письмо Розанова может быть полифоничным в бахтинском смысле слова – свидетельство складывается из представления многих *других*: этос предстает как родовое соединяющее переживание и знание с присутствием того, что М.М. Бахтин называл «надличностный адресат». И на фоне множественности собственных и других позиций, которые далеко не всегда принимаются и предстают легитимными, авторская свидетельствующая проникновенность побеждала.

Поэтому, стараясь понять становление письма Розанова и выстраивающийся письмом этос, необходимо провести внутреннюю диагностику письма, вычленив в сложном структурном взаимодействии некоторые «дифференциальные признаки», на основании которых можно утверждать об этосе письма. Не о тех или иных этических высказываниях (не так важно, пребывают они в согласии или друг друга «смещают»), а об объективной стратегии свидетельствующего письма как наброске и утверждении этической позиции – о переживании и рефлексии того, что Розанов называл «боль жизни». Подлинный писатель – в образе и силе свидетеля: «В сущности вполне метафизично: «самое интимное – отдаю всем»» [18, с. 44].

Стилистика произведения «Уединенное» тоже может казаться резко отличающейся от исходных интенций мыслителя, прежде всего от идей и изложения трактата «О понимании». Но письмо Розанова пребывает в становлении, не подстраивается даже под намечаемые определения – его нужно рассматривать как особого рода феномен, принципиальным образом отсылающий к становлению самого себя. Не то чтобы письмо не было обращено к ноуменальному, трансцендентному, тайному, потенциальному – еще не ставшему: как раз к этим силам и смыслам Розанов проникновенно внимателен. Феномен письма складывается поверх относительных утверждений – в нем происходит ста-

новление автора с его особым свидетельствующим отношением к миру и особого рода этосом. Отношение к миру? – «И я просто «клат на бумагу что́ есть»: что́ и образует всю мою правдивость. Она натуральная, но она не нравственная» [18, с. 197].

Это, следовательно, не подчинение императивному требованию, не этика сострадания, хотя темы страдания и сострадания явно присутствуют, даже и не безусловное следование голосу веры, наиболее, наверное, значимому для Розанова. Тут, можно сказать, построение этоса свидетельства, который формируется и подлечит постоянной проверке в самом становлении письма. И если письмо представить именно как становление, если угодно, ноосферного смысла, где не столь важны личности и имена, то представление Розанова как раз соответствует совпадению духа и субъекта: «...Я весь – дух, и весь – субъект: субъективное действительно развито во мне *бесконечно* (курсив мой. – прим. авт.), как я не знаю ни у кого, не предполагал ни у кого» [18, с. 64].

Отмеченная направленность творчества связана с вопросом о «присутствии целого», что особенно подчеркнул В.В. Библихин: «переменчивому публицисту Розанову предшествовал совершенно другой и все равно тот же самый Розанов с философией понимания – цельного, исчерпывающего, окончательно неизменного блага. Подчеркнутая розановская переменчивость кричала о том, что цельная истина непохожа на те ее фрагменты, с которыми нам обычно приходится иметь дело» [2, с. 65]. Более того, самое понимание разума у Розанова отличается предельным вниманием к тому, что находится за пределами рационально постигаемого [6, с. 50–55]. Следует, однако, помнить, что Розанов испытал опыт точного знания с его установкой на конкретность и конечный результат. В частности, с этим связаны его последовательные упреки литературе, как *неутверждающему* неопытному занятию. Этос изначально намечен как отношение к миру и жизни, вслед исходной интенции он встроен в письмо и проступает в его становлении – письмо словно бы утыкается в предметность, вещьность и переживание. Так в основание полагается элементарный и потому неоспоримый словесный-смысловой факт – из предстающей фактичности выстраивается этос, может даже, подвергаемый в становлении диалектическому высвечиванию «с одной стороны – так, и с другой – и иначе» (В.В. Розанов)

или даже смещению. На этом фоне претензии литературе Розанов предъявлял, не разделяя авторов на *своих* и *чужих*.

Литература, чаще всего, не соответствует жизни – не отвечает на ее вопросы, живет самомнением, ей важно «впечатление слушателей». Борьба с литературоцентризмом русской литературы в предреволюционные годы стала постоянной темой Розанова [11, с. 108]. Это, можно сказать, отечественный аналог борьбы с метафизикой в европейской философии.

Актуально особое до-идейное знание-переживание – в нем стяженно сближены импресии и рефлексия. В разумном исходно присутствует тайная уединенность. И действие мысли Розанова со студенческих лет в Московском университете складывалось, можно сказать, топологически: «сначала не столько обдумывание идеи, сколько созерцание ее, вылилось в ряд как бы *геометрических аксиом* (курсив мой. – прим. авт.), определений и выводов, объектом которых сложилось понятие счастья и которые обнимали собою государство, нравственность, чувство правоты – все формы, вообще, человеческого творчества» [20, с. 276–277].

Именно разум, настаивал Розанов, может справиться с тем, что может оказаться «гибельным для сердца» – способен создать эффективную и компактную модель соединения в одно целое разнородных явлений. Выстраивается, можно сказать, особая над-противоречивая логика, представляемая в письме, которая может быть сопоставлена с активно обсуждаемой сегодня «логикой воображаемого» отечественного мыслителя Н.А. Васильева [8]. И важно, что в этос письма можно включить непредсказуемость и неопределенность как константы существования. Письмо действует как упорядочивающая стратегия создания смысла посредством предельного внимания к определенности событий и в этом смысле представляет собой наследование смыслов, предстает как упорядочивающий творчество палимпсест. И еще можно добавить о конструктивности математических моделей, изобретенных разумом, для описания упорядоченности. Такова, к примеру, симметричность, которая символизировала максимальную устойчивость мира, «вечное возвращение» к исходному состоянию: «Теория упорядочивает мир в сознании людей в большей степени, чем это соответствует реальному его устройству. Жесткость организации нашего интеллекта превышает в определенной степени

упорядоченность физической реальности» [8, с. 54]. Следует помнить, что Розанов в трактате «О понимании» говорил как раз о геометричности организации разума.

Значимость до-идейного понимания сближает Розанова с традицией этики. В.В. Библихин, обращаясь к переводческой стороне творчества Розанова, отметил, что он открывает Аристотеля, «близкого существованию, прочно стоящего на общечеловеческой интуиции» (В.В. Библихин). Понятие *предела* успокаивает своей доходчивостью, когда Розанов к одному из значений термина дает комментарий, ориентирующий на суть дела: «Не геометрическое очертание только составляет тела; сверх этой грубой физической границы всякое тело имеет вторую и менее грубую, но еще более истинную границу: сферу своего распространения или действия» [3, с. 248–249]. Прозрачная глубина античной мысли предполагает осознание иерархии отношений определенного и неопределенного.

И словно бы в приближении к теме *уединенного* в статье «Розанов как мыслитель» П.В. Палиевский вспоминает свой разговор с А.Ф. Лосевым о *диалектике* и *тайне*. В работе Лосева на заключительных страницах книги «Диалектика художественной формы» высказана мысль о том, что диалектическая архитектоника мысли питается исключительно тем сверхсмысловым началом, которое является исходным пунктом всей диалектики вообще: есть всеприсутствующая потенция и точка, сокровенный импульс, сердце жизни, что оживляет и одухотворяет целостность мысли. Иными словами, всегда есть выбивающееся за определения бытийное *предшествование* мысли – неразложимый и неразтворимый далее слой, не вмещающийся, можно сказать, не поддающийся никакому диалектическому членению [14, с. 24].

Эта трансцендентная заданность присутствует как существенное, следовательно, необходим особый субъект-свидетель, способный об этом мыслить и его представлять. Прямой ход из того разговора, вел, казалось бы, непосредственно к признанию предельной значимости жизненной интуиции уединения-тайны каждого человека. Но это не значит, продолжает слова А.Ф. Лосева П.В. Палиевский из разговора о Розанове, что «нетеоретический человек прав». Ведь если совершить «возгонку» нетеоретичности на уровень теории, то «... ужаснулись бы. Гегель и все это в сравнении с ним сладкая водичка. Розанов! Он это умел,

и он начал» [14, с. 24]. При полном внимании к высказыванию надо иметь в виду, что в работах самого А.Ф. Лосева присутствует идея о наличии неразложимого и неразтворимого начала бытия: в «Диалектике мифа» Лосев говорил о необходимости *чуда*, а рассуждая о логике музыки, подчеркивал неопределенность музыкальных эйдосов. И на таком фоне письмо Розанова не столь уж *нетеоретично*: космос творчества Розанова агонален, как агонален космос у Гераклита.

Более того, Розанов подчеркивал, что он именно *колебание* полагает главнейшим принципом познания.

Как в ранней греческой мысли, отметил В.В. Библихин, у Розанова опорного определяющего чувства природы не меньше, чем у самой современной физики, считающей своим новым достижением, например, ущербный «антропный» принцип. Для Розанова чрезвычайно важна проблема наблюдения, актуализированная в квантовой теории, и то положение, что набор возможных состояний системы задается набором базисных понятий, причем ни одно из конкретных состояний системы не может быть выводимо из состояния системы, признаваемого исходным. До взгляда наблюдателя базисное состояние системы действует как возможность, а в момент создания «момента уединенного» происходит скачок представления и последующей рефлексии.

Случай, в свою очередь, предполагает изменение письма.

Случай может быть совершенно непредсказуем до самого момента его объявления. Случай – это во многом непредсказуемый жест переживания жизни, мгновенное выпадение бытия во внимание автора, а вслед этому – жест письма. Но предстоящее событие не сводится к происшествию – в явленном предстают силы и стремления – *потенции*, которые подспудно живут и требуют проникновенного внимания и представления. Соответственно, должен быть продуман особый этос автора-свидетеля, который становится словно бы моделью антропомерности. «Техника антропологического анализа позволяет рассматривать литературу с предельно объективных позиций. ...Если мы хотим разрешить *парадокс наблюдателя* – а ведь он не должен доверять ни себе, ни своему информатору – то придется предположить единственный выход: совершенствовать технику наблюдения/понимания, отказываясь от

преждевременной интерпретации фактов и тем более от общефилософских спекуляций. Первична не интерпретация, а конструкция, состав и расположение основных элементов произведения» [17, с. 15–16]. Вслед этому можно добавить, что Розанов, вводя в свои произведения письма и высказывания потенциальных читателей, становящихся соратниками и соперниками в письме, предполагал изменение самой субъектности читателя – можно сказать, вводил читателя в становление смысла и становление самодетельного этоса. Письмо словно бы вовсе не нуждается в чтении-опосредовании – это общество в потенции смыслогенеза само становится потенциальным свидетелем и способным к выстраиванию ответственной этической позиции уже потому, что создает живые участвующие отношения читателей друг к другу.

Розанов тематизировал представление о потенциальном сообществе понимания уединенного. В рецензии на книги Федора Шперка он говорил о существовании наряду с академической философией в России другой ее формы – «философского сектантства», темных, бродящих философских исканий. Это «жизненный порох», соотнесенный с биологическим началом. Такая философия включает в себя автобиографичное и биографичное, ее Розанов соотносит с бурно-неустроенными трудами позднего Френсиса Бэкона, Декарта или Лейбница, это порыв мысли, самогорение, причем такая философия включает в себя все основные планы и мотивы философии. «В психологической части она действительно интересуется “коготком”, который “увяз” и заставляет “всю птичку пропасть”; в логическом – она в самом деле пытается запутанности человеческой мысли; в метафизическом – пытается тайны бытия, “семя бытия” ... Это афористическая и неустроенная философия тесно связана с нашей литературой» [21, с. 150].

Розанова пишет, что «краевой мыслитель бродит по краям ведения, а не посередине их, где топчутся люди», соответственно, поэтическая форма таких сочинений понятна и естественна, и не может не нравиться по своей прихотливой свободе. И главное в том, что сочинения такого рода и такой формы представляют «чистую диалектику понятий, алгебру природы» – она вращается в элементарных понятиях, именно *неопределимых*, почти не передаваемых и крайне трудных для усвоения: «Это – абстрактные знаки усложнения человеческих понятий; вывод из

понятия бытия – понятия тождества, из тождества – единства, из единства – множества и т.д. все то, что со времен Платонова “Парменида” и до диалектики Гегеля составляло душу логической обработки наших отношений к космосу» [21, с. 150]. В «Уединенном» сквозь все прокладывается представление о *своем* пути.

И на этом пути очень многое будет восприниматься с «ослиным равнодушием», кроме сохранения самых дорогих переживаний, что свидетельствует о значимости первичных потенций мысли. Жизненная интуиция нашла подтверждение в самых разных сферах понимания в силу его цельности. Именно представление о потенции, заложенное в основном понятии современной квантовой физики «волновой» функции, или векторе состояния, предельно точно реализует эту идею [15, с. 183]. Не только эмбриология в XX в. шла под знаком потенциальности, но и в области квантовой физики бытие возможное, меональное, более фундаментально, чем бытие актуальное. Так и в философии – в актуальной экономике производства смыслов.

Можно сказать, что письмо как средоточие всеобщего – языка, с одной стороны, и индивидуального представления – стиля, с другой стороны, с необходимостью временится в событиях творчества – в произведениях и предполагает проявление выпадения-случая.

Первое условие письма может быть определяемо как исходное переживание. В «Уединенном» достигает наиболее полного выражения актуализация жизни: «назад» к вещам, происшествиям и событиям, переживаниям, воображаемому, произведениям, строкам, фигурам и лицам. Но такое *назад* не просто описание – действует особая жизненно наполненная эйдоло-логика, усилие проникновенного и предельно внимательного понимания. Это может быть сопоставлено со стратегией *анабасиса*, когда возвращение – никогда не повтор, а новый утверждающий жест жизнестроения. «Этим только, т.е. столькими годами мечты, воображения, соображений, гипотез, догадок, а главное – гнева, нежности, этой пустыни одиночества и свободы, какую сумел же я отвоевать у действительности, мелкой, хрупкой, серой, грязной – и объясняется, что прямо после университета я сел за огромную книгу “О понимании”, без подготовок, без справок, без “литературы предмета”, – и опять же плыл в ней легко и счастливо, как с покрывалом Лаодикеи... Странная

судьба, странная жизнь. Но я заговорил не об ней, не об этой полосе жизни и счастья, а о часах покорности действительности, когда у меня не было стеклянных (блаженных) глаз, а глаза робкие, тихие, я думаю (так я чувствую в душе, так было с внутренней стороны), глубокие, но в чем-то вечно извиняющиеся и за что-то просящие пощады, а вместе – хитрые и готовые на злость, готовые на моментальное бешенство, если бы меня не “простили” и не пропустили к той маленькой щелочке, к какой-нибудь нужной вещи, к которой я пробирался, извиняясь на все стороны. Странно, сколько животных во мне жило, шакал и тигр, а право же – и благородная лань, не говоря уж о вымистой (с большим выменем) корове, входили в стихию моей души. ... Вот это обилие в животном – еще животных, ... эта бездонность разумной и провидящей животности всегда была во мне, и отталкивала от меня, и привязывала ко мне. Мне случалось быть шакалом – о, ужасные, позорные минуты, не частые, но бывавшие – вот бегут люди, отворачиваются: глубокая скорбь проходит по душе, и вдруг выходит лань, да такая точеная, с тонкими ногами, с богозданными рогами, ласкающаяся, кладущая людям не плечи морду с такой нежностью и лаской, как умеет только лань.

Но бросим. Я все увлекаюсь. То – перед старостью.

...Нет, если я не умел или не смог жить, как хотел бы, я хотел бы, по крайней мере, умереть, как хочу» [19, с. 656–657].

Даже смерть, как видно, бесстрашно вызвана письмом на встречу с переживанием и мыслью. Можно сказать, что Розанов осуществляет серию редукций как приведений к ясности переживания и мысли посредством письма – так закладываются основания этоса письма, включенного в стяженное пространство органической необходимости, вещности, предметности и смысла. И тут интересно отметить, что для Розанова переживание как проникновенность возникает не вслед мысли и смыслу, а непосредственно раньше, и этот момент может быть совершенно непредсказуем. Случай приходит на уже сформированное ожидание: та самая «невольная музыка в душе» рефлексивно не схвачена – она предстает как голоса самого бытия. Ведь музыка, отмечает современный исследователь Ф. Лаку-Лабарт, «доводит *айсте-зис* до его предела: она вызывает бесконечно парадоксальное чувство – ощущение условия вообще любого чувствования, словно ей вы-

пала невозможная задача представлять трансцендентальное, то есть чистую возможность самого представления» [12, с. 62]. Жест представления уединенного может действительно показаться импрессионистическим или психологическим, но это только внешняя привязка и обрамление письма.

Выныривание или пульсирование того, что будет представлено письмом, во многом случайно – на это случающееся здесь и сейчас падает взгляд или это замечено слухом, а потом возникают смысловая определенность уединенного и этос свидетельства. Подобно тому, как случаи сталкиваются друг с другом, так агонально сталкиваются фрагменты письма. Более того, письмо преодолевает ложные ориентиры, которые затемняют, ослабляют или вовсе отстраняют от жизни. Письмо выступает против своего ложного понимания, когда им затмевается жизнь. «Только не пишите ничего, не старайтесь: жизнь упустите, а написанное окажется “глупость” или “не нужно”». (В.В. Розанов) Так в отношении истории и литературы: не нужно подстраивать жизнь под слова, даже если это слова великого писателя-психолога («из круга Достоевского»): «Она все думала. О Ставрогине, о Кириллове. Мир потух для нее. Люди погасли. Во всем мире торчали 6–10 огромных глаз – героев Достоевского. На Достоевского она променяла мир. В мире она ничего не слышала, кроме голоса Достоевского» [23, с. 142]. Таких людей нужно спасать: «Она забезумствовала о литературе. Разве это можно? Литература есть все-таки литература, как бы хороша и сильна она ни была. Достоевский есть Достоевский, человек, как мы» [23, с. 143]. Розанов говорит о таких «олитературенных» существах, называя их состоянием озорством, пребыванием «на колокольне». Ведь Достоевский «учил о мире и учил любить мир». Нужно мир, людей полюбить, вот в чем нужно «следовать Достоевскому». Литературные зеркала, отгораживающие от жизни, способны свести с ума.

Литература обладает надприродным измерением, в котором обладание оборачивается пленом, дар – неволей («Невольная музыка в душе...»). В какой стихии находится автор: «Что-то течет в душе. Вечно. Постоянно. Что? Почему? Кто знает? – меньше всего автор» [18, с. 45]. Этос производится уместностью понимания в бытийной предметности происходящего.

Если для Канта вопрос о свободе «единственной из всех идей спекулятивного разума,

который мы знаем *apriori*, хотя мы и не имеем возможности доказать ее, так как она есть условие морального закона, который мы знаем» (В.В. Розанов), то для автора «Уединенного» этос при всей свободе определения и действия связан с необходимостью уместного и ответственного пребывания в жизни.

Предметы, вещи, тела, а вслед им заново возникающие смыслы или те смыслы, которые уже уместно сложились и живут, сопротивляются мнению, поверхностному взгляду или заранее определенной логике. Поэтому этос письма предстает одновременно как источник и следствие предельного внимания к бытию.

Свидетельствование творчества предстает как необходимый процесс нисхождения к вещам, смыслам и переживаниям в их конкретности – такие представления как раз и сопротивляются тому, чтобы их располагали в отвлеченной или даже эмпирической психологии творчества. Конкретные представления *уединенного* словно бы рассеяны в смысловом пространстве и просвечивают друг сквозь друга одновременно. Истина, применяя выражение М. Хайдеггера, предстает как допущение, в случае Розанова – мерцание, обозначение, проникновение, именование дела с неопределенностью и ее освоением. Истина есть сама возможность существования мира, как мы его представляем – *уединенное* в себе самом содержит не только обращение к конкретной конечности, но и сопротивление доминанте временности в рефлексии – сопротивление крайностям ситуационной этики: модерн исчерпан постоянным смещением его отдельных позиций. Этос письма действует в ситуации неопределенности. И сегодня во многом осознано, что неопределенность является неотъемлемым условием свободной, продуктивной и счастливой жизни человека [5, с. 6].

В такой ситуации письмо и этос как раз и представляют актуальную для современной мысли тему *антропомерности*. И внимание автора к проживанию создает особый *внутренний опыт* – это вовсе не значит отъединения от мира: вернуться «в себя» – значит стать местом сообщения, сплавления субъекта и объекта [1, с. 29]. Этос уединенности словно бы соединяет уже известное: тему свободы, тему ответственности, тему творчества, любовь и дружбу. Соединяет даже в ресентименте: «Цинизм от страдания?.. Думали ли вы когда-нибудь об этом?» [23, с. 831]. Ценности жизни и творчества не являются категорическими условиями

выбора и поведения. Они словно бы возвращают любую современность в ее своевременную уместность с риском для утверждения и успеха. С риском для самого субъекта-свидетеля: рискованный путь утверждения – *анабасис* – в новом становлении возвращает действие в его первоначальную стадию, когда оно было деянием.

Пространства нужно предуготовить к деяниям – пробросить смысл любого исторического дела-исполнения к константным бытийным началам, тем самым освобождая сознание от испытываемого пост-современностью «этического склероза: между сциентократией и постмодернизмом» [27]. Иными словами, письмо выстраивает практический разум свободно в соответствии с истонченной техникой проникновенных экзистенциальных переживаний.

Такая этика в противопоставлении с большинством предшествующих конструкций может быть названа этикой свидетельства в ее несводимости к выстроенным теориям выбора и действия. («Я еще не такой подлец, чтоб думать о морали». – В.В. Розанов). Выступая против литературности и ее влияния на «зачитавшихся», Розанов представляет предметно-вещные данности в их поименовании, словно бы возвращая их к исходной жизненной бытийности: островки-афоризмы, наброски, мерцания проверены наличностью и устойчивостью в мире. Создается пространство понимания, не впадающее в презрение к вещному миру и защищенное от произвола дурной бесконечности обозначений.

Но вернемся к словам Лосева о Розанове («Гениальный был человек, да... Ведь что наговорил...»). Актуально ли высказывание по поводу конструктивности того, что «начал Розанов» в сегодняшнем контексте? Лосев, надо думать, имел в виду не просто вроде бы совершенно очевидную измену *логосу*. Речь идет, наверно, об уже упомянутой не-теоретичности, хотя Лосев в своих художественных произведениях представлял фигуру искажающего истину субъекта-провокаатора, негативно близкую образу субъекта-свидетеля [7, с. 628–630].

Мысль Розанова в рациональном плане – топологична, в ней выстраивается актуальное присутствие и взаимодействие смыслов и позиций разных источников и времен. Можно говорить о над-противоречивости логики письма Розанова. Пространство мысли следует понимать открытым и многомерным – по Лобачевскому, которого Розанов знал и ценил.

Об отношении этого розановского пространства к современной топологии бытия, отметил В.В. Библихин, нужно думать и говорить особо [2, с. 52]. Особенно в ситуации последних лет, когда тема времени и временности смещается темой расположенности и пространства.

Интерес к этосу свидетельства актуализирован в связи с темами *неопределенности* и рефлексии субъектности – в эстетике, антропологии, медиасфере. Именно потому, что неопределенность открывает некую чистую возможность осуществления, которая утрачена или кажется полностью реализованной в предшествующих определениях. Конечно, Розанов не единственный, кто заметил наступление неопределенности и понял необходимость иметь с ней дело, но он один из немногих, кто шел навстречу проблеме.

«Уединенное» представляет открывающееся и непредсказуемое, ни к чему предварительному не сводимое. В таком понимании неопределенность более не выступает аналогом других характеристик существования – она побуждает к радикальным изменениям творчества, представлена в радикальности письма. М. Фуко, рассуждая о предельности опыта и рефлексии пишет: «Чтобы пробудить нас от сна, замешанного на диалектике и антропологии, потребовались ницшевские образы трагического и Диониса, смерти Бога и философского молота, сверхчеловека, идущими к нам воробьиными шажками, и Возвращения. ...Речь идет о том, чтобы исходя из них, дать наконец волю нашему языку» [26, с. 120]. А предельность вопрошания в творчестве Розанова идет, по его словам, в свою очередь, от глубинного переживания «чувства вины» – стремления совершенствования как утверждения.

Розанов соединяет этос письма с *бедами человеческими*. «Главная моя радость в литературе, что я донес до слуха читательского, – а там, может быть, и со временем и до слуха законодателей и закона – разные беды людские, главным образом – семейные. И как подумаешь, что вот бегут-бегут ножонки и несут в пригоршнях люди свои печали скрытые, иногда “сокровенные”, то чувствуешь и годы, и месяцы своей жизни “оправданными”» [22, с. 327]. Розанов говорит как бы из бытийной глубины («Я наименее рожденный из людей»), оттуда видит многое и у многих.

Понимание – бытийно, а по своему истоку и силе – сакрально и мистично. И с этим же свя-

зан этос свидетельства и этика, которую можно обозначить как этику события. Не только в смысле взаимности встреч предшествующих и его собственных творческих представлений и не только в смысле событийности с *другим*, приглашенным, можно сказать, вовлекаемым в письмо. Событийность состоит, во-первых, в гетерогенном взаимодействии определенных и устойчивых, схваченных письмом предметов, вещей и переживаний, представленных в своих местах бытия. Во-вторых, событийность соотносена со всем фондом ценностей и смыслов, на фоне которых она возникает. В-третьих, этика события предполагает свободную включенность в письмо, по слову Розанова, *чуткость* субъектов-читателей. В письме, оказываясь в ауре ценностей и вещей, они сохраняют свою свободу в понимании представленных свидетельств. И нужно иметь в виду, что речь не идет о виртуальной герменевтике, в представлении которой каждый вычитывает из произведения настолько «что-то свое», в результате чего утрачивается целостная определенность произведения и его смыслообразов. В этом, можно сказать, проявляется долженствование этики события – будучи вовлеченным в текст, переживая собственную антропоразмерность, человек-читатель вынужден осознавать влияние представленного события, в которое он оказывается вовлекаем собственным возникающим при чтении свидетельствованием. Важно для Розанова, что рефлексивное осмысление события происходит после того, как он его видел: «Есть затыжность души» [18, с. 156].

Розанов постоянно говорил о *семени*, его бытийности, даже о его *морали*. Это мораль за пределами императива – мораль жизненного утверждения. Мораль самосозидания, можно было бы вспомнить про «этику человеческого вида» (Ю. Хабермас), с той только принципиальной разницей, что Розанов в отличие от такой позиции, даже отстраняясь от исторической традиции веры, совершает жест *призыва* «Абсолютного свидетеля»: «Авраам призвал Бога, а я сам призвал Бога... Вот вся разница» [18, с. 140]. Морально то, что способствует жизни. Другое дело, что жизнь должна быть одухотворенной, а духовность жизненной. Еще точнее сказать: бытийность семени взращивается самим словом, природа в слове произрастает. Так произрастает пол, кровь, даже семья – только будучи вызваны из природы словом, они действительно «по-человечески» существуют.

Розанов, открывая себя, натурализуя себя в «имманентном пантеизме» (Н.А. Бердяев), создавая предельную *прозрачность* из собственной жизни и творчества, на самом деле делал себя свидетелем почти невидимым: совершенная прозрачность именно невидима. Отсюда его слова о том, что он «всегда за занавесочкой» – невидимой и непроницаемой. И другой эффект письма Розанова – *зеркальность*: письмо Розанова способно отражать все взгляды, показывая каждому его собственное отображение. «Онтологическое место субъекта» (А.К. Секацкий) письма и чтения возникает благодаря этой двойной невидимости, хотя она воспринимается как очевидная открытость. Представляя письмо, Розанов на самом деле вводит его и читателя в предельную напряженность смысла и восприятия: с одной стороны, неопределенность кажется как бы уловленной и укрощенной, а с другой – даже в очевидных данностях предстает не улавливаемой ни в каком даже самом конкретном изображении. Потому так множатся представления и повторы, что есть понимание: даже предельная множественность все равно не складывается в обобщенную картину мира или картину человека.

Розанов историзирует бытие – уже в трактате «О понимании» исследованы формы разума. Вся последующая работа письма направлена на то, чтобы, во-первых, показать, что природа существует только потому, что существует история как понимание, а во-вторых, Розанов стремится подорвать законы самой истории, обращаясь к органике. Его письмо может быть соотносено с *влажностью*: влажный стиль – «это стиль подвижный и живой, чуждый строгости и назидательности, прихотливый, чувственный», метафоры текучести в евангельском контексте получают дополнительные коннотации образа «живой воды, текущей в жизнь вечную» [4, с. 67]. Можно сказать, что Розанов постоянно осуществляет жест приближения к истине, которая открывается только тогда, когда включена в становление письма.

Но такая осознанная установка – не только эстетический или, тем более, гносеологический факт. Это знак присутствия невыразимого и неопределимого бытия, к пониманию чего стремятся жизнь и творчество. Да и образ влажности амбивалентен: с одной стороны, влажность соотносена с человечностью, а с другой стороны – способна расслаблять сознание. А.Ф. Лосев как раз и уподобил Розанова существу, бле-

стевшему именно в своей – *влажной* – среде. Извлечение и натурализация такого письма будут опасны для свидетеля, может, даже губельны. Письмо Розанова создает особый мир внимания и восприятия, не каждому субъекту дано входить в этот мир, тем более что многие как раз входить туда и не хотят. «Влажный стиль» Розанова способен гибко прокладывать себе дорогу – приспосабливается к месту, становится уместным даже в тех случаях, где это кажется совершенно невозможным, письмо вводит в закрытые и потаенные места, влажность письма соотносена со страстностью и опьяненностью любовью, гибкостью, текучестью. И дело не в самой жесткости («сухого») смысла – как раз Розанов стремился к предельной предметно-точной выразительности, а в осознании неспособности объяснить происходящее становление сухим стершимся выражением.

И вера для Розанова имеет дело с тем, что до конца никогда не становится определенным. В частности, поэтому исторические существования религий сталкиваются между собой. На самом же деле в религии происходит встреча в особом пространстве, где действует «восхождение/нисхождение» – мистические высоты дают возможность подлинного понимания человеком себя самого. И только тут – самое ближайшее и искреннее покаяние и рассуждение. Это осознание несоответствия высотам – подлинный *свидетель* соотносит себя не с тем, что налично рядом, тем самым делая себя вторичным, а с недостижимым.

Гармоническое примирение тут невозможно. Оно способно выступить как недостижимый предел – в такой понимающей устремленности побуждать возвышенное. Поэтому в возражение Бердяеву об отсутствии в философии Розанова трансцендентных устремлений можно сказать, что у Розанова другое представление о трансцендентном: это то тайное, что невидимо для большой философии и даже для большой теологии. Присутствие тайны здесь и сейчас, включенность: трансцендентное открывает себя, оставаясь вызовом и тайной.

Розанов выстраивает свободное письмо с полным осознанием того, что литература обладает надприродным измерением: автор-свидетель зараз пребывает в понуждающем событии и свободен. Рождается автор в *письме* («счастье писания – счастье рождения»). И «человек *письма*» – особое существо, «монастырь-писатель», как сказал Розанов о Н.Н. Страхове. Субъект

письма может представлять как «страдательное существо» – «не о себе только», отвечает «за всех нас». Отсюда представление о родовой природе этоса и основание для подлинного свидетельства, причем *Церковь* понята как «единственно поэтическое». *Письмо* представит как моральное усилие поименования – это та мораль, которая «раньше онтологии». Свидетельствование в письме для Розанова – свободно выстраиваемый этос: люди «во взаимном милости, ласкании», что противостоит формализму почтения, царящему вокруг религии. Вечное, спроецированное в письмо, предстает как целесообразное – письмо содержит в себе особого рода *телос*. Актуализируя проблему, Жак Деррида пишет: «Письмо как начало чистой историчности, чистой традиционности есть лишь телос истории письма, философия которой еще должна прийти» [10, с. 22]. Согласно Розанову, нужно не столько проецировать вечное на современное, сколько современное понять как проявленную бытийность. И в этом плане признание неопределенности свидетельствует о неисчерпаемости бытия, ставит важнейший для актуальной рефлексии вопрос: каков *этос* познания?

Как раз в опыте понимания с его темами *утверждения* и *силы* представления об определенности («одно»), конституируемой в понятии, будут отвергнуты. Речь пойдет об особого рода неопределенной сверхсубъективности, но не суммарного или коммуникативного порядка. Формируется другой субъект – субъект понимания положен вне-субъективно или сверх-субъективно: человеческое в человеке превосходит его отдельность, сохраняя индивидуальность. Человечность состоит в превосхождении – в создании несоизмеримой с обыденностью энергетики как особого рода бесконечной субъективности, которая имеет собственные топосы существования. В субъекте скрыта и способна развиваться возможность – это роднит человека с природой и всем миром. Возможность воображения хранит и спасает человека, включает его в понимание. В случае Розанова воображение предшествует рефлексии, оно «родом из детства», рефлексия потом только открывает его в письме. Не случайно одно из его воспоминаний названо «Мечты в щелку»: бытие не знает разделения, но посредством понимания способно впускать в себя внимание и мысль – воображающее чувство, становящееся осмысленным гордо позднее своего появления.

Ответственно самое творчество, если оно является подлинным. Поэтому речь должна идти не только о личной нравственности, но об основаниях этического вообще. Часто приводят, казалось бы, вполне определенные слова Розанова: «Я еще не такой подлец, чтобы думать о морали», но это понуждает поставить вопрос о возможностях морального поведения и его определения. Какой *этос* стремится утвердить Розанов? Это моральность ответственного утверждения жизни: здесь религиозное совмещено с этическим, человеческое устремлено к высокому во всем существующем. Даже в предельной ослабленности существования, когда дочитываются только до середины, «старость – не радость», совсем скверная жизнь и не понятно, кому она нужна, действует поверх всякой морали понимание: «Но Бог сказал: “Живи”. И вот – живешь» [24, с. 111]. Живешь, можно добавить, правдиво свидетельствуя и утверждая ценность жизни.

Письмо выступает как *другое* цельного знания. Тут выстраивается особая этика жизни, не отделенная от литературы, но к ней не сводимая. Можно сказать, что их сопоставление «эмбрионально» задано, свидетельствовать об этом существовании опасно и трудно. Но в то же время странно-приятно, можно, наверное, сказать об особого рода катарсисе свидетельствования. «И как мне приятно жить в этом задышании» (В.В. Розанов), существование как бы имманентно, но при этом и трансцендентно («Я похож на младенца в утробе матери, но которому вовсе не хочется родиться. Мне и тут тепло») [18, с. 139]. Понимание находится вне влияния, но в нем «сходятся» жизнь и смысл, экзистенция и дискурс, свобода и необходимость.

И внимание к «Апокалипсису» («чудесная пророческая книга») – интерес именно к свидетельствующей *книге*, в которой начало и конец совпадают («Как, когда только что *начиналось* все, творец его увидел и *конец*»). Свидетельство – не линейное повествование, а становящееся подобие сферы. Имманентное и трансцендентное – то, что принципиально разделил Н.А. Бердяев, взаимопроникают: письмо для самого себя является не только основанием, но тайной, жертвой и утверждением. Поддержка и спасение письма несопоставимо важнее того, что конкретно на нем исполнено, хотя каждое из исполненного важно в своем времени. О нем можно спорить, все *историческое* поддается смещению. Письмо содержит в себе все суще-

ствующие смыслы в едином пространстве соотношенности и потому не позволяет уклониться от самого процесса построения понимания.

Письмо обращено к пониманию. Розанов – философ письма. Экзистенциально это было им пережито и осознано («несу литературу как крест мой»). Письмо становится универсальной формой осуществления смысла – в этом плане постоянность «органического» у Розанова говорит о субстанциальной соотношенности органики и письма. В преодолении *исторического* Розанов близок всей традиции философии жизни, но об особенностях русской философии жизни говорит постоянная – то явная, то скрытая – полемика с Ницше. Интересно отметить, что разрабатываемая в конце XX в. тема письма направлена не против органики, а против доминанты логического – отсюда деконструктивная критика «фалло-фоно-лого-центризма».

В.В. Розанов уже в самом начале «Уединенного» писал об одновременности отстранения и связи с литературой. Казалось бы, тут проще всего говорить о конкретных ценностных решениях и жизненных переживаниях, но Розанов, возражая, выходит в пределы некоего странного «незнания добра и зла» – можно сказать, деконструктивно дает осесть самому понятию этоса. И это особенно ставит себе в заслугу, говоря о широте мысли и неизмеримости «открывающихся горизонтов». Стремится следовать чему-то *иному*, чем конкретная «истина» или «зло». Более того, открыто утверждает, что произрастающие в душе семена неясны в плодах ему самому: письмо – это совершенная невольность писания, где зло и добро были написаны и так вошли в свидетельствующее понимание. Этические вопросы, как видно, переводятся в пространство символического обмена. *Письмо* же обращает к *природе слова*: как и *понимание*, у Розанова *письмо* актуализирует соотношенность. Онтология *письма* составляет особый мир, который развивается рядом с миром жизни: это сфера утверждения. Эстетическое творчество этически фундировано, но это этика не формального предписания, а этика утверждения. Личности и лица важны, но необычайно важно «ничье», именно это родовое создает человечность. «А и в самом деле выше: как толпа “мучеников христианства”, выведенных в цирк на борьбу со львами, на сражение со львами, причем самые имена их неведомы, выше проповеди всех Апостолов, которые “глаголом жгли сердца людей”, которые если и пострада-

ли, зато – и велики. Прославлены. И вообще с них началось “новое Небо”» [25, с. 125]. Письмо своим становлением создает представление об утверждающем этосе, свидетельствование не есть дело одного только автора послания, а дело всей предшествующей любовно-понимающей энергии («...тоска народов, отчаяние пролетариата в кольцах удава буржуазии – все это в громадных словах, в дивных чеканных формулах, есть у Достоевского» [25, с. 158]). Существуя как послание, письмо-процесс никогда не может быть законченно воплощено, скорее речь может идти о принципиальной потенциальности воплощений. Поэтому сведение к наличной «авторской» современности всегда оказывается ущербным (избыточная воплощенность), соответственно не удовлетворяемое «стершейся» формой.

Письмо Розанова – доведенное до предела «*русское письмо*». Высказывание литературы о самой себе. Помогает обрести место («нашли свое место в мире», «*civis rossicus*»).

Этика творчества в некотором смысле надстраивается над высказываниями, это, если угодно, трансцендентальное измерение творчества, совсем не сводимое к психологии («душе»). Пред-полагание самой возможности высказывания. Неопределенность, но не безличность влекущей силы: одного выбирает, а другого – нет. И с «точки зрения» *письма*, которая постоянно смещается, в отношении одного и того же человека, события или переживания могут быть высказаны противоположные вещи. Так с именем, которое может быть предельно изменено интонацией или суффиксом, но ничего подобного не может быть в отношении всего поименования. *Письмо* возвращает творчество к своей мета-физической уместности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батай Ж. Внутренний опыт. СПб.: Аxiома; Мифрил, 1997.
2. Биbihин В.В. К метафизике другого // Начала. 1992. № 3. С. 52–65.
3. Биbihин В.В. К переводу «Метафизики» Аристотеля // Биbihин В.В. Слово и событие. М., 2001. С. 237–249.
4. Брагинская Н.В. Влажное слово: византийский ритор об эротическом романе. М., 2003.
5. Вульф К. Вместо предисловия: неопределенность как условие человеческой жизни // Неопределенность как вызов. Медиа. Антропология. Эстетика. СПб.: РХГА, 2013. С. 4–12.

6. Грякалов А.А. Василий Розанов. СПб.: Наука, 2017.
7. Грякалов А.А. Субъект-свидетель и утверждение жизни (взгляды вслед А.Ф. Лосеву) // Философ и его время. К 125-летию со дня рождения А.Ф. Лосева. XVI Лосевские чтения. М.: Макс Пресс, 2019. С. 314–328.
8. Грякалов А.А., Грякалова Н.Ю. В.В. Розанов: топосы схождения и логика взаимодействий // Соловьевские исследования. 2019. Вып. 2. С. 128–145.
9. Гусев С.С. Смысл возможного. Коннотационная семантика. СПб.: Алетейя, 2002.
10. Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2000.
11. Иванова Е.В. Апокалипсис литературы // Василий Васильевич Розанов / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2012. С. 98–116.
12. Лаку-Лабарт Ф. *Musica ficta* (Фигуры Вагнера). СПб.: Аxiома; Азбука, 1999.
13. Мамардашвили М.К. Необходимость себя. М.: Лабиринт, 1996.
14. Палиевский П.В. Розанов – мыслитель // Василий Васильевич Розанов / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2012. С. 22–33.
15. Паршин А.Н. Розанов и наука // Василий Васильевич Розанов / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2012. С. 180–188.
16. Перцов П.П. Воспоминания о В.В. Розанове // Перцов П.П. Литературные воспоминания 1890–1902. М., 1997. С. 258–273.
17. Подорога В.А. Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы в двух томах. Т. 1. Н. Гоголь. Ф. Достоевский. М.: Культурная революция; Логос; Logos-altera, 2006.
18. Розанов В.В. Полное собрание «опавших листьев». Кн. 1. Уединенное. М.: Русский путь, 2002.
19. Розанов В.В. Мечта в шелку // Розанов В.В. О себе и жизни своей. М.: Московский рабочий, 1990. С. 137–141.
20. Розанов В.В. Автобиография В.В. Розанова (Письмо В.В. Розанова к Я.Н. Колубовскому) // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 27. Юдаизм. Статьи и очерки 1898–1901 гг. М.; СПб.: Республика; Росток, 2009. С. 275–278.
21. Розанов В.В. Две философии (Критическая заметка) // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 25. Природа и история. Статьи и очерки 1904–1905 гг. М.; СПб.: Республика; Росток, 2008. С. 150–164.
22. Розанов В.В. Рассказ простой женщины // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 24. В чаду войны. Статьи и очерки 1916–1918 гг. М.; СПб.: Республика; Росток, 2008. С. 324–329.
23. Розанов В.В. Задумалась // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 24. В чаду войны. Статьи и очерки 1916–1918 гг. М.; СПб.: Республика; Росток, 2008. С. 141–143.
24. Розанов В.В. Из мира слепых // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 24. В чаду войны. Статьи и очерки 1916–1918 гг. М.; СПб.: Республика; Росток, 2008. С. 109–112.
25. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 12. Апокалипсис нашего времени. М.: Республика, 2000.
26. Фуко М. О трансгрессии // Танатография эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века / Сост. С.Л. Фокин. СПб., 1994. С. 113–133.
27. Lenk, H., 1996. Eurosklerose und Ethik in der Wissenschaft zwischen Szientokratie und Postmodernismus. Bemerkungen zu (un)geistigen Tendenzen der Gegenwart in der Wissenschaft. In: Salamun, K. ed., 1996. Geistige Tendenzen der Zeit: Perspektiven der Weltanschauungstheorie und Kulturphilosophie. Frankfurt a. M., pp. 43–83.

REFERENCES

1. Bataille, G., 1997. Vnutrennii opyt [Inner experience]. Sankt-Peterburg: Axioma; Mifril. (in Russ.)
2. Bibikhin, V.V., 1992. K metafizike drugogo [To the metaphysics of the other], Nachala, no. 3, pp. 52–65. (in Russ.)
3. Bibikhin, V.V., 2001. K perevodu «Metafiziki» Aristotelya [To the translation of Aristotle's Metaphysics]. In: Bibikhin, V.V., 2001. Slovo i sobytie. Moskva, pp. 237–249. (in Russ.)
4. Braginskaya, N.V., 2003. Vlazhnoe slovo: vizantiiskii ritor ob eroticheskom romane [Wet word: Byzantine rhetorician on erotic romance]. Moskva. (in Russ.)
5. Wulf, Ch., 2013. Vmesto predisloviya: neopredelennost' kak uslovie chelovecheskoi zhizni [Instead of a preface: uncertainty as a condition of human life]. In: Neopredelennost' kak vyzov. Media. Antropologiya. Estetika. Sankt-Peterburg: RKhGA, 2013, pp. 4–12. (in Russ.)
6. Gryakalov, A.A., 2017. Vasiliy Rozanov [Vasily Rozanov]. Sankt-Peterburg: Nauka. (in Russ.)
7. Gryakalov, A.A., 2019. Subekt-svidetel' i utverzhdenie zhizni (vzglyady vsled A.F. Losevu) [Subject-witness and affirmation of life (reflections after A.F. Losev)]. In: Filosof i ego vremya. K 125-letiyu so dnya rozhdeniya A.F. Loseva. XVI

- Losevskie chteniya. Moskva: Maks Press, 2019, pp. 314–328. (in Russ.)
8. Gryakalov, A.A. and Gryakalova, N.Yu., 2019. V.V. Rozanov: toposy skhozhdenni i logika vzaimodeistvii [Vasily Rozanov: the toposes of convergence and the logic of interactions], Solov'evskie issledovaniya, no. 2, pp. 128–145. (in Russ.)
9. Gusev, S.S., 2002. Smysl vozmozhnogo. Konnotatsionnaya semantika [The meaning of the possible. Connotational semantics]. Sankt-Peterburg: Aleteiya. (in Russ.)
10. Derrida, J., 2000. Pis'mo i razlichie [Writing and difference]. Moskva. (in Russ.)
11. Ivanova, E.V., 2012. Apokalipsis literatury [Apocalypse of literature]. In: Nikol'yukin, A.N. ed., 2012. Vasilii Vasil'evich Rozanov. Moskva: ROSSPEN, pp. 98–116. (in Russ.)
12. Lacoue-Labarthe, P., 1999. Musica ficta (Figury Vagnera) [Musica ficta: figures of Wagner]. Sankt-Peterburg: Axioma; Azbuka. (in Russ.)
13. Mamardashvili, M.K., 1996. Neobkhozdimost' sebya [The necessity of oneself]. Moskva: Labirint. (in Russ.)
14. Palievskii, P.V., 2012. Rozanov – myslitel' [Rozanov as a thinker]. In: Nikol'yukin, A.N. ed., 2012. Vasilii Vasil'evich Rozanov. Moskva: ROSSPEN, pp. 22–33. (in Russ.)
15. Parshin, A.N., 2012. Rozanov i nauka [Rozanov and science]. In: Nikol'yukin, A.N. ed., 2012. Vasilii Vasil'evich Rozanov. Moskva: ROSSPEN, pp. 180–188. (in Russ.)
16. Pertsov, P.P., 1997. Vospominaniya o V.V. Rozanove [Memories of Vasily Rozanov]. In: Pertsov, P.P., 1997. Literaturnye vospominaniya 1890–1902. Moskva, pp. 258–273. (in Russ.)
17. Podoroga, V.A., 2006. Mimesis. Materialy po analiticheskoi antropologii literatury v dvukh tomakh. T. 1. N. Gogol'. F. Dostoevskii [Mimesis: materials of analytical anthropology of literature in 2 volumes. Vol. 1. N. Gogol. F. Dostoevsky]. Moskva: Kul'turnaya revolyutsiya; Logos; Logos-altera. (in Russ.)
18. Rozanov, V.V., 2002. Polnoe sobranie «opavshikh list'ev». Kn. 1. Uedinennoe [Fallen leaves. Solitaria]. Moskva: Russkii put'. (in Russ.)
19. Rozanov, V.V., 1990. Mechta v shchelku [Dream through a crack]. In: Rozanov, V.V., 1990. O sebe i zhizni svoei. Moskva: Moskovskii rabochii, pp. 137–141. (in Russ.)
20. Rozanov, V.V., 2009. Avtobiografiya V.V. Rozanova (Pis'mo V.V. Rozanova k Ya.N. Kolubovskomu) [The autobiography of Vasily Rozanov (A letter from V.V. Rozanov to Ya.N. Kolubovsky)]. In: Rozanov, V.V., 2009. Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 27. Yudaizm. Stat'i i ocherki 1898–1901 gg. Moskva; Sankt-Peterburg: Respublika; Rostok, pp. 275–278. (in Russ.)
21. Rozanov, V.V., 2008. Dve filosofii (Kriticheskaya zametka) [Two philosophies (A critical note)]. In: Rozanov, V.V., 2008. Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 25. Priroda i istoriya. Stat'i i ocherki 1904–1905 gg. Moskva; Sankt-Peterburg: Respublika; Rostok, pp. 150–164. (in Russ.)
22. Rozanov, V.V., 2008. Rasskaz prostoi zhenshchiny [The story of a simple woman]. In: Rozanov, V.V., 2008. Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 24. V chadu voyny. Stat'i i ocherki 1916–1918 gg. Moskva; Sankt-Peterburg: Respublika; Rostok, pp. 324–329. (in Russ.)
23. Rozanov, V.V., 2008. Zadumalas' [Get lost in thought]. In: Rozanov, V.V., 2008. Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 24. V chadu voyny. Stat'i i ocherki 1916–1918 gg. Moskva; Sankt-Peterburg: Respublika; Rostok, pp. 141–143. (in Russ.)
24. Rozanov, V.V., 2008. Iz mira slepykh [From the world of the blind]. In: Rozanov, V.V., 2008. Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 24. V chadu voyny. Stat'i i ocherki 1916–1918 gg. Moskva; Sankt-Peterburg: Respublika; Rostok, pp. 109–112. (in Russ.)
25. Rozanov, V.V., 2000. Apokalipsis nashego vremeni [Apocalypse of our time]. Moskva: Respublika. (in Russ.)
26. Foucault, M., 1994. O transgressii [On transgression]. In: Fokin, S.L. ed., 1994. Tanatografiya erosa. Zhorzh Batai i frantsuzskaya mysl' serediny XX veka. Sankt-Peterburg, pp. 113–133. (in Russ.)
27. Lenk, H., 1996. Eurosklerose und Ethik in der Wissenschaft zwischen Szientokratie und Postmodernismus. Bemerkungen zu (un)geistigen Tendenzen der Gegenwart in der Wissenschaft. In: Salamun, K. ed., 1996. Geistige Tendenzen der Zeit: Perspektiven der Weltanschauungstheorie und Kulturphilosophie. Frankfurt a. M., pp. 43–83.

Е.М. Криволапова*

**«КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК ОБЯЗАН О СЕБЕ НАПИСАТЬ»:
К ВОПРОСУ О ЖАНРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.В. РОЗАНОВА**

В статье рассматривается вопрос о жанровой природе произведений В.В. Розанова «Уединенное», «Опавшие листья» и других, выявляется сходство этих произведений с дневниковым жанром, рассматриваются условия, которые способствовали зарождению и развитию автодокументальной литературы. Большое внимание автор уделяет жанровым критериям дневника, среди которых – синхронность, автокоммуникативность, литературная необработанность текста, датировка записей. Одна из важнейших особенностей произведений Розанова – сочетание и взаимодействие в них двух начал: художественного и документального. «История его души» переплетается с повествованием о событиях личной жизни, о своих близких и знакомых, о реалиях времени. В этом отношении книги совмещают в себе несколько жанров: это и дневник, и воспоминания, и семейные хроники. Автор приходит к выводу, что новый жанр произведений Розанова явился отражением тех тенденций, которые были характерны для русской литературы рубежа XIX – XX вв.

Ключевые слова: В.В. Розанов, дневник, жанр, жанровые критерии

«Each person must write the book of one's own life»: towards the issue of defining the genre of Vasily Rozanov's works. ELENA M. KRIVOLAPOVA (Kursk State University)

The article discusses the issue of defining the genre of such works by Vasily Rozanov as «Solitaria» and «Fallen leaves», reveals their closeness to the diary genre, and studies the conditions that contributed to the emergence and development of such auto-documentary literature. The author pays great attention to the genre criteria of a diary, among which she names synchronicity, autocommunication, lack of literary redact, and dating of entries. One of the most important features of Rozanov's works is the combination and interaction in them of two principles – artistic and documentary. «The story of his soul» is intertwined with a narrative about the events of his personal life, his relatives and friends, the realities of his time. In this respect, the books combine several genres: diary, memoirs, and family chronicles. The author concludes that the new genre of Rozanov's works was a reflection of the tendencies that were typical for Russian literature at the turn of the XXth century.

Keywords: Vasily Rozanov, diary, genre, genre characteristics

---

* КРИВОЛАПОВА Елена Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы филологического факультета Курского государственного университета.

E-mail: jelen95@mail.ru

© Криволапова Е.М., 2021

На сегодняшний день вопрос о жанре произведений В.В. Розанова является одним из дискуссионных. В научном обиходе сохраняются самые разнообразные определения: фрагментарная проза, дневниковый текст, журнально-публицистический жанр – но ни одно из них не вбирает в себя всей полноты тех смыслов, что вложил в них философ. Подобные «разночтения» проявляются на всех уровнях: от общих справочных изданий до исследовательских работ. И это вполне закономерно, поскольку сам Розанов настаивал на том, что его произведения не подходят ни под одно жанровое определение, потому что в высшей степени индивидуальны и «единичны» так же, как и он сам: «Больше этого вообще не сможет никто, если не появится *такой же*. Но, я думаю, не появится, потому что люди вообще индивидуальны» [13, с. 349].

В свое время выход «Уединенного» вызвал не только ожесточенные споры, но и полное неприятие произведения. Отторжение вызывала сама манера письма: «розановская интимность, обращенность к самому личностному» [10, с. 5], стремление к «заголению», выставлению себя в неприглядном виде, в своем почти «юрродстве». Так, например, Зинаида Гиппиус считала, что этой книге «не должно быть». В 1912 г. в пятом номере «Русской Мысли» под псевдонимом Антон Крайний она опубликует статью «Литераторы и литература», в которой о книге Розанова говорится так: «С первых же строк этой *напечатанной* книги вас охватывает страх. И не приятный страх, а смешанный с отвращением. Еще не разобрался, еще не понял, что же, собственно, тут ужасного? А первый, глубоко внутренний голос уже твердит: “Нельзя! нельзя! не должно этой книге быть!”» [4, с. 418]

Но тем не менее появление именно такой, непривычной и даже эпатажной для современников Розанова книги было вполне закономерным. Чтобы обосновать правомерность подобной точки зрения, следует обратиться к причинам, побудившим писателя к созданию произведений особого типа, до тех пор не встречавшихся в русской литературе. Прежде всего, нужно отметить, что в своем творчестве В.В. Розанов отразил все те особенности, которые были характерны для литературного процесса рубежа XIX–XX вв. Его знаменитая фраза «во мне происходит разложение литературы» означала то, что век русской классической литературы с ее демократическими устремлениями и идеалами

общественного служения подошел к своему исходу. Наступают новые времена, требующие иных форм и способов отображения действительности.

Подвергается трансформации и сама личность писателя, меняется его общественная роль, миссия «заступника», учителя, проповедника. По словам И.Л. Волгина, на рубеже XIX–XX вв. «происходит разрушение условной авторской личности (что принимается за конец литературы)» [3, с. 69], на первый план выдвигается принцип «индивидуальности». «Возможно ли было появление «Уединенного», скажем, в 1870-е гг.?» – задается вопросом исследователь и сам же отвечает: «Вопрос риторический. Общество 1870-х не было приурочено к восприятию подобной поэтики. <...> Лишь *после* Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, Вл. Соловьева, Д.С. Мережковского, А.А. Блока, после Ницше (“человеческое, слишком человеческое”) становится возможным феномен “Опавших листьев”» [3, с. 69].

Впоследствии З. Гиппиус ставила в вину Розанову его антиобщественность, равнодушие ко всякого рода «революционным потрясениям». Причиной этого, по убеждению писательницы, было «безмерно, без границ развившееся чувство личности, самости, единственности», что полностью «переродило его душу» [4, с. 418] и тем самым вызвало к жизни книгу, которой «не должно быть», т.е. «Уединенное».

Чувство «личности, самости», возобладавшее в Розанове, было показателем начавшихся изменений в культурном сознании общества и отражало процесс трансформации традиционных жанров в литературе. Следствием этого явился повышенный интерес к так называемой «литературе факта». «Эстетический слух» общества начала XX в. начинает по-иному воспринимать бытовой факт, и его значимость, весомость оцениваются как свидетельство «великого времени». Именно тогда Розанов приходит к выводу, что «писать надо с опорой на “факты”, на личный опыт и личные ощущения» [6, с. 8].

В литературной среде был хорошо известен интерес философа к «человеческим документам», в частности, к письмам. «“Литература частных писем” всегда казалась ему самою интересною и дорогою в виду того, что там находилась рукотворность человеческих дел, – отмечает В.Г. Сукач. – <...> Рукописность, он говорил, – это след человека на земле...» [17, с. 4].

Интерес к «литературе факта» аккумулировался в поистине всеобщее увлечение общества дневниковой литературой. В русской культуре начала XX в. дневник занимал особое место. Из бытового документа он превращается в литературное явление, неоднозначное, противоречивое, но при всем этом поразительно устойчивое: дневники пишутся, читаются перед широкой аудиторией, обсуждаются как художественные произведения, публикуются. Стремлением вести дневник были «охвачены» не только «приближенные» к искусству, но и те, кто по роду своей деятельности был от него весьма далек.

Исследователи часто называют Розанова «классиком дневникового жанра» [9, с. 112] или «условно дневникового жанра» [8, с. 75], и это представляется вполне обоснованным, несмотря на то, что философ нигде не упоминал о возможности ведения дневника. Тем не менее писательские установки Розанова вполне соответствовали тем, которых придерживается любой человек, стремящийся зафиксировать свою жизнь на бумаге. Объясняя в «Опавших листьях», каким образом появилось «Уединенное», Розанов замечает: «Собственно мы *хорошо знаем* – единственно себя. О всем прочем – догадываемся, спрашиваем. Но если единственная “открывшаяся действительность” есть “я”, то очевидно и рассказывай об “я” (если сумеешь и сможешь). Очень просто произошло “Уед.”» [13, с. 378].

Та же мысль, но уже в более развернутом варианте представлена Розановым и в цикле «Сахарна» («Перед Сахарной»), где он пишет: «Собственно, есть *одна книга*, которую человек обязан внимательно прочитать, – это книга его собственной жизни. <...>

Его личная жизнь – единственный новый факт, который он с собою приносит на землю. Он рождается *для своей жизни*, и его жизнь есть *дар Божий земле*. <...> “Уедин.”, собственно, каждый человек обязан о себе написать. Это есть единственное наследие, какое он оставляет миру и какое миру от него можно получить, и мир вправе его получить. “Все прочее не существенно”» [15, с. 25].

В «Уединенном», размышляя о «глубочайшей субъективности» как коренном свойстве своей натуры, Розанов записывает: «Мой афоризм в 35 лет: “Я пишу не на гербовой бумаге” (т.е. всегда можете разорвать)» [16, с. 248]. И такая позиция вполне согласуется с пози-

цией человека, ведущего дневник: он в любой момент волен приостановить свои записи, или прекратить, или вообще уничтожить. Розанов считал, что именно такая «форма письма» явится впоследствии залогом его писательского бессмертия. «Буду ли я читаем?» – спрашивает у себя Розанов в «Мимолетном». И тут же отвечает: «Я думаю, – вечно. Какая причина забыть? Никакой. “Добрый малый, который с нами беседует обо всем”. Который есть “мы”, который есть “один из нас”» [14, с. 63].

Примечательно, что через несколько десятилетий ученик В.В. Розанова Михаил Пришвин в своих дневниках будет отстаивать приоритет именно такой формы записей. Исследователи не раз обращали внимание на усвоение Пришвиным творческой манеры розановского «письма». В.А. Емельянов отмечает, что «на заключительном этапе творчества М. Пришвина (как и В. Розанов в отношении своих “опавших листьев”) приходит к осознанию того, что именно дневник как литературная форма наиболее подходит ему как писателю, что он и родился, может быть, только для того, чтобы воплотить в слове эту форму» [7, с. 26].

Но если у Розанова воплощение «быстротекущей минуты» выразилось в «культурно-архетипическом образе» опадающих листьев, по наблюдению И.А. Едошиной, обычно связываемом с итогами человеческого бытия, мимолетностью жизни [5, с. 47], то у Пришвина «проходящее мгновение действительности» художественно материализовалось в образе «капли» («Капля – это проходящее мгновение действительности...»). Его поймет тот, кто, по мнению М. Пришвина, «чувствует поэзию пролетающих мгновений повседневной жизни и страдает оттого, что сам не в силах схватить их» [12, с. 154].

Свою позицию «дневниковеда» Розанов обозначает уже в названии: «Уединенное. Почти на праве рукописи», тем самым декларируя приоритет «рукотворности», «рукописности» над «литературностью». «Дневниковые координаты» проявляются и в другой установке Розанова – «намеренном устранении выбора». По его собственным словам, это главный «метод составления» «Уединенного» и «Опавших листьев»: «Очень многие места мне было самому очень *трудно отдать в печать*, – и именно места самые интимные, нежные, а с другой стороны, места очень грубые <...>. Но я себя *принудил*. Конечно, я “выбрать” слишком сумел

бы. Но это была бы не “душа”, а “литература”» [15, с. 8].

Розанов стремится к «первообразности», к сохранению написанного в том виде, в каком оно «написалось» с первой попытки, что соответствует одному из обязательных критериев дневникового жанра. Иными словами, философ выступает против “обработки” текста, которая неизбежно сопровождает любую публикацию. Писатель, работая “на публику” (а печать неизбежно заставляет *так* работать), становится *поневоле* неискренним, вот что не дает покоя Розанову» [19, с. 597].

Синхронность как один из ведущих критериев дневникового текста соблюдается Розановым неукоснительно. В «Уединенном» и «Опавших листьях» об этом свидетельствуют многочисленные пометы («в нашей редакции», «за нумизматикой», «на улице» и т.д.), а иногда присутствует и датировка записей. Стоит отметить графические средства, свойственные дневниковым записям, которыми широко пользуется Розанов: курсив, кавычки, скобки, «шрифтовые выделения» и, конечно же, сокращения слов, создающие эффект «торопливости», когда быстро, на лету нужно зафиксировать мысль в таком виде, в каком она сформировалась в сознании человека.

Другой жанрообразующий признак дневника, зафиксированный в справочных литературоведческих изданиях, – это форма ведения записей от первого лица, что, в свою очередь, неизбежно поднимает вопрос о дневнике как особой форме автокоммуникативного текста, подразумевающего тождество автора и адресата. На это в свое время обратил внимание В.Н. Топоров: дневник «не просто интимен (интимна и исповедь), но интимность его такова, что она не предполагает читателя...» [18, с. 84]

Уже первое произведение Розанова «Уединенное» представляет собой сложную форму литературной коммуникации, отличную от дневниковой. В этой связи стоит привести мнение И. Волгина по поводу жанровой природы произведений В.В. Розанова и «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского. Анализируя способы автокоммуникации в произведениях этих писателей, исследователь приходит к выводу, что в обоих случаях это искусные жанровые имитации» [3, с. 61–62], поскольку «оба автора имеют в виду *Другого* – значительную по размеру аудиторию, которая, желает она этого или нет, воспринимает их “дневниковые усилия” именно как литературу» [3, с. 62]. Их дневниковая

форма – не более чем литературная условность, позволяющая авторам решать сугубо художественные задачи» [3, с. 63].

У Розанова композиционно-речевая структура «Уединенного» и в дальнейшем «Опавших листьев» представлена авторским монологическим словом, которое получило выражение в форме прямого авторского «я». Автокоммуникативность в произведениях такова, что читатель как бы «устраняется» – не случайно Розанов оговаривается: «Пишу ни для кого, для себя». Сложность положения, которое занимает читатель в тексте, состоит в том, что его как будто и нет согласно авторской установке, но, с другой стороны, его присутствие, пусть и недостаточно явно, но ощущается. Внешне это проявляется стилистически (например, явно ориентированные на читателя фрагменты текста, обращения к нему, «внутренние диалоги» с философами, писателями, религиозными деятелями) и во внетекстовой информации (графические выделения, например, курсив, рисунки, предваряющие или завершающие текст, или же вставленные в него).

Таким образом, несмотря на декларируемый отказ Розанова-автора от читателя, его книги содержат в себе адресованность, поскольку любой текст имеет право на существование только тогда, когда в нем есть автор-создатель и читатель-адресат. Установка Розанова на «безадресность» на самом деле есть художественный прием, так называемая провокация читателя, стремление полемизировать с ним, столкнуться с собственной точкой зрения. Но, с другой стороны, читатель для Розанова представляется не только своеобразным оппонентом, но и таким собеседником, которому можно доверить самые сокровенные мысли. Писатель не всегда доводит их до логического завершения, как бы останавливаясь на полуслове, в результате чего читатель становится участником творческого процесса, в какой-то степени соавтором.

В первых строках «Уединенного» Розанов делает весьма существенную оговорку, в которой как бы отгораживается от читателя, сводит на нет попытку установления каких бы то ни было отношений между автором и читателем – ведь Розанов «пишет для себя». Но поскольку его произведениям присущи признаки дневникового жанра («рукописность», незавершенность, субъективность), то проблема автор – читатель не снимается, а становится более явной. В любом дневнике присутствует потенциаль-

ный читатель, «косвенный адрес», к которому невольно обращается автор дневника («эффект человека у зеркала», по выражению М.М. Бахтина: «Не я смотрю изнутри *своими* глазами на мир. А я смотрю на себя глазами мира, чужими глазами...») [2, с. 241]. Произведения В.В. Розанова оказываются таким хаотично организованным читательским дневником, наполненным авторской рефлексией по поводу различных событий, происходящих в его жизни.

В то же время неправомерно утверждать, что в «Уединенном» и «Опавших листьях» личность автора не соприкасается с Другим. В этом случае скорее можно говорить о принципиальной не-ориентации Розанова на Другого, субъективности автора, которая выразилась в его стремлении мгновенно вербализовать то, что возникло у него в душе, не дожидаясь дальнейшей «обработки» мысли. Такая позиция Розанова объясняется и тем, что Другой для него (а это не только читатель, но и все общество, его мораль и т.п.) не имеет особого значения и даже где-то враждебен ему со своей деструктивной силой, уродующей личность и не дающий ей естественно развиваться.

Исследователи отмечают, что размышления В.В. Розанова соотносятся с идеями М.М. Бахтина о своеобразии саморефлексии человека диалогического типа сознания. Выразить самого себя – это, согласно Бахтину, сделать себя объектом для другого и для себя самого (первая ступень объективации). Но можно выразить и свое отношение к себе как объекту (вторая ступень объективации). При этом собственное слово становится объектным и получает второй – собственный – голос [1, с. 304–305]. «Неповторимость и уникальность Розанова состоит в том, что он не только делает себя объектом для другого и для самого себя и выражает свой взгляд на действительность, но и раскрывает отношение к себе как субъекту» [11, с. 12].

Говоря о сложном образе автора в розановских книгах, необходимо отметить, что он не поэтизирует собственное «я», а наоборот, предельно снижает. Автор – это обыкновенный, ничем не примечательный рядовой человек, имеющий много недостатков, начиная с внешнего облика и кончая характером. Так, например, в «Уединенном» Розанов рисует свой портрет, как был глядя на себя «чужими глазами» (эффект «человека у зеркала»). От описания «мизерабельного» облика он переходит к изображению своего внутреннего мира. В центре внимания –

«самосознающая душа», именно ее «жизнь» становится предметом изображения писателя. В «Уединенном» ему удастся зафиксировать тончайшие движения души и разнообразные эмоциональные состояния. Стремление Розанова к самоумалению и самоуничижению говорит о том, что автору необходимо было подчеркнуть свою «обычность», типичность – таким его легче принять читателю, легче вызвать доверие. Розанов как бы приглашает его к интимной беседе, в которой и автор, и читатель равноправны. Одна из важнейших особенностей произведений Розанова – присутствие и взаимодействие в них двух начал: документального и художественного. «История его души» переплетается с повествованием о событиях личной жизни, о своих близких и знакомых, о реалиях времени. В этом отношении книги «вбирают» в себя сразу несколько автодокументальных жанров: дневник, воспоминания, семейные хроники. Так, например, все записи в книге «Уединенное» биографичны. Исследователи считают, что это произведение может рассматриваться как семейная летопись или жизнеописание. В этом контексте не случайно название книги о Розанове В.А. Фатеева – «С русской бездной в душе. Жизнеописание Василия Розанова».

«Рукописность», декларируемая Розановым, – это ответ на вызов времени, одним из показателей которого был разрыв с эстетической традицией русской литературы и поиском новых способов отражения стремительно меняющейся действительности. Новый жанр его произведений явился отражением тех тенденций, которые были характерны для русской литературы рубежа XIX – XX вв., когда субъективный, личностный фактор выдвигается на передний план и принцип «индивидуальности» становится ведущим. В жанре, созданном В. Розановым, проявились признаки художественного сознания начала XX в. – и прежде всего стремление к разрушению жанровых границ. Отсюда «милолетность» мыслей, алогичность, отсутствие четкой структуры, фрагментарность, свойственные произведениям Розанова и ошибочно принимаемые за «конец литературы».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 297–325.

2. Бахтин М.М. «Человек у зеркала» // Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 240–241.

3. Волгин И.Л. Метаморфозы личного жанра («Дневник писателя» Достоевского и «Опавшие листья» Розанова) // Наследие В.В. Розанова и современность. Материалы Международной научной конференции. Москва. 29–31 мая 2006 г. М., 2009. С. 61–72.

4. Гиппиус З.Н. Литераторы и литература // Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 7. Мы и они. Литературный дневник. Публицистика 1899–1916 гг. М.: Русская книга, 2003. С. 414–421.

5. Едошина И.А. Структурно-семантическая природа розановских «листьев» // Энтелехия. 2005. № 11. С. 46–51.

6. Емельянов В.А. Преодоление вымысла. (О документально-психологической прозе В. Розанова). Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2007.

7. Емельянов В.А. Фрагментарная проза начала XX века. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2009.

8. Келдыш В.А. Розанов и русская литература Серебряного века // Наследие В.В. Розанова и современность. Материалы Международной научной конференции. Москва. 29–31 мая 2006 г. М., 2009. С. 73–80.

9. Михеев М.Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М.: Водолей Publishers, 2007.

10. Николюкин А.Н. Магия слова как философия. О своеобразии мирозерцания В.В. Розанова // Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. М.: Республика, 1992. С. 3–10.

11. Полюшина В.Г. Художественно-философская трилогия В.В. Розанова («Уединенное», «Опавшие листья»): образ автора и жанр: автореф. дис... канд. филол. н. Волгоград, 2005.

12. Пришвин М.М., Пришвина В.Д. Мы с тобой. Дневник любви. М.: Художественная литература, 1996.

13. Розанов В.В. Опавшие листья. Короб первый // Розанов В.В. Сочинения: в 2-х т. Т. 2. Уединенное. М.: Правда, 1990. С. 275–418.

14. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 2. Мимолетное. М.: Республика, 1994.

15. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 9. Сахарна. М.: Республика, 1998.

16. Розанов В.В. Уединенное // Розанов В.В. Сочинения: в 2-х т. Т. 2. Уединенное. М.: Правда, 1990. С. 193–274.

17. Сукач В.Г. *Enfant terrible* русской литературы // Наше Наследие. 2006. № 78. С. 2–5.

18. Топоров В.Н. Два дневника (Андрей Тургенев и Исикава Такубоку) // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 4. М., 1989. С. 78–99.

19. Федякин С.Р. Жанр, открытый В.В. Розановым // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 8. Когда начальство ушло... М.: Республика, 1998. С. 597–602.

REFERENCES

1. Bakhtin, M.M., 1986. Problema teksta v lingvistike, filologii i drugikh gumanitarnykh naukakh. Opyt filosofskogo analiza [The problem of the text in linguistics, philology and the human sciences: an essay in philosophical analysis]. In: Bahtin, M.M., 1986. *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Moskva: Iskusstvo, pp. 297–325. (in Russ.)

2. Bakhtin, M.M., 2000. «Chelovek u zerkala» [«Man at the mirror»]. In: Bakhtin, M.M., 2000. *Avtor i geroi. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk*. Sankt-Peterburg: Azbuka, pp. 240–241. (in Russ.)

3. Volgin, I.L., 2009. *Metamorfozy lichnogo zhanra («Dnevnik pisatelya» Dostoevskogo i «Opavshie list'ya» Rozanova)* [Metamorphoses of the personal genre («A writer's diary» by Dostoevsky and «Fallen leaves» by Rozanov)]. In: *Nasledie V.V. Rozanova i sovremennost'*. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva. 29–31 maya 2006 g. Moskva, 2009, pp. 61–72. (in Russ.)

4. Gippius, Z.N., 2003. *Literatory i literatura* [Men of letters and literature]. In: Gippius, Z.N., 2003. *Sobranie sochinenii*. T. 7. *My i oni. Literaturnyi dnevnik. Publitsistika 1899–1916 gg.* Moskva: Russkaya kniga, pp. 414–421. (in Russ.)

5. Edoshina, I.A., 2005. *Strukturno-semanticheskaya priroda rozanovskikh «list'ev»* [Structural and semantic nature of Rozanov's «leaves»], *Entelekhia*, no. 11, pp. 46–51. (in Russ.)

6. Emel'yanov, V.A., 2007. *Preodolenie vymysla. (O dokumental'no-psikhologicheskoi proze V. Rozanova)* [Overcoming fiction. (On the documentary psychological prose of Vasily Rozanov)]. Astrakhan: Izd. dom «Astrakhanskii universitet». (in Russ.)

7. Emel'yanov, V.A., 2009. *Fragmentarnaya proza nachala XX veka* [Fragmented prose of the early XXth century]. Astrakhan: Izd. dom «Astrakhanskii universitet». (in Russ.)

8. Keldysh, V.A., 2009. Rozanov i russkaya literatura Serebryanogo veka [Rozanov and Russian literature of the Silver Age]. In: Nasledie V.V. Rozanova i sovremennost'. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva. 29–31 maya 2006 g. Moskva, 2009, pp. 73–80. (in Russ.)
9. Mikheev, M.Yu., 2007. Dnevnik kak ego-tekst (Rossiya, XIX–XX) [Diary as an ego-text (Russia, XIX–XX centuries)]. Moskva: Vodolei Publishers. (in Russ.)
10. Nikol'yukin, A.N., 1992. Magiya slova kak filozofiya. O svoeobrazii mirosozertsaniya V.V. Rozanova [The word-magic as a philosophy. On the uniqueness of Rozanov's worldview]. In: Rozanov, V.V., 1992. Religiya. Filozofiya. Kul'tura. Moskva: Respublika, pp. 3–10. (in Russ.)
11. Polyushina, V.G., 2005. Khudozhestvenno-filozofskaya trilogiya V.V. Rozanova («Uedinennoe», «Opavshie list'ya»): obraz avtora i zhanr [The trilogy of fiction and philosophy by Vasily Rozanov («Solitaria», «Fallen leaves»): the author's image and genre], avtoreferat dissertatsii kandidata filologicheskikh nauk. Volgograd. (in Russ.)
12. Prishvin, M.M. and Prishvina, V.D., 1996. My s toboi. Dnevnik lyubvi [You and me. Love diary]. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. (in Russ.)
13. Rozanov, V.V., 1990. Opavshie list'ya. Korob pervyi [Fallen leaves. Box one]. In: Rozanov, V.V., 1990. Sochineniya: v 2-kh t. T. 2. Uedinennoe. Moskva: Pravda, pp. 275–418. (in Russ.)
14. Rozanov, V.V., 1994. Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 2. Mimoretnoe [Collected works: in 30 volumes. Vol. 2. The fleeting]. Moskva: Respublika. (in Russ.)
15. Rozanov, V.V., 1998. Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 9. Sakharna [Collected works: in 30 volumes. Vol. 9. Sakharna]. Moskva: Respublika. (in Russ.)
16. Rozanov, V.V., 1990. Uedinennoe [Solitaria]. In: Rozanov, V.V., 1990. Sochineniya: v 2-kh t. T. 2. Uedinennoe. Moskva: Pravda, pp. 193–274. (in Russ.)
17. Sukach, V.G., 2006. Enfant terrible russkoi literatury [Enfant terrible of Russian literature], Nashe Nasledie, no. 78, pp. 2–5. (in Russ.)
18. Toporov, V.N., 1989. Dva dnevnika (Andrei Turgenev i Isikava Takuboku) [Two diaries (Andrey Turgenev and Ishikawa Takuboku)]. In: Vostok – Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publikatsii. Vyp. 4. Moskva, 1989, pp. 78–99. (in Russ.)
19. Fedyakin, S.R., 1998. Zhanr, otkrytyi V.V. Rozanovym [The genre discovered by V.V. Rozanov]. In: Rozanov, V.V., 1998. Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 8. Kogda nachal'stvo ushlo... Moskva: Respublika, pp. 597–602. (in Russ.)

О.Е. Пучнина*

СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В.В. РОЗАНОВА
И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье анализируется современное состояние отечественных исследований, посвященных творческому наследию философа и публициста В.В. Розанова, в том числе – в аспекте социально-политической проблематики. Автор выделяет несколько этапов в развитии исследовательского интереса к идеям Розанова в современном розановедении конца XX – начала XXI вв.: этап становления розановедения, этап «бума» розановедческих исследований и этап научной рефлексии. В статье характеризуется специфика социально-политического творчества мыслителя и существующие сложности и ограничения его исследования, а также рассматриваются возможные причины «популярности» Розанова как мыслителя среди ученых и рядовых читателей на протяжении длительного периода времени.

Ключевые слова: В.В. Розанов, розановедение, политическая философия, консерватизм, творческий метод

The features of Vasily Rozanov's political philosophy and the issues of its study. OLGA E. PUCHNINA (Lomonosov Moscow State University)

The article analyzes the current state of Russian studies devoted to the works of philosopher and publicist Vasily Rozanov, in particular in the aspect of socio-political issues. Over the past 30 years, Rozanov's ideological heritage has become very popular among researchers from different fields – philosophers, sociologists, philologists, political scientists, etc. We can observe the existence of a separate field of research – Rozanov studies. The author identifies several stages in the development of this field in the late XXth – early XXIst centuries: the stage of the formation of Rozanov studies, the stage of the research “boom” and the stage of scientific reflection. The article points out the features of Rozanov's socio-political views and the existing difficulties and limitations of their study. The author tries to reveal the possible reasons for the «popularity» of Rozanov as a political thinker among scholars and ordinary readers for a long period of time.

Keywords: Vasily Rozanov, Rozanov studies, political philosophy, conservatism, creative method

Творческое наследие и личность В.В. Розанова, оригинального философа и яркого публициста, уже не один десяток лет представляют интерес в научной среде для исследователей

из разных областей знания – филологии, философии, психологии, политологии и т.д. После того, как в конце XX в. было издано полное собрание его сочинений, интерес академиче-

* ПУЧНИНА Ольга Евгеньевна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: srkpdv@gmail.com

© Пучнина О.Е., 2021

ского сообщества к идейному наследию Розанова значительно возрос. За последние 30 лет появилось такое большое количество научных работ, посвященных анализу разных аспектов творчества Розанова – философских, религиозных, литературных и др., что уместно говорить об отдельном направлении современных исследований – розановедении.

Одной из причин повышенного интереса к фигуре Розанова в современной науке является его удивительное «многоцветье»: в Розанове сочетались философская глубина анализа и дар яркого публицистического слова, что позволяло ему иметь оригинальный глубокий взгляд на большое количество актуальных тем и проблем. Розанов был парадоксальным мыслителем, что особенно хорошо видно при изучении его социально-политического творчества и попытке определить его собственную политическую позицию: в разные периоды и в различных работах он высказывал противоречивые, подчас противоположные суждения. Такая специфика розановского идейного наследия, с одной стороны, конечно, ограничивает возможности его окончательного изучения, с другой стороны, одновременно стимулирует исследовательский интерес к нему. Социально-политическую проблематику идейного наследия Розанова затрагивают многие ученые-розановеды, однако она все еще не разработана системно и целостно.

Безусловно, Розанов не был политическим философом в строгом смысле этого слова, с большим основанием его можно назвать религиозным философом. Тем не менее о нем как об оригинальном политическом мыслителе можно говорить с точки зрения определенной исследовательской оптики, поскольку свой взгляд на многие политические проблемы он, безусловно, имел и отражал его в многочисленных публицистических работах. Так, в статьях и сборниках Розанова можно найти рассуждения о причинах и перспективах революции, войны, терроризма, сущности государства, бюрократии, либерализма, социализма и т.д.

И, конечно, для исследователя велико искушение систематизировать его социально-политические воззрения, привести их к какому-то общему знаменателю, вписать Розанова в конкретную идеологическую традицию. Однако можно сказать, что сам Розанов принципиально противостоит попыткам его идентифицировать. Он высказывался часто, по-разному, почти по любому поводу. Широко известна и показатель-

на в этом отношении позиция самого мыслителя, который считал, что «нужно разрушить политику... Нужно создать аполитичность... Перепутать все политические идеи... Сделать “красное – желтым”, “белое – зеленым”, “разбить все яйца и сделать яичницу”...» [10, с. 165–166]. А потом к этому добавлял: «Вот и поклонитесь все “Розанову” за то, что он, так сказать, “расквасив” яйца разных курочек, – гусиное, утиное, воробьиное – кадетское, черно-сотенное, революционное, – выпустил их “на одну сковородку”, чтобы нельзя было больше разобрать “правого” и “левого”, “черного” и “белого” – на том фоне, который по существу своему ложен и противен... “удача” моя заключается в том, что я в самом деле не умею здесь различать “черного” и “белого”...» [10, с. 239].

С точки зрения не слишком добросовестного исследователя, это даже в некоторой степени «удобно»: выдержки и цитаты из розановских произведений можно подобрать таким образом, чтобы доказать конкретную исследовательскую гипотезу. Например, объявить Розанова ярким антисемитом (он, действительно, много критиковал еврейский народ и религию иудаизма, но многим и восхищался, ставил в пример и т.д.), националистом, монархистом и пр.

С другой стороны, если более комплексно смотреть на социально-политическое творчество Розанова, становится очевидной невозможность применения к нему черно-белого похода, сложность его классификации и определения. Он сам неоднократно подчеркивал это: «Господа, – можно иметь все убеждения, принадлежать ко всем партиям... притом совершенно искренне! чистосердечно!! до истерики!!! В то же время не принадлежа и ни к одной и тоже “до истерики”» [12, с. 201]. Поэтому неудивительно, что в современном научном дискурсе за Розановым как социально-политическим мыслителем давно закрепились такие определения как «нетипичный», «парадоксальный», «антиполитичный», «непричесанный», «неоднозначный».

Однако можно сказать, что за последние тридцать лет активного изучения разных аспектов творчества Розанова в среде современных исследователей-розановедов тем не менее установился некоторый консенсус относительно местоположения философа в политическом спектре отечественной интеллектуальной истории. Розанов признан, оценен, полноправно вписан в общую логику развития русской со-

циально-политической мысли, и подавляющее большинство ученых относят его к консервативному идейному направлению, хотя и с некоторыми более специфическими пометками. Некоторые авторы говорят о консервативно-монархических взглядах Розанова [18; 27], о близости его позиции идеям славянофильства [4; 20] и почвенничества, или даже об особой форме розановского консерватизма с элементами других политических идей [8].

Можно сказать, что это закономерный итог достаточно длительного и глубокого анализа творчества и личности Розанова, который позволил проникнуть глубже первого наиболее очевидного уровня анализа противоречивых высказываний мыслителя на злобу дня и реконструировать общие мировоззренческие установки и ориентации Розанова. Более того, для современных исследователей очевидна внутренняя идейная целостность, последовательность и даже принципиальность Розанова при всей внешней противоречивости. Сегодня уже никто не назовет Розанова, например, либералом или лицемером, который не имеет собственного мнения, однако такое восприятие фигуры Розанова имело место не только в XX в. [1; 6; 19; 21], но и еще относительно недавно [15].

Вообще конец XX – начало XXI вв. характеризовались большим всплеском сначала исследовательского, а затем и обывательского интереса к творчеству Розанова, который стал даже «модным» [16, с. 4]. автором. В современном розановедении можно проследить определенные этапы развития. Так, условно можно выделить период становления, начавшийся с 1990-х гг., когда происходил процесс «открытия» Розанова для широкой публики: глубокое изучение розановской биографии, подготовка к изданию полного собрания сочинений, публикация большого числа научных работ, которые сформировали образ Розанова [7].

Следующий этап, который условно можно ограничить периодом с 2000-х по середину 2010-х гг., был самым плодотворным с точки зрения количества и разнообразия исследований, посвященных творчеству Розанова. «Пик» розановедения был обусловлен тем, что наконец было опубликовано сразу несколько изданий собрания сочинений Розанова, проводились специализированные розановедческие научные конференции, вышла в свет фундаментальная «Розановская энциклопедия» [14], в Костроме

издавался научный журнал «Энтелехия», посвященный творчеству Розанова и о. П. Флоренского.

Наконец, сегодня, когда рост числа новых публикаций о творчестве Розанова замедлился, очевиден следующий этап в развитии розановедческих исследований – этап определенной научной рефлексии, подведения итогов розановедения и закрепления фигуры Розанова и его творчества в общественно-культурной парадигме России [24]. О неизменной популярности фигуры Розанова свидетельствует и большое количество видеолекций и программ на тему его биографии и творчества. Телеканал «Культура» выпустил две передачи о жизни и творчестве Розанова [25; 26]. В 2019 г. состоялся историко-методологический семинар «Русская мысль», организованный Русской христианской гуманитарной академией, который был посвящен теме «Современен ли В.В. Розанов? К 100-летию смерти философа». Все эти материалы также показывают, что интерес к личности и творчеству Розанова не угас и современное розановедение продолжает развиваться.

В этом отношении интересно порассуждать о том, в чем же секрет неизменной привлекательности Розанова для современного читателя. Представляется, что можно найти минимум три причины, которые выделяют Розанова среди других отечественных мыслителей, делая его идеи интересными и «созвучными» современным проблемам. Прежде всего, это глубина, психологизм работ Розанова и короткая «дистанция» с читателем. Розанова не зря называют первооткрывателем новой художественной формы, литературно-философского жанра – «жанра интимной афористической прозы» [22, с. 15]. Исповедальный характер большинства его произведений составляет существенную черту творческого гения Розанова. «Поток сознания» он сделал своим литературным принципом, основой всего творчества. Его знаменитая трилогия («Уединенное» и два короба «Опавших листьев») была попыткой запечатлеть непрерывно изливающиеся из души «восклицания, полу-мысли, полу-чувства» [13, с. 19], которые сошли с души прямо, без переработки, без всего постороннего. Понятно, что такой подход как нельзя более близок нашей эпохе интернета, стиль «LiveJournal» и «Twitter» столетней давности у Розанова, насыщенный жалобами, остротами, шутками, критикой и размышлениями, читается легко и доступно [2; 5].

Второй причиной сохраняющегося интереса к творческому наследию Розанова можно назвать действительно богатую палитру общественно значимых тем и острых проблем, которые затронул Розанов в своей публицистике. Почти по всем, казалось бы, современным нам в XXI в. проблемам можно найти комментарий или рассуждение у Розанова, и в этом отношении его разрозненное, но разноплановое творчество выглядит как универсальная мозаика, бесконечная интеллектуальная забава, которая позволяет обращаться к философу прошлого за ответом на вызовы сегодняшнего дня. Понятно, что каждое настоящее имеет свое прошлое, темы, которые в большей или меньше степени отражают актуальные социальные процессы и явления. В 1990-х гг. исследовательский интерес розановедов относительно социально-политической проблематики был сосредоточен на его отношении к монархии, революции и социализму. В начале 2000-х гг. выходило много работ, посвященных национальной идее у Розанова, пониманию мессианства и национального вопроса, критике терроризма. В последнее время все чаще встречаются публикации о женском вопросе и Розанове как первом «феминисте», его понимании пола в контексте современной теории гендера, феномене блоггерства и т.д.

Стоит сказать, что, вероятно, самому Розанову это бы не понравилось, поскольку ему было принципиально чуждо обыденное человеческое стремление расставлять акценты, все «окрасить», определить и тем «самоуспокоиться». В этом отношении все наши исследования вокруг Розанова ему не нужны, зато Розанов нужен нам сегодня, как никогда прежде. Потому что еще одной и очень важной причиной востребованности идей Розанова сегодня является мощный воспитательный эффект его творчества, причем не в смысле морально-нравственного совершенства, а в смысле методологии анализа любой проблемы. Общеизвестно, что исторически меняются цели и функции гуманитарной науки, сегодня от нее уже не ждут готовых и окончательных ответов, истины в последней инстанции. Главной задачей социально-гуманитарного знания в условиях все более ускоряющегося развития мира и научно-технологического прогресса является постановка новых и проблемных вопросов. По меткому выражению Х.У. Гумбрехта, единственное, что могут сделать интеллектуалы в наше время – это заняться рискованным мышлением [3, с. 242].

Именно этому нас и учит Розанов, он предлагает новую систему этических координат – нет одного верного взгляда на проблему. Для мыслителя главным являлось не дать готовые ответы, а правильно поставить вопросы. Более того, Розанов отказывается принципиально гармонизировать противоречивость жизни. Истина для него существует, но она неисповедима, скрыта от прямого, научно-рационального исследования, и ее можно лишь нащупать многократными касаниями с разных сторон [23, с. 466–467]. Хотя сам Розанов отдавал себе отчет в том, что такой подход к осмыслению реальности имеет объективные сложности: «Есть вещи в себе диалектические, высвечивающие (сами) и одним светом и другим, кажущиеся с одной стороны так, и с другой – иначе. Мы, люди, страшно несчастны в своих суждениях перед этими диалектическими вещами, ибо страшно бессильны. “Бог взял концы вещей и связал в узел – неразвязываемый”. Распутать невозможно, а разрубить – все умрет. И приходится говорить: “Синее, белое, красное”. Ибо все – есть» [11, с. 450].

К мыслителю как нельзя лучше подходят слова героя произведения «Сон смешного человека» Ф.М. Достоевского о том, что он не просто «видел» истину, но «ощущал» ее. Можно с уверенностью сказать, что Розанов обладал развитой исторической интуицией, этим он и интересен нам сегодня, и в этом он сам видел собственную уникальность:

« – Страшно и как-то безнадежно для читателя... Где же истина?

– В полноте всех мыслей. Разом. Со страхом выбрать одну. В колебании.

– Неужели же в колебании – принцип?

– Первый в жизни. Единственный, который тверд. Тот, которым цветет все и все – живет. Наступи-ка устойчивость – и мир закаменел бы, заледенел» [9].

Душевное самообнажение Розанова не имеет цели кого-либо в чем-то убедить. А.Д. Синявский отмечал тонкость розановской стилистики: «Розанову не надо было, чтобы люди, читая его книги, меняли бы свои взгляды на его жизнь. Но он хочет изменений как бы в самом составе, в структуре души читателей ... У читательской души вырастет ухо и появятся ноздри в том случае, если на нее подействовать именно в этом направлении» [17, с. 475].

Стоит сказать, что актуальность и «вневременность» розановского литературно-публици-

стического и философского наследия характеризуется в первую очередь особым творческим гением Розанова, ярко выразившимся как в содержании, так и в форме и жанре его работ. Интимность, откровенность, психологизм, внимание к обыденному в сочетании с фундаментальными теоретическими проблемами, противоречивость высказываемых суждений как принцип, констатация многообразия мира и невозможности окончательных оценок являются, несмотря на сложность анализа, залогом неизменной привлекательности и почти «неисчерпаемости» смыслов для читателей и исследователей. Такой розановский «метод» постижения социально-политической реальности, будучи созвучным особенностям самой человеческой психологии, максимально нивелирует границу между читателем и автором и позволяет, не упрощая реальность сведением к простым формулам, глубже заглянуть в суть рассматриваемых проблем во всем их многообразии и комплексности.

Таким образом, Розанов остается привлекательным для изучения сегодня именно как мыслитель с характерным особым творческим методом, смещающим привычные акценты при рассмотрении политических проблем. Талант Розанова проявился именно в постановке насущных жизненных проблем, как в общественной, политической, так и в частной сферах. Вопрос для мыслителя являл олицетворение самого процесса жизнетворчества, его не зря считают гениальным «вопрошателем». Ответ же всегда представлялся ему как нечто далекое от насущного бытия. Тем не менее, проблемы и вопросы, поднятые им более ста лет назад и особенно в политической сфере, сегодня получили свое развитие, и их изучение представляется в настоящий момент, несомненно, важным и актуальным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Василевский И.М. [Фортунатов Л.] Гнилая душа. Новая книга В.В. Розанова // Журнал журналов. 1915. № 15.
2. Голубкова А.А. Василий Розанов как первый русский блогер // Волга. 2016. № 9. С. 248–251.
3. Историки в поисках новых перспектив. Коллективная монография / Под ред. З.А. Чеканцевой. М.: Аквилон, 2019.
4. Ломоносов А.В. Политические ориентиры В.В. Розанова // Наследие В.В. Розанова и со-

временность. Материалы Международной научной конференции. Москва. 29–31 мая 2006 г. М., 2009. С. 569–573.

5. Маслин М.А. Первый русский блогер до эпохи интернета. Еще раз о рукописности философии Василия Розанова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18. № 2. С. 104–112.

6. Пешехонов А.В. Бесстыжее светило, или Изобличенный двурушник // Русские ведомости. 1910. 2 декабря.

7. Полюшина В.Г., Смирнова А.И. Современное розановедение // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8. Литературоведение. Журналистика. 2003. № 3. С. 137–144.

8. Пучнина О.Е. Политическое мировоззрение В.В. Розанова // Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: В.В. Розанов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2018. С. 7–173.

9. Розанов В.В. Литературные и политические афоризмы // Новое время. 1910. 25 ноября.

10. Розанов В.В. Опавшие листья. М.: АСТ, 2004.

11. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 8. Когда начальство ушло... М.: Республика, 1998.

12. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 30. Листва. М.; СПб.: Республика; Ростов, 2010.

13. Розанов В.В. Уединенное. Опавшие листья. Апокалипсис нашего времени. Статьи о русских писателях. М.: Слово, 2001.

14. Розановская энциклопедия / Под ред. А.Н. Николукина. М.: РОССПЭН, 2008.

15. Савенко Ю.С. Апология В.В. Розанова – тревожное общественное явление // Независимый психиатрический журнал. 2007. № 1. С. 75–76.

16. Сарычев Я.В. Творчество В.В. Розанова 1900–1910-х годов: феноменология религиозных и художественно-эстетических исканий. Липецк: ЛГПУ, 2007.

17. Синявский А.Д. С носовым платком в Царствие Небесное // В.В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество В. Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Кн. 2. СПб.: РХГИ, 1995. С. 444–478.

18. Скиперских А.В. Политические институты в текстах Василия Розанова: критика и смиренность // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2016. № 3. С. 258–265.

19. Струве П.Б. Большой писатель с органическим пороком. Несколько слов о В.В. Розанове // Русская мысль. 1910. № 11.

20. Тесля А.А. «Славянофилы», «славянофильство» и В.В. Розанов: заметки к теме // Тетради по консерватизму. 2019. № 4. С. 113–123.

21. Троицкий Л.Д. Литература и революция. М., 1923.

22. Фатеев В.А. Публицист с душой метафизика и мистика // В.В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество В. Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Кн. 1. СПб.: РХГИ, 1995. С. 5–36.

23. Фатеев В.А. С русской бездной в душе: Жизнеописание Василия Розанова. СПб.; Кострома: ГУИПП «Кострома», 2002.

24. Фокин П.Е. Серебряный век. Портретная галерея культурных героев рубежа XIX–XX вв.: в 3-х т. М.: Пальмира. 2017.

25. Цикл передач «Больше, чем любовь». Эпизод «Василий Розанов и Варвара Бутягина». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FFhXD6RUhDA>

26. Цикл передач «“Игра в бисер” с Игорем Волгиным». Эпизод «В.В. Розанов. “Уединенная проза”». URL: https://www.youtube.com/watch?v=NitHuI4yg_I

27. Шульгин В.Н. Русский пророк-консерватор Розанов // Золотой лев. Издание русской консервативной мысли. 2006. № 97–98.

REFERENCES

1. Vasilevskii, I.M. [Fortunatov, L.], 1915. Gnilaya dusha. Novaya kniga V.V. Rozanova [Rotten soul. A new book by V.V. Rozanov], Zhurnal zhurnalov, no. 15. (in Russ.)

2. Golubkova, A.A., 2016. Vasiliy Rozanov kak pervyi russkii blogger [Vasily Rozanov as the first Russian blogger], Volga, no. 9, pp. 248–251. (in Russ.)

3. Chekantseva, Z.A. ed., 2019. Istoriki v poiskakh novykh perspektiv [Historians in search of new perspectives]. Moskva: Akvilon. (in Russ.)

4. Lomonosov, A.V., 2009. Politicheskie orientiry V.V. Rozanova [Vasily Rozanov's political guidelines]. In: Nasledie V.V. Rozanova i sovremennost'. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva. 29–31 maya 2006 g. Moskva, 2009, pp. 569–573. (in Russ.)

5. Maslin, M.A., 2017. Pervyi russkii blogger do epokhi interneta. Eshche raz o rukopisnosti filosofii Vasiliya Rozanova [The first Russian blogger before the Internet era. Once again about

the handwriting of Rozanov's philosophy], Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii, Vol. 18, no. 2, pp. 104–112. (in Russ.)

6. Peshekhonov, A.V., 1910. Besstyzhnee svetilo, ili Izoblichennyi dvurushnik [The shameless luminary, or The unmasked double-dealer], Russkie vedomosti, December 2. (in Russ.)

7. Polyushina, V.G. and Smirnova, A.I., 2003. Sovremennoe rozanovedenie [Modern Rozanov studies], Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8. Literaturovedenie. Zhurnalistika, no. 3, pp. 137–144. (in Russ.)

8. Puchnina, O.E., 2018. Politicheskoe mirovozzrenie V.V. Rozanova [Rozanov's political worldview]. In: Russkaya sotsial'no-politicheskaya mysl' XIX – nachala XX veka: V.V. Rozanov. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta, 2018, pp. 7–173. (in Russ.)

9. Rozanov, V.V., 1910. Literaturnye i politicheskie aforizmy [Literary and political aphorisms], Noye vremya, November 25. (in Russ.)

10. Rozanov, V.V., 2004. Opavshie list'ya [Fallen leaves]. Moskva: AST. (in Russ.)

11. Rozanov, V.V., 1998. Sbranie sochinenii: v 30-ti t. T. 8. Kogda nachal'stvo ushlo... [Collected works: in 30 volumes. Vol. 8. When the authorities left...]. Moskva: Respublika. (in Russ.)

12. Rozanov, V.V., 2010. Sbranie sochinenii: v 30-ti t. T. 30. Listva [Collected works: in 30 volumes. Vol. 30. Leaves]. Moskva, Sankt-Peterburg: Respublika; Rostok. (in Russ.)

13. Rozanov, V.V., 2001. Uedinennoe. Opavshie list'ya. Apokalipsis nashego vremeni. Stat'i o russkikh pisatelyakh [Solitaria. Fallen leaves. Apocalypse of our time. Articles about Russian writers]. Moskva: Slovo. (in Russ.)

14. Nikolyukin, A.N., ed., 2008. Rozanovskaya entsiklopediya [Rozanov encyclopedia]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

15. Savenko, Yu.S., 2007. Apologiya V.V. Rozanova – trevozhnoe obshchestvennoe yavlenie [V.V. Rozanov's apology – an alarming social phenomenon], Nezavisimyi psikhiatricheskii zhurnal, no. 1, pp. 75–76. (in Russ.)

16. Sarychev, Ya.V., 2007. Tvorchestvo V.V. Rozanova 1900–1910-kh godov: fenomenologiya religioznykh i khudozhestvenno-esteticheskikh iskanii [Vasily Rozanov's work in the 1900s and 1910s: the phenomenology of religious and artistic-aesthetic search]. Lipetsk: LGPU. (in Russ.)

17. Sinyavskii, A.D., 1995. S nosovym platkom v Tsarstvie Nebesnoe [With the handkerchief to

the Kingdom of heaven]. In: V.V. Rozanov: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo V. Rozanova v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei. Antologiya. Kn. 2. Sankt-Peterburg: RKhGI, 1995, pp. 444–478. (in Russ.)

18. Skiperskikh, A.V., 2016. Politicheskie instituty v tekstakh Vasiliya Rozanova: kritika i smirennost' [Political institutions in the texts of Vasily Rozanov: criticism and humility], Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy, no. 3, pp. 258–265. (in Russ.)

19. Struve, P.B., 1910. Bol'shoi pisatel' s organicheskim porokom. Neskol'ko slov o V.V. Rozanove [A great writer with an organic vice. A few words about Vasily Rozanov], Russkaya mysl', no. 11. (in Russ.)

20. Teslya, A.A., 2019. «Slavyanofily», «slavyanofil'stvo» i V.V. Rozanov: zametki k teme [«Slavophiles», «Slavophilia» and Vasily Rozanov: notes on the topic], Tetradi po konservatizmu, no. 4, pp. 113–123. (in Russ.)

21. Trotsky, L.D., 1923. Literatura i revolyutsiya [Literature and revolution]. Moskva. (in Russ.)

22. Fateev, V.A., 1995. Publitsist s dushoi metafizika i mistika [Publicist with the soul of metaphysics and mysticism]. In: V.V. Rozanov: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo V. Rozanova v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei.

Antologiya. Kn. 1. Sankt-Peterburg: RKhGI, 1995, pp. 5–36. (in Russ.)

23. Fateev, V.A., 2002. S russkoi bezdnoi v dushe: Zhizneopisanie Vasiliya Rozanova [With the Russian abyss in the soul: Biography of Vasily Rozanov]. Sankt-Peterburg; Kostroma: GUIPP «Kostroma». (in Russ.)

24. Fokin, P.E., 2017. Serebryani vek. Portretnaya galereya kul'turnykh geroev rubezha XIX–XX vv.: v 3-kh t. [Silver age. Portrait gallery of cultural heroes at the turn of the 19th and 20th centuries: in 3 vols.]. Moskva: Pal'mira. (in Russ.)

25. Tsikl peredach «Bol'she, chem lyubov'». Epizod «Vasilii Rozanov i Varvara Butyagina» [The series of programs «More than love». Episode «Vasily Rozanov and Varvara Butyagina»]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FFhXD6RUhDA> (in Russ.)

26. Tsikl peredach «“Igra v biser” s Igorem Volginym». Epizod «V.V. Rozanov. “Uedinennaya proza”». [The series of programs «“The glass bead game” with Igor Volgin». Episode «V.V. Rozanov. “Solitary prose”»]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=NitHuI4yg_I (in Russ.)

27. Shul'gin, V.N., 2006. Russkii prorok-konservator Rozanov [Russian conservative prophet Rozanov], Zolotoi lev. Izdanie russkoi konservativnoi mysli, no. 97–98. (in Russ.)

Л.Э. Заварзина*

ОБРАЗ УЧИТЕЛЯ И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В ОЦЕНКЕ В.В. РОЗАНОВА

В статье рассматривается портрет отечественного учителя конца XIX – начала XX вв., представленный в публикациях В.В. Розанова. Сформировать представление о типичном образе педагога, многие черты которого не утратили актуальности и сегодня, философ смог в том числе благодаря собственному опыту преподавания в российских гимназиях. Автор обращается к изучению вопроса о том, какое значение придавал Розанов личности учителя в развитии системы школьного образования, а также приводит рекомендации философа, выполнение которых, по его мнению, должно было изменить отношение к учителю как государства, так и общественности.

Ключевые слова: В.В. Розанов, учитель, школа, философия образования

The image of teacher in the works of Vasily Rozanov. LYUBOVE. ZAVARZINA
(Voronezh State Pedagogical University)

The article examines the portrait of a Russian teacher of the late XIXth – early XXth centuries, presented in the publications of Vasily Rozanov. The philosopher was able to draw a vivid image of a typical schoolteacher, many of whose features have not lost their relevance today, in part due to his own teaching experience in Russian gymnasiums. The author turns to the study of the question of what importance Rozanov attached to the personality of a teacher in the development of the school education system and lists the philosopher's recommendations, the implementation of which, in his opinion, should have changed the attitude of both the state and the public towards teacher.

Keywords: Vasily Rozanov, teacher, school, philosophy of education

Чаще всего исследователи многогранного творчества В.В. Розанова называют его глубоким и оригинальным мыслителем, ярким и страстным публицистом, «все видящим» литературным критиком, незаурядным писателем, плодовитым автором, избравшим для освещения много разнообразных тем, касающихся прежде всего литературы, религии, семьи, государства и права. Однако нередко в стороне остается еще одна тема, которой В.В. Розанов был верен на протяжении всей творческой жизни,

– педагогическая. После многих десятилетий забвения В.В. Розанова, обусловленного идеологическими причинами, наши современники только начинают открывать для себя этого автора. Неудивительно, что современное российское учительство в своем большинстве не знает В.В. Розанова-педагога. Но более поразительно то, что даже представители научной мысли порой скептически относятся к этой ипостаси автора «Уединенного» и «Опавших листьев». Возможно, определенную нега-

* ЗАВАРЗИНА Любовь Эллиевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей педагогики гуманитарного факультета Воронежского государственного педагогического университета.

E-mail: lyubovzavarzina@mail.ru

© Заварзина Л.Э., 2021

тивную роль в этом сыграла книга «Розанов» А.Н. Николукина, крупнейшего исследователя жизни и творчества русского философа, главного редактора «Розановской энциклопедии», изданная в серии «ЖЗЛ»: в ней совершенно не освещена педагогическая деятельность Розанова и не проанализированы его педагогические взгляды [9]. Вместе с тем в творческом наследии В.В. Розанова вопросы образования, педагогики, целей воспитания, взаимоотношений семьи и школы и многие другие, относящиеся в широком плане к педагогическим, занимают заметное место.

Такое внимание к проблемам воспитания и образования объясняется прежде всего фактами биографии мыслителя. Как известно, интеллектуальная история немислима без биографического анализа. В.В. Розанов, оставшись в 14 лет круглым сиротой, воспитывался в семье старшего брата Николая, работавшего учителем сначала в Симбирской, затем Нижегородской гимназии, а впоследствии возглавлявшего прогимназию в Белом Смоленской губернии и гимназию в Вязьме. О нем с искренней благодарностью вспоминали как гимназисты, так и коллеги. В.В. Розанов после смерти брата писал, что всегда стремился определить «источник его замечательных успехов как педагога». Этим источником, полагал мыслитель, были «внутренняя правота, светлая вера в будущее, доверие, уважение к настоящему» [13, с. 321]. В красноречивом отзыве чиновника казначейства г. Белого содержится справедливая оценка деятельности директора прогимназии Николая Васильевича Розанова, который «не заставил плакать ни одного родителя, не погубил судьбы ни одного ученика», а за 13 лет его службы «не было в прогимназии ни одного случая исключения» [13, с. 321].

Таким образом, еще подростком, в период обостренной восприимчивости к любой информации, В.В. Розанов был свидетелем, а может быть, и участником профессиональных разговоров, которые, конечно же, велись в семье брата. Тематами бесед, разумеется, были проблемы отечественного образования, в частности, Симбирской и Нижегородской гимназий, ее учителей и учащихся. С другой стороны, взгляды брата, его деятельность и в должности учителя, и в должности руководителя учебных заведений явились для Василия Розанова позитивным примером замечательного педагога, представлявшего немногочисленную дружину «русских

учителей, в руках которой просвещение подрастающих поколений» [13, с. 323].

Не следует забывать и о двенадцатилетнем учительском опыте, приобретенном В.В. Розановым в учебных заведениях Брянска, Ельца, Белого Смоленской губернии, где он имел возможность наблюдать деятельность школы изнутри, делать «зарисовки» учителей, чтобы впоследствии представить российскому образованному обществу типичный портрет отечественного учителя. Мыслитель, в частности, отмечал, что ему пришлось жить среди молодых и старых учителей, «с различным прошлым, с неодинаковым темпераментом и складом ума и характера», и поэтому он имеет право высказывать свое мнение о российском учителе в целом. Его размышления, посвященные учителю, специфике его труда, взаимоотношениям с администрацией школы, учащимися, их родителями, обществом, содержатся в статьях «Афоризмы и наблюдения», «Педагогические трафаретки», «Беспочвенность русской школы» и многих других. Не лишены раздумий автора над этими вопросами и его книги «Уединенное», «Опавшие листья», «Русский Нил».

В.В. Розанов высоко оценивал деятельность учителя, он справедливо полагал, что «школа – это только и всецело учитель; учитель – во-первых, учитель – во-вторых, учитель – в-третьих, и только в-четвертых еще что-нибудь» [13, с. 792]. Однако, несмотря на столь важную роль, которую учитель играет как в школе, так и в целом в образовании будущих поколений, его значимость недооценивается государством. В результате, заключал В.В. Розанов, «в деле педагогики мы идем гигантскими шагами назад. Цветет формализм – тускнеет молодежь в школе; развивается система – суживается, сморщивается до уродства, до “нет” учитель...» [13, с. 821].

Труд учителя чрезвычайно сложен, специфичен, его субъект испытывает не физическую усталость, а *психическое изнеможение* (заметим, современные психологи называют это эмоциональным выгоранием). Неслучайно сроки выслуги пенсии в Министерстве народного просвещения равнялись 25 годам работы учителя, служащим же других министерств и ведомств следовало иметь 35-летний стаж для получения пенсии. Кроме того, В.В. Розанова удивил тот факт, что у учителя, как кожа и мускулы у рабочего на фосфорной фабрике, «ранее всего атрофируется то именно, чем он

обращен к предмету труда своего – душа, ум, целый психический строй», то, без чего он не может выполнять свои профессиональные задачи: «оказывать беспрерывное, ежеминутное и самое утонченное внимание к нуждам сотен и сотен образующихся юных существ» [13, с. 738]. Хотя у представителей других профессий сохраняются здоровыми и деятельными именно те органы, которые наиболее важны для данного вида труда: у охотника – ноги и глаза, у мыслителя – ум.

В.В. Розанов констатировал, что в стране есть общества, оказывающие помощь заключенным в тюрьмах, животным, но нет никого, кто бы проявил заботу об учителе. Между тем представители этой профессии более других образованны, гуманны, благожелательны, но преждевременно искалечены, поскольку уже на 12-м, реже на 16-м – 18-м году своей деятельности становятся инвалидами, нуждающимися в заботе о себе. Общество часто с презрением относится к этим несчастным людям, не имеющим никаких внешних атрибутов страдания, «кроме одного, впрочем, но зато общего, лежащего уже на всех: выражения их лица, их движений, манеры держать себя и говорить» [13, с. 738]. Понурая фигура учителя, с рассеянным взглядом, не стремящаяся радостно приблизиться к обществу, всеми узнаваема. «Учитель для всех странен, всегда и для всех чужд. Живой, беззаботный смех – вот чего никогда, ни в каком состоянии вы не услышите от учителя <...> Он все может *изложить*, но никогда – *рассказать* анекдот. Никогда и никого он не заразит весельем, и даже не оживит, разве – займет несколько. Разговор, если только он не с человеком наедине, а среди общества, уже пугает его самою своею возможностью. По-видимому, он может только научать или выслушивать, и все остальные его способности, умения, – атрофированы» [13, с. 738]. Однако эта характеристика учителя далеко не полная. В.В. Розанов писал, что в огромном большинстве учителя – люди «с чрезвычайно тонким душевным развитием, с талантами, с позывами к научному мышлению и изучению и, что несравненно важнее этого, – душевно чистые». Среди них, особенно заброшенных в глухую провинцию, можно встретить тех, кто начинал серьезно заниматься музыкой, живописью, переводами. В случайном, уединенном разговоре с учителем можно заметить «бездну еще не замерзшего интереса к жизни, далекой, чужой,

ему ненужной жизни»; иной раз случайно можно узнать о помощи, которую учитель оказывал бедному ученику или его семье. И вот эти люди, заключал Розанов, интересные, душевные порознь, в совокупной своей деятельности являются в таких чертах, что ненавидимы учениками, городом; вредны семье, церкви; но даже более, «нежели ненавидимы, – презираемы всюду и всегда, и это знают» [13, с. 739].

Учитель – этот мягкий, высокообразованный человек, на уроке же бывает «угрюм, рассеян, несправедлив, жесток». Чем обусловлены эти метаморфозы? В.В. Розанов полагал, что причины этого поразительного явления скрыты в сущности учительского труда. Вот некоторые аспекты, выделенные мыслителем. Во-первых, учителю нужно не только изложить новый учебный материал, но и суметь заинтересовать им гимназистов, «а в неспособности, рассеянности, тысячи недостатков со стороны слушающих, – ответить на каждый из этих недостатков соответствующим способом воздействия, который так или иначе, но непременно направил бы их внимание на нужное» [13, с. 739]. Во-вторых, учителю приходится излагать один и тот же учебный материал из года в год, да еще бывает несколько раз в день, что заставляет педагога искать другие способы изложения урока, иную манеру повествования, но такую, чтобы не показаться смешным или неуместным. Каждый учебный день – это одна двухсотая часть учебного года, похожего один на другой, мрачно описан Розановым: «Эти дробы – на фоне оставленной, никогда почти не видимой семьи, падающих сил, возрастающей с детьми денежной нужды, уже долголетнего и все, кажется, напрасного заискивания перед начальником, наконец – отчуждения от всех людей, сознания ненужности делаемого дела» [13, с. 740].

Однако урок, даваемый в классе, – это не единственная забота учителя «и даже не самая настоящая»; даже если он проведен плохо, это не ведет за собой какого-либо немедленного наказания. Но не составленная вовремя ведомость – это неприятность, которую ничем оправдать нельзя; также нельзя не обойти хотя бы раз в месяц ученические квартиры, выполнить обязательное количество классных работ, выписать в кондуитскую книгу все шалости учащихся, подвергнув их статистике. И еще много других обязанностей, которые должен выполнить учитель. Но есть и такие, которые внешне никак не проявляются, ведь никто не может за-

глянуть в растревоженную душу учителя, когда, как ему кажется, по его вине был исключен ученик, способный, любознательный, любимый, не выдержавший ревизии гимназии (по разным причинам, часто формальным, не справившийся с проверочной работой). Обилие обязанностей, тесное взаимодействие с формирующимися личностями, обусловили заключение, к которому пришел В.В. Розанов: «Жестокий, глупый, несправедливый, он же и умный, изболевший в сердце человек – вот учитель» [13, с. 741].

Министерство народного просвещения не осознавало специфики учительского труда, либо приравнивая его к деятельности чиновника, либо видя в нем «ремесленника на ремесле». Это узкое понимание администрацией деятельности учителя стало особенно заметно в ходе гимназической реформы 1870-х гг., когда при повсеместном – и в прогимназиях, и в гимназиях – введении преподавания древних языков для этих целей из-за границы (преимущественно из Австро-Венгрии) приглашались учителя, при этом выпускники российских духовных семинарий и академий к преподаванию не привлекались. Критерием отбора учителей для министерских чиновников являлась вовсе не личность педагога и не умение преподавать, а документ, свидетельствующий о его профессиональном знании древних языков: этого было достаточно, чтобы на 25 лет поручить учителю-иностранцу обучать гимназистов где-нибудь в Калуге или Орле. «Такт его или бестактность в обращении с учениками, талант или неспособность к преподаванию» – все это не беспокоило министерских чиновников, даже «самая мысль об этом не приходила на ум, и, в общем, она до сих пор отсутствует в учебном мире» [13, с. 766]. К сожалению, констатировал Розанов, учителя гимназий не выбираются, а назначаются; к преподаванию они нигде и никогда не готовились, их преподавательских способностей никто не испытывал, да они, как это ни парадоксально, и не нужны. «Наблюдение, которому учитель потом подвергается, есть более административное, чем педагогическое». Главное – исправно относиться к службе: не пропускать уроков, не являться в гимназию в нетрезвом виде. Выполнение этих условий гарантирует ему сохранение должности, даже если его педагогические способности будут нулевыми или отрицательными.

В.В. Розанов был категорически против пренебрежения личностью учителя, справедливо

полагая, что «он-то и есть центр и душа школы, единственный ее реальный и значащий творец» [13, с. 781]. Однако «рыцари классицизма», как иронично назвал М.Н. Каткова и его друга П.М. Леонтьева П.Ф. Каптерев, отрицали важное воспитательное значение личности учителя. В.В. Розанов, опираясь на статью М.Н. Каткова, познакомил читателей с мнением этого влиятельного человека, касающимся такого педагогически значимого понятия, как личность учителя. Издатель журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости» проанализировал программу Министерства народного просвещения по русской словесности для гимназий и сравнил ее с программой немецкой словесности для прусских гимназий. Он отметил, что количество часов, отводимых на изучение немецкой словесности, меньше, чем на русскую: надо срочно пересмотреть программу по русской словесности и поступить по-немецки, т.е. уменьшить количество часов, отводимых на изучение русской литературы. М.Н. Катков также заметил, что немецкие гимназисты учатся «правильному употреблению своего языка», а наши гимназисты «изучают личность своего учителя» [13, с. 782]. Публицист и издатель предлагал не только сократить количество часов на изучение русской словесности, но и вообще упразднить такой учебный предмет, как история. «Эти излишние уроки, – писал Катков, – суть такая же трата времени, как и излишние уроки русской словесности. Эти излишние уроки будут раскрывать для созерцания учащихся не какой-либо предмет, а собственную личность преподавателя, которая, без сомнения, не входит в план гимназического учения» [13, с. 783].

В.В. Розанов был глубоко возмущен такой установкой влиятельного консерватора, в статьях которого и, видимо, в руководимом им московском лицее Цесаревича Николая «личность учителя особенно усиленно пренебрежена. Работает собственно “программа”, работает “устав”». Такое же отношение к личности учителя, педагога вообще было свойственно и министру народного просвещения графу Д.А. Толстому [13, с. 783].

Консервативный характер гимназической реформы 1870-х гг. привел к «потере лица» учителя, который должен был действовать строго по инструкции. Он не мог «ни ступить в сторону, ни ступить вперед или назад». При такой организации образования учителя «через 5–8 лет службы становились мумиями», и все это по-

тому, что «в учителе не признавалась личность, свой характер, некоторое своеобразие взглядов, приемов, убеждений, манер» [12, с. 118].

О том, какую важную роль играет личность учителя в становлении личности ученика, рассказал В.В. Розанов в «Русском Ниле». Иллюстрацией послужил пример из жизни автора. Светлой личностью учителя оказался не гимназический педагог, а, говоря современным языком, репетитор, которого попросили заниматься с практически отстающим подростком Васей Розановым. Вспоминая о нем, мыслитель с уважением называл имя учителя полностью: Николай Алексеевич Николаев, ученик последнего класса гимназии. «Он сам весь светился любовью к знанию и непрестанно и много читал. <...> и я просто стал читать то же, что он», – писал Розанов [14, с. 555]. Николаев, как вспоминал автор «Русского Нила», особенно ничему не учил, не наставлял ученика, разве в первые месяцы занятий, но сумел возбудить в нем жажду к знаниям «милыми, прекрасными, охотными разговорами-рассуждениями-разъяснениями» [14, с. 556]. Сам учитель, чрезвычайно много читая, стремился поделиться новыми знаниями с подростком. Так благодаря субъект-субъектным отношениям между ними сложилось педагогическое взаимодействие. Николаев не мыслил свою жизнь без самообразования – необходимого качества хорошего учителя, и это уважение к знанию, любовь к чтению передались и ученику.

Учитель, продолжал свои размышления В.В. Розанов, не должен воспринимать свою педагогическую деятельность как «четвертьвековое мученичество и мучительство». Поэтому надо учитывать индивидуальные особенности будущего педагога, его интересы и пристрастия. Однако в действительности все обстояло иначе. На повсеместные сетования о том, что нет искусных учителей в гимназиях, Министерство народного просвещения реагировало так: лучшие кандидаты университетов направлялись в гимназии «в уверенности, что они будут и наилучшими учителями в элементарном и среднем обучении». «Печальное, грубое заблуждение, выросшее на почве администрации, которая все решает по дипломам, обо всем заключает по занумерованным бумагам», – эмоционально заявлял В.В. Розанов и разъяснял, почему такой взгляд является ошибочным [13, с. 661]. Труд учителя отличается от труда ученого. Две психические черты, «которые, в высшей степени

способствуя *научности*, совершенно препятствуют педагогичности: это – быстрота ума, *стремительность соображения* и слишком живая *впечатлительность*». Такие качества необходимы ученому, но плохи в классе: учитель будет торопить учеников, давать объяснения, не учитывающие их возраст, будет раздражаться медленностью «среднего соображения», для большинства гимназистов он станет «несносным, бесполезным и, в конце концов, этою массою ненавидимым учителем». Хорошими учителями, по мнению В.В. Розанова, являются не лучшие, «но именно более вялые питомцы университетов, тихие бегуны на всех поприщах и во всех задачах». Они терпеливы, методичны в объяснениях, полезны школьникам и чтимы ими [13, с. 661]. Таким образом, резюмировал мыслитель, повторяя свою мысль уже в другой статье, «“ученость” и “педагогичность” чаще обратно пропорциональны» [13, с. 801].

Чтобы в российских гимназиях появились хорошие учителя, следует, как полагал В.В. Розанов, изменить систему формирования воспитателей будущих поколений. Пока же учитель – «человек и без того очень общего образования, долгого учения и, следовательно, очень *отвлеченных* интересов», он «обычно рожден в одном городе, гимназию прошел – в другом, университет – в третьем, и службу проходит в четвертом, пятом, шестом. Он – человек *без корней*; в сущности – у него нет *родины*, и, следовательно, – *родного*» [13, с. 707]. У него нет ничего постоянного, лишь отношения временного товарищества. Он, в сущности, коммивояжер просвещения: «никому *он* не нужен, всем нужно то, что он *несет*; и, если он умен, если он человек с сердцем, – что бывает часто, – он становится почти врагом образования, которое так много у него отняло и так мало ему дало» [13, с. 708]. Он приобретет те негативные качества, о которых шла речь выше; половина учителей, по разным причинам, не обзаводится семьей. В «Афоризмах и наблюдениях» В.В. Розанов употребил только черные краски, описывая жизнь учителя, дожившего до вожделенной минуты двадцатипятилетнего служения народному просвещению. К сожалению, счастья это ему не принесло, поскольку он уже «не нуждается ни в чем более, кроме сиделки, компресса на голову, склянки с микстурой, – которые недолго еще будут облегчать последние его страдания» [13, с. 708].

С таким положением нельзя мириться. По мнению В.В. Розанова, школа должна само-

пополняться учителями. «Учитель – местный житель, любимый питомец школы, ею высмотренный, с детства наблюдаемый, испытанный, посланный доучиваться в университет» [13, с. 708]. Его служебное перемещение недопустимо (перевод учителей из одной гимназии в другую был обусловлен плохо исполняемыми ими обязанностями, в связи с чем справедлив вопрос Розанова: Если учитель «стал дурным, зачем наказывать им другой город?»).

В обществе и государстве должен измениться взгляд на учителя, эта профессия должна стать престижной и востребованной. Первый шаг в этом направлении – государственная забота об учителе. Низкая заработная плата отгоняет от школ активных, сильных людей к другим ведомствам, «свободнее поставленным и лучше обеспечиваемым». Кроме увеличения заработной платы учителя, необходимо уменьшить количество недельных учебных часов, проводимых педагогом, количество учащихся в классе. В.В. Розанова поражала недалёковидность власти, проявляющаяся в непонимании того, что в основе прогрессивного развития страны «лежит свет знания». Он видел, что и общественное восприятие учителя до сих пор остается чисто языческим, грубо римским: «“учитель” – это немножко “раб”, конечно, “ученый” раб и все-таки не смеющий возвыситься до сравнения в положении с отцом детей, к которым он приставлен, и который есть для него немножко “господин”» [13, с. 806]. После того, как материальное положение учителя будет улучшено, его статус должен быть поднят и нравственно – «в смысле возвращения ему служебного пиетета». «Пора нашему просвещению снять “зрак раба”, который оно носит на себе, и стать в уровень, плечом к плечу с другими ведомствами» [13, с. 807]. Словом, нужно сделать все для того, чтобы «воскресить учителя в школе», и это будет «альфа воскресения самой школы» [13, с. 821].

Конечно, и сам учитель должен понимать значимость своей профессиональной деятельности, осознавать специфику своего труда, при котором его духовное развитие играет важную роль. Педагогу следует постоянно заниматься самообразованием, расширять свой кругозор, чего нельзя достичь без чтения. В.В. Розанов не мыслил своей жизни без чтения, литературу он считал главной составляющей духовной культуры народа. В «Опавших листьях» он, в частности, писал: «Вся Греция и Рим питались только

литературой: школ, в нашем смысле, вовсе не было! И как возросли. Литература, собственно, есть *естественная школа* народа, и она может быть *единственной* и *достаточной* школой» [15, с. 210].

К сожалению, учителя читают очень мало или вообще не читают. Выдающийся историк С.М. Соловьев, старший современник Розанова, который преподавал не только в высшей, но и в средней школе, с горечью замечал, что из представителей так называемого образованного общества учителя «читают меньше всех». Они, занятые с утра до ночи уроками, откладывают чтение на отпуск, но тот подходит к концу, а «книга остается раскрытой на первой странице». Таким образом, даже молодой учитель «скоро делается старым задавателем и спрашивателем по учебнику» [16, с. 347].

Учитель также должен обладать обширными психолого-педагогическими знаниями, которые помогут ему проникнуть во внутренний мир ученика, увидеть его индивидуальные черты, понять его личность. Эти важные психолого-педагогические сведения о школьнике помогут педагогу следовать принципу индивидуальности, одному из трех предложенных В.В. Розановым для улучшения процесса образования. Согласно Розанову, где индивидуальность не сохранена, подавлена, «там образования совершенно не происходит». Нельзя видеть в ученике «человека вообще», «человек есть всегда *особенное*». «“Личность” – вот его высшее, глубочайшее определение, и отвечая этому определению, каков бы ни был тип школы, система образования только та будет образовательной, где не будет нарушен этот принцип индивидуальности» [13, с. 693].

Тот педагог сможет лучше узнать индивидуальность школьника, который обладает умением слушать. В.В. Розанов, в частности, подчеркивал: «Есть дар слушания голосов и дар видения лиц. Ими проникаем в душу человека». К сожалению, не всякий человек, в том числе педагог, умеет слушать. «Иной слушает слова, понимает их связь и связно на них отвечает. Но он не уловил “подголосков”, *теней звука* “под голосом”, – а в них-то, и притом в них одних, говорила душа» [15, с. 109]. Когда ученик осознает, что учитель его внимательно слушает, потому что не торопит его, не имеет равнодушного и скучного вида, тогда школьник может решиться на сокровенный рассказ о себе и поведать педагогу нечто личное, не ба-

нальное. В такие минуты рождается доверие к учителю, который для ученика, говоря языком современной науки, становится референтным лицом. Формулировка Розановым такой ситуации обрела статус афоризма: «Рассказ другому есть выражение расположения к другому» [15, с. 56].

Каким же учителем был сам В.В. Розанов, обладавший глубокими педагогическими знаниями, создавший, по сути, оригинальную педагогическую концепцию (что доказали современные исследователи [1; 2; 4; 5; 6; 7; 10 и др.]?)

Учитель Розанов принадлежал к той части российского учительства, о которой писал, что они, находясь в глухой провинции, обратились к творчеству. Так, служа в Брянской прогимназии, В.В. Розанов написал свою первую книгу – философский труд «О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания». А в Ельце вместе с учителем греческого языка П.Д. Первовым переводил «Метафизику» Аристотеля (перевод публиковался в «Журнале Министерства народного просвещения» с 1890 г.). В 1888 г. появились первые журнальные статьи Розанова, в 1891 в «Русском вестнике» – «Легенда о Великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского».

Более десяти лет В.В. Розанов совмещал учительство и творчество, но педагогическая деятельность была ему в тягость. Вспоминая Елецкую мужскую гимназию, он писал: «Бесконечно была трудная служба, и я почти ясно чувствовал, что у меня “творится что-то неладное” (надвигающееся или угрожающее помешательство, – и нравственное, и даже умственное) от “учительства”, в котором, кроме “милых физиономий” и “милых душ” ученических, все было отвратительно, чуждо, несносно, мучительно в высшей степени. Форма: а я – бесформен. Порядок и система: а я бессистемен и даже беспорядочен» [11, с. 22]. Взгляды В.В. Розанова на современную ему педагогику и школу обобщены в статьях «Розановской энциклопедии» [2; 4].

По-разному Розанова-учителя воспринимали учащиеся. Вот, например, что вспоминала В.И. Гедройц (1870–1932), ученица Брянской прогимназии (впоследствии – первая в России женщина-хирург, доктор медицины, профессор хирургии): «Из уроков самый интересный – урок географии. Свообразие изложения уносило далеко, распахивало ворота окружающей обыденщины. И “двуликий”, как прозвали мы

Розанова, был другим на таких уроках: он, казалось, жил иною жизнью, жизнью мечты, и лицо его светлело, улыбалось... Забывал он время, забывал, что перед ним второклассницы, говорил о том, чего нет в книгах, – о жизни, о человеке. Но стоило ему услышать шутку, подметить усмешку – глаза прятались за очками, губы сжимались, и перед нами был Розанов, повернувшийся другою стороной лица. Большинство его не любили. <...> Держался он вдали от других учителей, не принимал участия в попойках, не бывал в клубе и писал книгу. За это я его любила и хорошо приготовляла уроки» [8, с. 217].

Прогимназистки сочинили сатиру на В.В. Розанова и поместили ее в ученической газете «Хайло», издателем которой была В.И. Гедройц: «Вот идет сюда Васютка, / Посмотреть на рожу жутко». Но это были детские шалости, а то, как много значил учитель Розанов для В.И. Гедройц, отражено в стихах, написанных через 25 лет после окончания Брянской прогимназии. Вера Игнатьевна свои литературные сочинения подписывала аллонимом Сергей Гедройц, именем горячо любимого рано умершего брата (этим объясняется употребление мужского рода в стихотворении): «Если я падал душою, / Сердцем, борясь, уставал, / Ты своей песнью святою / К долгу меня призывал. / Тьмы беспощадный гонитель, / К свету, лишь к свету все вел, / И за тобою, учитель, / Гордо и смело я шел» [8, с. 217]. В.И. Гедройц называла Розанова незабвенным учителем и утверждала, что у нее осталось о нем самое светлое воспоминание.

Среди учеников Елецкой гимназии были М.М. Пришвин и С.Н. Булгаков, у которых по-разному сложились взаимоотношения с учителем географии в школьные годы. Так, М.М. Пришвин вспоминал: учитель Розанов «несправедливый, возбуждает в учениках младших классов отвращение, но от старших классов, от восьмиклассников, где учится, между прочим, будущий крупный религиозный философ и общественный деятель С.Н. Булгаков, доходят слухи о необыкновенной учености и даровитости Розанова, и эти слухи умиряют наше детское отвращение к физическому Розанову» [17, с. 737].

Розанов, самобытный, много знающий, оригинально мыслящий, был несовместим с циркулярами, отчетами, какими-либо другими «формами», превратившими школу в канцелярию. Но прекращение педагогической деятельности не помешало ему выяснять причины, по кото-

рым отечественное образование оказалось в сумерках. Он познал тайну изменения отношения общества и государства к школе. По мнению Розанова, патриота и гражданина, она состоит «в развенчании бюрократических форм, примененных к духовному деланию, в котором они все неприменимы; в создании условий культурного труда, культурного воздействия учителя на ученика, культурного восприятия учеником этих воздействий, – в выработке духовных, идеальных способов воздействовать на духовные, на идеальные стороны в мальчике, юноше, девушке» [13, с. 758]. Это возможно достичь тогда, когда на уроке будет просвещение, т.е. «живое обращение соков в живом же организме» [13, с. 791].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белозерцев Е.П., Крикунов А.Е., Павленко А.И. Школа и семья в философско-педагогической публицистике В.В. Розанова. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2002.
2. Заварзина Л.Э. Педагогика // Розановская энциклопедия / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2008. С. 1810–1814.
3. Заварзина Л.Э. Учитель // Розановская энциклопедия / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2008. С. 2239–2242.
4. Заварзина Л.Э. Школа // Розановская энциклопедия / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2008. С. 2318–2322.
5. Заварзина Л.Э. Педагогические взгляды Розанова // Наследие В.В. Розанова и современность. Материалы Международной научной конференции. Москва. 29–31 мая 2006 г. М., 2009. С. 535–545.
6. Зорина Г.В. «Кризис российской школы» в педагогических работах Розанова // Наследие В.В. Розанова и современность. Материалы Международной научной конференции. Москва. 29–31 мая 2006 г. М., 2009. С. 546–549.
7. Крикунов А.Е. Образовательная концепция В.В. Розанова (историко-педагогический анализ): автореф. дис. ... канд. пед. н. Елец, 1999.
8. Ломоносов А.В., Ватель-Гедройц М.Н. Гедройц Сергей // Розановская энциклопедия / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2008. С. 215–218.
9. Николюкин А.Н. Розанов. М.: Молодая гвардия, 2001.
10. Панина Л.Ю. Воспитание человека культуры в философско-педагогическом наследии

В.В. Розанова: автореф. дис. ... канд. пед. н. Воронеж, 2012.

11. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 13. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001.
12. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 15. Русская государственность и общество (Статьи 1906–1907 гг.). М.: Республика, 2003.
13. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 28. Эстетическое понимание истории (Статьи и очерки 1889–1897 гг.). Сумерки просвещения. М.; СПб.: Республика; Росток, 2009.
14. Розанов В.В. Сумерки просвещения. М.: Педагогика, 1990.
15. Розанов В.В. Уединенное. М.: Политиздат, 1990.
16. Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М.: Изд-во Московского ун-та, 1983.
17. Фатеев В.А. Пришвин Михаил Михайлович // Розановская энциклопедия / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2008. С. 737–742.

REFERENCES

1. Belozertsev, E.P., Krikunov, A.E. and Pavlenko, A.I., 2002. Sem'ya i shkola v filosofsko-pedagogicheskoi publitsistike V.V. Rozanova [School and family in the philosophical and pedagogical essays of Vasily Rozanov]. Yelets: EGU im. I.A. Bunina. (in Russ.)
2. Zavarzina, L.E., 2008. Pedagogika [Pedagogy]. In: Nikolyukin, A.N. ed., 2008. Rozanovskaya entsiklopediya. Moskva: ROSSPEN, pp. 1810–1814. (in Russ.)
3. Zavarzina, L.E., 2008. Uchitel' [Teacher]. In: Nikolyukin, A.N. ed., 2008. Rozanovskaya entsiklopediya. Moskva: ROSSPEN, pp. 2239–2242. (in Russ.)
4. Zavarzina, L.E., 2008. Shkola [School]. In: Nikolyukin, A.N. ed., 2008. Rozanovskaya entsiklopediya. Moskva: ROSSPEN, pp. 2318–2322. (in Russ.)
5. Zavarzina, L.E., 2009. Pedagogicheskie vzglyady Rozanova [Rozanov's pedagogical views] In: Nasledie V.V. Rozanova i sovremennost'. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva. 29–31 maya 2006 g. Moskva, 2009, pp. 535–545. (in Russ.)
6. Zorina, G.V., 2009. «Krizis rossiiskoi shkoly» v pedagogicheskikh rabotakh Rozanova [«The crisis of Russian school» in Rozanov's

pedagogical works]. In: *Nasledie V.V. Rozanova i sovremennost'*. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva. 29–31 maya 2006 g. Moskva, 2009, pp. 546–549. (in Russ.)

7. Krikunov, A.E., 1999. *Obrazovatel'naya kontseptsiya V.V. Rozanova (istoriko-pedagogicheskii analiz)* [Vasily Rozanov's educational concept (historical and pedagogical analysis)], avtoreferat dissertatsii kandidata pedagogicheskikh nauk. Yelets. (in Russ.)

8. Lomonosov, A.V. and Vatel'-Gedroits, M.N., 2008. *Gedroits Sergei* [Giedroyc Sergey]. In: Nikolyukin, A.N. ed., 2008. *Rozanovskaya entsiklopediya*. Moskva: ROSSPEN, pp. 215–218. (in Russ.)

9. Nikolyukin, A.N., 2001. *Rozanov* [Rozanov]. Moskva: Molodaya gvardiya. (in Russ.)

10. Panina, L.Yu., 2012. *Vospitanie cheloveka kul'turi v filosofsko-pedagogicheskom nasledii V.V. Rozanova* [The issue of educating a cultured person in the philosophical and pedagogical heritage of Vasily Rozanov], avtoreferat dissertatsii kandidata pedagogicheskikh nauk. Voronezh. (in Russ.)

11. Rozanov, V.V., 2001. *Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 13. Literaturnye izgnanniki: N.N. Strakhov, K.N. Leont'ev* [Collected works: in 30 volumes. Vol. 13. Literary exiles: Nikolay Strakhov, Konstantin Leontiev]. Moskva: Respublika. (in Russ.)

12. Rozanov, V.V., 2003. *Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 15. Russkaya gosudarstvennost' i obshchestvo (Stat'i 1906–1907 gg.)* [Collected works: in 30 volumes. Vol. 15. Russian statehood and society (articles of 1906–1907)]. Moskva: Respublika. (in Russ.)

13. Rozanov, V.V., 2009. *Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 28. Esteticheskoe ponimanie istorii (Stat'i i ocherki 1889–1897 gg.)*. *Sumerki prosveshcheniya* [Collected works: in 30 volumes. Vol. 28. The aesthetic understanding of history (Articles and essays of 1889–1897). *The twilight of enlightenment*]. Moskva; Sankt-Peterburg: Respublika; Rostok. (in Russ.)

14. Rozanov, V.V., 1990. *Sumerki prosveshcheniya* [The twilight of enlightenment]. Moskva: Pedagogika. (in Russ.)

15. Rozanov, V.V., 1990. *Uedinennoe* [Solitaria]. Moskva: Politizdat. (in Russ.)

16. Solovyov, S.M., 1983. *Izbrannye trudy. Zapiski* [Selected works. Notes]. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (in Russ.)

17. Fateev, V.A., 2008. *Prishvin Mikhail Mikhailovich* [Prishvin Mikhail Mikhailovich]. In: Nikolyukin, A.N. ed., 2008. *Rozanovskaya entsiklopediya*. Moskva: ROSSPEN, pp. 737–742. (in Russ.)

Л.Е. Шапошников*

В.В. РОЗАНОВ О НЕОБХОДИМОСТИ ДЛЯ РОССИИ
«НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ»

В статье рассматриваются взгляды В.В. Розанова на проблемы национальной школы. Ориентация отечественного образования на западные стандарты, по его мнению, несет угрозу потери национальной идентичности. Обращение к базисным ценностям отечественной духовной традиции должно стать необходимым элементом школьного обучения. Более того, на качество образовательного процесса неизбежно влияет и статус педагога, в связи с чем в своих работах В.В. Розанов формулирует систему мер по его повышению, а также последовательно критикует политику бюрократизации образования. Автор подчеркивает важность и актуальность идей В.В. Розанова в современных российских реалиях.

Ключевые слова: В.В. Розанов, философия образования, образовательная система, национальные традиции

Vasily Rozanov on the necessity of the «national school» for Russia. LEV E. SHAPOSHNIKOV (Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University)

The paper analyses the views of Vasily Rozanov on the issue of national school. The scholar believed that if domestic education follows the Western educational standards, prioritizing those, the national identity of Russia will be lost. Thus, traditional values and expertise should be the fundamental basis of secondary education. Moreover, the status of a teacher inevitably affects the quality of the educational experience, that is why Rozanov suggested a number of ways to enhance it. In his works, the philosopher also heavily criticized the bureaucracy in education. The paper highlights the importance and relevance of Rozanov's ideas for modern Russia.

Keywords: Vasily Rozanov, philosophy of education, educational system, national traditions

Анализируя российскую систему образования и воспитания, Василий Васильевич Розанов отмечает ее определенные успехи: «Мы имеем дидактику и ряд дидактик; мы имеем методичку и ряд методик; мы имеем вообще педагогику как теорию». Но в России нет того, что можно назвать «философией воспитания и образования». Ее предмет является и содержательное

раскрытие самих этих феноменов, и определение их значения «в ряду остальных культурных факторов», наконец, необходимо выявить отношение задач воспитания и образования «к вечным чертам человеческой природы и целями истории». Без решения этих методологических задач само по себе усовершенствование методик и дидактических приемов преподавания

* ШАПОШНИКОВ Лев Евгеньевич, доктор философских наук, президент Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина.

E-mail: shaposhnikov_le@mininuniver.ru

© Шапошников Л.Е., 2021

даст результат «скорее отрицательный, нежели положительный» [5, с. 621]. Философия воспитания и образования, по мнению В.В. Розанова, должна обратить особое внимание на три «первенствующих принципа», а именно: национальности, семейности и практицизма. Для избранной нами темы имеет значение первый принцип, на его анализе мы и остановимся.

Проблема русской, национальной школы является для мыслителя одной из основных. Он не приемлет космополитическую систему, считая, что создание человека вне духа своей культуры, синтетически собранного из элементов всех цивилизаций, есть идея крайне искусственная и под этой всемирностью «нет гражданина» [5, с. 368]. В то же время в российской гимназии смешиваются три разнородные сферы знания: во-первых, классические языки и античная культура; во-вторых, христианское вероучение и история; в-третьих, собрание «точных, внешних познаний человека о себе и о природе». Особенно много вопросов вызывает засилье в гимназическом образовании классических языков. Во всех сферах деятельности, где «теория смешивается с практикой», реформы происходят «на основании предварительного испытания», однако, «к глубокому несчастью судеб народного образования в России, этот здравый и осторожный путь никогда не был у нас школьным путем» [4, с. 562]. Данное замечание в полной мере относится и к «приказному классицизму», который вопреки мнению общественности был принят «не культурно, а как “бумага к исполнению”».

В связи с этим В.В. Розанов приводит интересные факты, относящиеся к «ярому поклоннику» классического образования Д.А. Толстому. Оказывается, сам реформатор гимназий «не был вовсе отличным классиком» и даже брал уроки по древним языкам, чтобы «хотя поверхностно ознакомиться с рекомендуемой им вещью» [4, с. 236]. Более того, по мере реализации министерских установок становилось все более ясным, что вводится в гимназиях «не столько классицизм, сколько германизм». Но если для немцев и других западноевропейцев «латинский быт, и строй, и культура, и, следовательно, образование» есть элементы национальной традиции, то мы, русские, «ничего оттуда не взяли непосредственно, а если что взяли, то через немцев и французов» [4, с. 610]. В результате гимназисты «остались скорее совсем без образования, чем с классическим образованием».

Поэтому необходимо вернуть школу к национальным традициям и поставить «на первом месте Отечествоведение». Вместо безжизненных грамматических схем и бездумной зубрежки ученики будут изучать отечественную историю, географию своей страны, фольклор, русскую культуру и особенно литературу. При этом обучение не должно «отгораживать» гимназию от мирового культурного и образовательного процесса, и для этих целей следует более основательно овладеть современными европейскими языками. Реализация программ, связанных с «отчествоведением», позволит преодолеть «культурное рабство» перед Западом и занять в отношении его положение «сотрудника, собрата, который прежде всего не теряет уважения к своему “я”» [4, с. 611].

Необходимость преодоления «мертвящего классицизма», как отмечает В.В. Розанов, стала осознаваться и правительством. Так, 1 августа 1900 г. появился циркуляр Министерства народного просвещения о том, что «экстемпоралии как средство учебного контроля должны быть устранены из школьной практики, как не достигавшие цели». Мудреное латинское слово *extemporalis* означает классное письменное упражнение, состоящее в переводе с родного языка на иностранный без предварительной подготовки. Притом эти работы, выполненные на греческом или латинском языках, проверялись не только гимназическими учителями, но и вышестоящим начальством. Более того, гимназии учебного округа располагались ежегодно по ранжиру исходя из «качества письменных работ». Отсюда постоянная муштра гимназистов, в том числе и во вред их здоровью, которое, как едко замечает мыслитель, относилось к «вещи не учитываемой». Теперь же письменные испытания по древним языкам отменялись, но остались «в прежней силе» экзамены по математике, русскому языку и словесности. Однако они были для гимназистов и понятнее, и мотивированнее и не вызывали у них такого негативизма, как греческий и латинский языки.

Отвечая на упреки противников национальной школы, утверждающих «недостаточность собственно русских начал для образования», В.В. Розанов справедливо отмечал, что подобные рассуждения «пусты и ничтожны уже потому, что мы этих начал никогда не применяли в школе» [4, с. 362]. Более того, совершенно необоснованным, с точки зрения мыслителя, является стремление представить «самобыт-

ные начала в образовании» как начала отста-
 лые, консервирующие «отечественное неве-
 жество»: в среднем общем образовании «все
 должно быть национально, но национальное
 должно быть и всемирно удовлетворительно».
 Для того, чтобы достичь этой цели, необходи-
 мо «серьезное и внимательное изучение отече-
 ственных традиций, которое должно составить
 самый фундамент нашей школьной системы»
 [4, с. 362]. Русская культура и наука, отече-
 ственная педагогика достигли такого развития,
 при котором не только возможно, но и нужно
 ориентировать просвещение на развитие наци-
 ональной школы. Этот вывод мыслителя актуа-
 лен и сегодня, когда под лозунгами «отказа от
 отживших традиций» из школы изгоняются гу-
 манитарные знания, формирующие националь-
 ное самосознание.

Наконец, Розанова волновала еще одна про-
 блема, связанная с просвещением: какова роль
 государства в этой сфере? Историческое разви-
 тие России привело к особому значению государ-
 ства и его органов в различных областях обще-
 ственной жизни. В силу данного обстоятельства
 от Министерства народного просвещения мно-
 гое зависит в «самочувствии российского об-
 разования». Однако высший орган управления
 просвещением можно назвать «министерством
 по поводу просвещения», так как «косвенные и
 скрытые его задачи господствовали и подавляли
 в нем прямые и открытые цели»: вместо реше-
 ния главных проблем образования, связанных
 «с духом и культурой», со статусом учителя, с
 удовлетворением потребностей общества в «гра-
 мотных работниках», министерство «регулирует
 подробности», «вводит различные комбинации
 предметов», «регламентирует прием учеников в
 школу» и т.п. При этом оно в своей деятельности
 постоянно «сверяется с западными образцами»,
 часто выбирая среди них для подражания отнюдь
 не лучшее. Поэтому, как замечает В.В. Розанов,
 «самый материал образования» в большинстве
 своем не русский и поэтому «незаметно и неу-
 клонно» мы переделываем самую структуру рус-
 ской души «на манер иностранного» [4, с. 114].
 Мыслитель, анализируя деятельность министров
 просвещения в России, констатирует тот факт,
 что они не разделяли славянофильской ориента-
 ции. По его мнению, это удивительное явление,
 что «никогда даже опыта не было поставить во
 главе русского училищного дела человека тради-
 ций Киреевских, Хомякова, Аксаковых, Тютче-
 ва» [3, с. 339].

Образовательная система, как и общество в
 целом, подвержена изменениям, но надо пони-
 мать, что школа – это не просто «сумма поряд-
 ков». Просвещение связано с духовными тради-
 циями, с уровнем развития культуры и науки, в
 силу этого «школа вырабатывается даже не ве-
 ком, а веками» [2, с. 34]. В этой связи понятно,
 что стремление постоянно реформировать об-
 разование приводит к разрушению «устойчиво-
 сти учебной системы». Вместо декларируемого
 реформаторами «ускорения прогресса» проис-
 ходит «огромная задержка в развитии страны».
 Только благодаря сохранению образовательных
 традиций «вся страна получает устойчивую
 цель своих умственных напряжений». Славя-
 нофилы как раз и предлагали программу со-
 хранения самобытных начал при проведении
 «образовательной политики», и данная уста-
 новка близка В.В. Розанову. При этом еще раз
 отметим, что самобытность для него не означа-
 ет отсталости, а, напротив, выступает базисом
 позитивного развития.

Анализируя российскую систему просве-
 щения, В.В. Розанов уделяет особое внимание
 роли учителя в воспитании и образовании. По
 его мнению, «вопрос об учителе – это почти
 весь вопрос о школе, потому что учитель, соб-
 ственно, и составляет школу» [4, с. 243]. Дан-
 ная профессия одна из самых трудных, ибо она
 предполагает определенную «педагогическую
 умелость», получаемую в ходе обучения, и в
 то же время у человека должны быть задатки,
 «предрасположение» к этому виду деятельно-
 сти. При этом одних умственных способно-
 стей мало, так как есть люди интеллектуально
 одаренные, но они «трудятся про себя и для
 себя». Учитель же должен обладать «духовным
 бескорытием» и быть способным к синтезу с
 «заинтересованностью личностью ученика и
 содержанием предмета». В то же время совре-
 менное положение школьного преподавателя
 вызывает в общественном мнении «насмешки
 и вражду». Мыслитель убежден, что при «та-
 кой молве об учителе» подлинное, «настоящее
 образование не может сложиться успешно» [4,
 с. 239]. Откуда же проистекает подобный взгляд
 на преподавателя? Гимназисты часто обвиняют
 своих наставников «в черствости, безжалостно-
 сти, в формальном отношении к делу». Однако
 учитель в этом не виноват, ведь сама гимна-
 зия – это «сумма педагогических формально-
 стей, без животворящего в них педагогического
 духа». Поэтому преподаватель не может в своей

деятельности руководствоваться собственными внутренними установками, он «перепутан стальной паутиной тончайших регламентаций». Его профессиональная судьба во многом зависит от директора учебного заведения, который ведет себя как «администратор», а «отнюдь не педагог» [2, с. 38]. В силу этого стремление к улучшению «учебного дела» сводится к различным административным решениям, к «ужесточению правил», но эффективность подобных действий чрезвычайно низка. Конечно, в ходе организации учебного процесса определенные административные начала необходимы, но сами по себе они бессильны «создать какой-нибудь идеал, придать содержанию смысл, одухотворить форму». Следовательно, национальная образовательная система должна эволюционировать в сторону расширения прав учителя – как в определении содержания урока, так и в повышении его социального статуса. Сейчас, подчеркивает мыслитель, назначение преподавателя на должность, его перемещение с одного места работы на другое, «способ производства ревизий» подчеркивают полную зависимость педагога от «вышестоящих властей». В этой сфере, по мнению В.В. Розанова, требуется «умягчение нравов», которое должно состоять «в соблюдении большей деликатности в отношении человеческой личности» [2, с. 282].

Наконец, еще одна проблема, определяющая статус российского учителя, – это его материальное положение, связанное с объемом государственного финансирования образования в целом. К сожалению, ассигнования на эти цели выделяются по остаточному принципу, государство прежде всего заботится об армии и флоте. Однако без высокообразованного просвещения Россия не сможет «стать духовно вооруженной страной, умственно мощной страной», а именно данные факторы выступают «основой армий и флотов» [1, с. 185].

Радикальное увеличение финансирования системы образования, с одной стороны, позволит увеличить численность школ, их разнообразие, а главное – сделать их доступными для всех детей, с другой – «денежная перемена» изменит весь нравственный климат школы, ибо «перед учениками будет стоять и сидеть не злой учитель, а добрый учитель!» [1, с. 273]. Потому что он перестанет думать «о пропитании семьи», о дополнительном заработке, о том, где взять средства на нужную литературу, как обустроить свой быт и т.п.

Итак, проблемы философии воспитания и образования находились в центре внимания В.В. Розанова. Живя на рубеже XIX и XX вв., он сумел рельефно показать слабые стороны российского просвещения и предложить пути его позитивного развития. Данное обстоятельство делает творчество мыслителя чрезвычайно востребованным при анализе современной системы образования. Его яркая апология национально ориентированной школы не утратила и сегодня своего значения. Наконец, обоснование необходимости повышения социального статуса учителя, улучшения его материального положения, преодоления министерского бюрократизма, осуждение «бездумного реформаторства» может служить программой неотложных мер по совершенствованию сегодняшнего школьного дела.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 17. В нашей смуте (Статьи 1908 г.). Письма к Э.Ф. Голлербаху. М.: Республика, 2004.
2. Розанов В.В. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 19. Старая и молодая Россия (Статьи и очерки 1909 г.). М.: Республика, 2004.
3. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 23. На фундаменте прошлого (Статьи и очерки 1913–1915 гг.). М.; СПб.: Республика; Росток, 2007.
4. Розанов В.В. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 27. Юдаизм (Статьи и очерки 1898–1901 гг.). М.; СПб.: Республика; Росток, 2009.
5. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 28. Эстетическое понимание истории (Статьи и очерки 1889–1897 гг.). Сумерки просвещения. М.; СПб.: Республика; Росток, 2009.

REFERENCES

1. Rozanov, V.V., 2004. *Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 17. V nashei smute (Stat'i 1908 g.). Pis'ma k E.F. Gollerbakhu* [Collected works: in 30 volumes. Vol. 17. In our turmoil (Articles of 1908). Letters to E.F. Hollerbach]. Moskva: Respublika. (in Russ.)
2. Rozanov, V.V., 2004. *Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 19. Staraya i molodaya Rossiya (Stat'i i ocherki 1909 g.)* [Collected works: in 30 volumes. Vol. 19. Old and young Russia (Articles and essays of 1909)]. Moskva: Respublika. (in Russ.)
3. Rozanov, V.V., 2007. *Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 23. Na fundamente proshlogo (Stat'i i*

ocherki 1913–1915 gg.) [Collected works: in 30 volumes. Vol. 23. On the foundation of the past (Articles and essays of 1913–1915)]. Moskva; Sankt-Peterburg: Respublika; Rostok. (in Russ.)

4. Rozanov, V.V., 2009. Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 27. Yudaism (Stat'i i ocherki 1898–1901 gg.) [Collected works: in 30 volumes. Vol. 27. Judaism (Articles and essays of 1898–1901)]. Moskva; Sankt-Peterburg: Respublika; Rostok. (in Russ.)

5. Rozanov, V.V., 2009. Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 28. Esteticheskoe ponimanie istorii (Stat'i i ocherki 1889–1897 gg.). Sumerki prosveshcheniya [Collected works: in 30 volumes. Vol. 28. The aesthetic understanding of history (Articles and essays of 1889–1897). The twilight of enlightenment]. Moskva; Sankt-Peterburg: Respublika; Rostok. (in Russ.)

